

Андрей Перепелятников

Медовый месяц

Роман и рассказы

Ульяновск 2016

Медовый месяц

роман

Глава I

1

Суббота в славном военно-строительном полку был днём учебным. После утренних мероприятий и завтрака в повседневной форме одежды роты выстраивались на центральной аллее военного городка, производился развод в казармы и в учебные классы. Первые два часа учебного времени отводились, естественно, политической подготовке, затем проводилась боевая, строевая и производственная подготовка.

Замполит полка вологжанин подполковник Шишка распорядился, чтобы занятия по политической подготовке с комсомольским активом полка проводил комсорг лейтенант Поляков. «Хоть раз в неделю секретарь комитета комсомола будет иметь возможность увидеть всех секретарей комсомольских организаций рот», - сказал он на совещании, отдавая распоряжение. Занятия этой группы он велел проводить в классе учебного центра полка и частенько на занятия этой учебной группы наведывался сам. Там он делал активистам полка кое-какие объявления, отвечал на их вопросы. А если тема занятий касалась Великой Отечественной, любил рассказывать ребятам разные истории из своей, короткой боевой биографии.

Небольшое барачного типа здание учебного центра располагалось рядом со штабом части. Там ИТР комбината ЖБИ, ДОКа, УАТ и других предприятий по вечерам постоянно вели обучение воинов строительным специальностям, обучали их правилам техники безопасности, принимали экзамены на повышение разрядов. В здании было три учебных класса. Один большой класс был обставлен хорошей мебелью и красиво оформлен стендами. В нём на занятия можно было разместить

до пятидесяти человек. Два другие были размером поменьше, а обставлены мебелью и оформлены стендами поскромнее.

В самую первую субботу января полк приступил к летнему периоду обучения. «К первому занятию надо подготовиться как можно лучше, могут приехать проверяющие из штаба Управления войск, а уж замполит полка мою учебную группу в такой день посетит обязательно», - сказал себе Антон Поляков. Несколько раз приступал он к написанию конспекта. Но лекция ни как не получалась. Он несколько раз проштудировал методическую разработку в «Советском воине», перечитал постановление ЦК КПСС о задачах на начавшуюся пятилетку. Но лекция всё равно получалась длиннющая из-за обилия цифр, не интересная самому политгрупповоду. Кое-как с третьей или четвёртой попытки написал он свой конспект, представил замполиту на утверждение и успокоился.

2

И вот после полкового развода, поздравления с началом нового учебного года, наставлений и постановки задач командования на новый учебный год, в учебном классе собрались слушатели группы лейтенанта Полякова, и он приступил к занятиям. Сначала Антон тоже поздравил своих слушателей с началом нового учебного года, объявил темы занятий, которые будут изучаться в новом учебном году, порекомендовал ребятам, какие работы Ленина им надо обязательно прочесть, желательно даже законспектировать, какие прочесть статьи из журналов «Советский воин» и «Агитатор», чтобы легче усвоить программу нового учебного года. Особое внимание обратил он на продолжение изучения решений Двадцать второго съезда КПСС.

В окно справа от своего стола он видел, как из штаба полка вышли замполит полка, пропагандист и секретарь партбюро. Офицеры несколько минут постояли на центральной аллее, потом разошлись в разные стороны. Антону хотелось, чтобы замполит зашел к нему именно сейчас, когда он излагал вводную

часть, но подполковник, проходя мимо учебки, чуть приостановился, глянул на часы и поспешил дальше.

Антон, тем временем, перешел к изложению материала по теме занятий. Он объявил и продиктовал ребятам тему и учебные вопросы, делая после каждого предложения паузы и по несколько раз их повторяя.

Отопление в классе, как и во всём военном городке, было паровым, радиаторы отопления, как всегда, пылали жаром, поэтому в классе было очень душно.

Это обстоятельство вскоре привело к тому, что наш не выспавшийся политгрупповод сначала начал позёвывать, а вскоре у него стали предательски закрываться и глаза. Борясь с зевотой и непослушными глазами, лейтенант на несколько минут стал отходить от своего стола. Держа в левой руке конспект, тыльной стороной указательного пальца, время от времени он стал потирать глаза, при перемещении по классу, делать резкие развороты назад, пытаясь взбодриться. Возле своего стола он открыл форточку, но слабый морозный ветер дул в то утро не в окна его класса, и свежая струя морозного воздуха не врывалась в окно, не освежала голову бедного лейтенанта, и нахлынувшая на него сонливость ни как не проходила. Наоборот, его тело уже стала одолевать слабость, куда-то уходили силы. Текст конспекта различался всё хуже и офицеру, чтобы прочесть очередной тезис в конспекте, приходилось напрягаться.

Постепенно, вначале бодрый и звонкий его голос стал каким-то приглушенным, ноги стали настолько ватными, что при движении молодой человек уже слегка пошаркивал ногами по надраенному полу.

Не отдавая себе отчёта, с трудом продолжая диктовать слушателям материал по теме, лейтенант подошел к своему столу, положил конспект и тяжело сел на стул. Несколько минут, продолжая отчаянную борьбу с навалившимся сном, он ещё продолжал что-то говорить. Но вот его отяжелевшая голова медленно опустилась на кисть, лежавшей на столе левой руки,

сами закрылись ни чего не видевшие глаза и он окончательно уснул.

На мгновение в классе установилась мёртвая тишина. Кто-то из слушателей хихикнул, потом, сидевший за первым столом комсорг первой роты он же и заместитель секретаря комитета комсомола Виктор Рогатенко, не громко сказал:

- Товариш литинант!

Но Антон уже спал мертвецким сном и помощью своего зама не воспользовался. Видя это, Рогатенко поднялся с места, намереваясь подойти и разбудить лейтенанта, но окриком «погоди» его остановил Борис Смаков. В классе опять установилась абсолютная тишина. Ребята с интересом и недоумением во все глаза смотрели на своего политгрупповода. Через минуту раздался сигнал трубы, возвещавшей перерыв. В классе послышался лёгкий шумок. Но с места быстро поднялся Борис Смаков, резко развернулся назад, приподнял вверх с растопыренными пальцами обе руки и сказал: «Тшшш!». Все опять замерли, а Борис, жестикулируя обеими руками, безмолвно потребовал тихо выходить на улицу. Когда опустел класс, Борис осторожно подошел к спящему лейтенанту, с минуту постоял, размышляя, что делать и направился на выход. Выйдя на улицу, он скомандовал Рогатенке ни кого в класс не впускать, а сам метнулся в свою роту.

Через несколько минут он прибежал с внештатным полковым фотографом Виктором Шутовым. Крохотная комнатка фотолаборатории Шутова находилась тут же в здании учебки, а потому в обязанности Виктора было вменено и поддержание чистоты и порядка в здании. У него же, естественно, были и ключи от всех классов. По распоряжению Смакова Шутов открыл оба малых класса. А Смаков подозвал к себе Рогатенку и о чём-то с ним посоветовался.

Когда полковой трубач возвестил о начале второго часа занятий, Борис велел всем тихо зайти в класс, взять конспекты и перейти в классы малые. С первой по четвёртую роты – во

второй, остальные заходи в третий класс», - скомандовал вдруг став решительным, требовательным и проворным стеснительно застенчивый Борис. Шутов класс со спящим лейтенантом закрыл на ключ, предварительно зашторив окна, и заперся в своей лаборатории.

Во втором классе стол преподавателя занял строгий и чрезвычайно ко всем требовательный и принципиальный хохол Рогатенко, а в третьем – Борис Смаков. Рогатенко под диктовку читал ребятам отрывки из методической разработки «Советского воина», а Борис подчёркнутые абзацы в газете «Правда» материалов двадцать второго съезда КПСС. Газету и журнал ребята взяли со стола у лейтенанта.

Его конспектом ребята воспользоваться не смогли потому, что ни тот ни другой не могли разобрать мелкого и абсолютно неразборчивого почерка.

3

Ближе к концу второго часа занятий подполковник Шишка, решил заглянуть в учебную группу комсомольского актива полка и поговорить с активистами. Когда он вошел в коридор учебного центра, открылась дверь фотолаборатории, и из её темноты предстал рядовой Шутов:

- Товарищ подполковник, - обратился к нему солдат, - я потерял ключ от большого класса, поэтому товарищ лейтенант рассадил ребят по малым классам. Занятия ведут его помощники, а сам товарищ лейтенант куда-то ушел, - бойко доложил фотограф.

- Как так потерял? Ты, брат, в такой день, считай, сорвал занятия! Тебя надобно, едрёна мать, как следует за это наказать. Понял?

- Так точно! Понял, товарищ подполковник, – выпалил солдат и продолжил, - вообще-то я не знаю, потерял я ключ или его у меня утащили. У меня из кармана ночью кто-то утащил фотки, которые я сделал начальнику клуба и немного денег. Поэтому я

отпросился в роте и переделываю фотографии. Старшина Шибунин сказал, что они срочно ему нужны. В производственном отделе есть ещё ключ, я у них его попрошу и в понедельник на работе сделаю себе новый.

- Ясно! Но всё равно взгреть бы тебя не мешало, - сказал Шишка, уже более спокойно.

Громкий разговор подполковника и Шутова, разумеется, услышали в классах. Потому из второго тут же раздался властный возглас Рогатенки:

- А теперь давайте закрепим изученый матерьял. Товариш Никитин, повторите пожалуста, шо я сичас рассказував. Послышался шум отодвинутого стула и зазвучал чёткий голос члена комитета комсомола полка Володи Никитина, призванного на службу на один год, как окончившего институт.

А сквозь не плотно прикрытую дверь третьего класса слышалось:

- И так, мы с вами рассмотрели все вопросы по теме. Теперь давайте кратко запишем задачи, поставленные партией на нынешнюю пятилетку. И ефрейтор Смаков стал уверенно диктовать «рубeжи» пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на новую пятилетку.

Подполковник с минуту постоял, слушая выступления лекторов, потом, почему-то, удалился.

Шутов закрыл за подполковником дверь, глянул в замочную скважину на мирно спавшего за столом лейтенанта и вернулся в свою лабораторию.

Когда закончились занятия по политподготовке, ребята тихо покинули учебные классы, расходясь по ротам. А Смаков, Рогатенко и Шутов в коридоре тихо посовещались. После этого

Борис и Виктор ушли по своим ротам, а Шутов изнутри заперся в учебке.

В полку начались занятия по боевой подготовке. Стоявший на центральной аллее начальник штаба полка подполковник Шардин окликнул стоявшего у входа во вторую роту замполита:

- Иван Васильевич! А где твой комсомолец? В плане проверки боевой подготовки я записал его в третью роту к шоферам, но его там нет. Солдаты его группы из учебки вышли, а его видно не было.

- Сам не знаю Иван Порфирьевич. Куда-то упорхнул.

- Комсомольскому вожаку это не простительно. Вы, пожалуйста, с ним разберитесь, а я уж третью роту как-нибудь прикрою, - недовольно процедил начштаба.

- Ладно, разберусь. А то давайте я схожу в третью, раз мой политработник сачканул, - усмехнувшись, сказал замполит.

- Да нет. Я уже настроился сходить туда самому. Не беспокойтесь.

Когда трубач возвестил об окончании занятий по боевой подготовке, из штаба сначала во вторую роту, а затем в учебку побежал посыльный. Он постучал в дверь, окрикая фотографа. Когда тот вышел, сказал ему, что заместитель командира полка по производству велел открыть класс, сейчас здесь он и гражданские начальники будут проводить занятия с бригадами строительных рот. Передав распоряжение Шутову, посыльный убежал в штаб, а фотограф, закрыв за ним дверь на ключ, открыл класс, где по-прежнему крепко спал лейтенант и начал его будить, говоря при этом: Товарищ лейтенант проснитесь. Сейчас тут будут проводиться занятия. Сейчас сюда придут...»

С трудом просыпаясь, лейтенант поднял с руки голову с отпечатавшейся на левой щеке складкой от рукава гимнастёрки. Сначала он с недоумением посмотрел на солдата, потом быстро глянул на свой конспект. Смутьившись, подскочил со стула, глянул на свои наручные часы, быстро подошел к окну, осторожно

отодвинул шторину, глянул в разные концы городка и тихо спросил Шутова:

- Шишка приходил, меня видел?

- Заходил, но мы вас тут закрыли, а занятия Борька и Витька провели в тех классах. Подполковнику я сказал, что потерял ключ от большого класса и что перед концом занятий вы куда-то ушли по делам.

- Ладно, я пошел. Ты только никому не распространяйся, а хотя-я...

- Не бойтесь, товарищ лейтенант. Борька всем ребятам сказал, чтобы никому ни слова. Всё будет в норме, не разболтают.

Лейтенант быстрым взглядом измерил добродушного солдата, молча подхватил со стола конспект и материалы к занятию и быстро вышел в коридор. Подойдя к входной двери, он приоткрыл её, в щель внимательно осмотрел прилегающую территорию, быстро вышел на крылечко и шмыгнул за угол. Пригибаясь за густым кустарником, он отбежал подальше от учебки, потом вышел на вторую линию городка и направился в штаб. Когда, отперев кабинет, Антон подошел к столу, послышался стук в стену. Это замполит из своего соседнего кабинета вызывал его к себе.

- Слушаю вас, товарищ подполковник, - сказал Антон, войдя в кабинет начальника.

- Проходи, присаживайся. Как прошли занятия? – строго глядя на лейтенанта, спросил подполковник.

- Шутов не смог открыть большой класс. Занятия организовал в малых классах. Перед концом я ушел в штаб, готовил для райкома данные, они там сегодня делают годовой отчёт, просили срочно сообщить.

- Ясно, - с распевом произнёс подполковник.

И в это самое время на столе замполита зазвонил телефон.

- Слушаю, товарищ полковник, - сказал замполит.

Он выслушал звонившего, положил трубку и сказал Антону:

- Иди, занимайся. Поговорим позже, меня тут командир вызывает.

Антон козырнул начальнику и вышел.

Часов до пятнадцати он занимался своими делами в своём кабинете и в ротах, побывал в клубе части Там собрались участники художественной самодеятельности на репетицию. По пути в спортзал, где его однокашник Борька Максимов проводил полковое первенство по поднятию тяжестей. Потом Антон зашел в полковое кафе, чтобы немного перекусить, но там было битком солдат. Выйдя на улицу, он с минуту постоял, размышляя, что делать дальше. Глянув на часы, решительно направился в сторону КПП, решив ехать домой. «Уже поздно, к тому же сильно хочется есть», - сказал он себе и прибавил шагу.

5

Подполковник Шишка в развалку вошел в кабинет командира полка, сел на стул у наружной стены. Как всегда, закинул ногу на ногу, правой рукой облокотившись на спинку соседнего стула.

День был субботний, занятия в полку шли к концу. Проверяющих из Управления войск не было, поэтому замполит пребывал в хорошем, игриво-весёлом настроении. Думалось ему, что позвал его командир по какому-то рабочему вопросу, а может что-то планирует на следующую неделю и хочет посоветоваться. Вон ведь как что-то сосредоточенно пишет. Хотя, обычно приглашенные назад редкие седые волосы на голове командира сейчас почему-то всклокочены. Так бывает, когда полковник в гневе кого-нибудь отчитывает. Да и его лицо сейчас непроницаемо серьёзное, слегка покрасневшее.

Полковник всё писал и писал в своём настольном блокноте, не обращая никакого внимания на вошедшего своего заместителя. А

внимательно наблюдавший за ним подполковник Шишка, уже понял, что занятость Законникова, не естественна, наигранна. «Изображает занятость, а на самом деле готовит себя к какому-то очередному скандальному разговору. Вон и вытянутый, правильной формы его мясистый нос всё больше и больше наливаются краснотой. «Играет, чёрт. Опять играет. Выдерживает, значит, меня. Подчёркивает свою значимость и важность. Ну-ну! Играй, играй! Сейчас вот встану и уйду, а начнёшь орать, так выплыву так, что мало не покажется», - размышлял Шишка, через правое плечо что-то рассматривая за окном.

Наконец Законников, заметивший решительный вид замполита, деланно важно отодвинул от себя блокнот, вставил ручку в её гнездо массивного настольного письменного прибора и мягким, чуточку лилейным голосом промолвил:

- Иван Васильевич, я вот тут после обхода рот зашел к себе в кабинет. Сидел, анализировал итоги прошлого года, мы же в ближайшие дни должны их обсудить на совещании офицерского состава, на партийном собрании, готовить докладную в Управление. Так вот, выглянул я вон в то окно и вижу, как из учебного класса вышел твой комсомолец, как заяц, пригнувшись, шмыгнул за угол в кусты. А через несколько минут важно проследовал в штаб. Что бы это значило? Почему и от кого он прятался. Я тут просил пригласить ко мне Шардина, а мне сказали, что он в третьей роте. А по его расстановке, в третьей как раз и должен быть твой Поляков.

- Он и политзанятия до конца сегодня не проводил. Не открыли большой класс. Но занятия организовал хорошо. Его помощники двумя группами провели занятия замечательно. Сам проверял. А почему зайцем покинул учебку? Да чёрт его знает. Наверно боялся, чтобы не увидели, что уходит до окончания политзанятий. Так он же, думаю, знает, что в такой-то день я ж обязательно зайду, - задумавшись протянул Шишка, - ладно. С этим разберусь.

- Из учебки он удирал уже после боевой подготовки, - продолжил Законников.

- Разберусь, обязательно разберусь, что и как, - и продолжил, - из райкома у него срочно потребовали какие-то данные, вот он, наверно, и скрылся, чтобы не идти в третью роту. Хотя мог бы подойти, отпроситься, раз занят. Думаю, что и Шардин разрешил бы ему не идти в третью роту, раз уж срочно надо, - сказал что-то обдумывая, Шишка.

По-моему, он не тот офицер, за которого мы его принимаем. Вы постоянно за него заступаетесь, а зря. Он давно заслуживает строгого наказания. Он у вас уже обнаглел окончательно. Я вот освобожусь, сам вызову его и накажу за такие дела. Сделать это обязан. Иначе молодой, захваленный офицер разложится окончательно. И мы с вами будем за это в ответе, - сказал, делая вид, что разговор закончен, Законников.

Шишка с ужасом представил себе, что ожидает его подчинённого. Как, какими словами этот не строгий, а жестокий человек будет воспитывать молодого паренька. И его неприязнь к Законникову и решительность, возникшие с первых минут пребывания в этом кабинете, вдруг привели к взрыву всегда сдержанного офицера. Подполковник резко встал со стула, и с желваками на скуластом лице, с широко открытыми, испускавшими молнии гнева глазами подошёл к столу командира полка, мягко, но с силой положил ладонь правой руки на край его стола и, процеживая каждое слово, сказал:

- Нет, товарищ полковник! С лейтенантом я буду разбираться сам! Во-первых, он мой подчинённый. За его работу и воспитание отвечаю я в первую очередь! – подполковник сделал трёхсекундную паузу и продолжил, - а во-вторых, я знаю, как вы будете с этим мальчишкой разбираться и беседовать. Поступил он неправильно, потолковать и пожурить надо, но не так как это делаете вы. Я, как замполит, как коммунист обязан был давно пресечь ваше поведение с подчинёнными. Ваши истошные крики, при подобных разбирательствах слышит не только весь полк, но и соседний посёлок.

С быстро налившимися кровью глазами, рассвирепевший Законников схватил стоявшие сзади него у стены костыли, резко поднялся и заорал:

- Это что за тон, товарищ подполковник! Кто вам дал право так со мною разговаривать!

- Партия дала мне право ставить таких, как вы на своё место! Партия! Я коммунист политработник, представитель здесь нашей партии! Это вам ясно?! И на меня не орите. Не за-пу-га-е-те! Я сказал всё! Делайте выводы, не то, нам с вами придётся беседовать в другом месте, – резко ответил Шишка.

После этих слов во весь свой рост выпрямился, опустил по швам руки, наклонив голову вперёд, вымолвил: - имею честь! - и, сверкнув белками своих строгих глаз, развернулся кругом и вышел вон из кабинета, жестковато прикрыв за собою дверь.

6

По понедельникам утром с шести тридцати до семи в полку проводилась политинформация. Для этого подъём по понедельникам производился на тридцать минут раньше. К проведению политинформаций привлекались все офицеры штаба части, политработники, естественно, в первую очередь. Чтобы офицеры штаба полка больше общались с личным составом рот, замполит каждый раз направлял выступать политинформаторов в разные роты.

По примеру замполита, начальник штаба полка Шардин, создал отдельную группу слушателей из сержантов части.

К очередной информации Антон готовился особо тщательно. Он внимательно, с карандашом изучил передовицы «Красной звезды» и «Правды», несколько раз за день внимательно прослушал по радио последние известия, набросал план выступления, хотя конспект на политинформацию не требовался.

Чтобы не проспать, и не уснуть во время проведения ещё и политинформации, спать он лёг пораньше. Заведенный на четыре тридцать будильник поставил в пустую эмалированную кастрюлю. Гремевший утром будильник и слова жены: «Вставай, пора», - он слышал. Лене сказал, что проснулся, сейчас ещё немного полежит и встанет. Но когда поднялся, понял, что на полковой автобус он уже опоздал. Быстро одевшись, не заходя в ванную, пулей вылетел на улицу и быстро помчался в сторону полка напрямую через поле и овраг.

С обеда в воскресенье мела метель. К этому часу ветер стих и усилился мороз. В разрывах низких облаков, в черноте неба ярко, казавшиеся близкими, мерцали звёзды. Одним махом молодой офицер пробежал, пересекая, ярко освещённые улицы, посёлка. Хоть метель и замела тропинку через широкое поле, но снега было ещё не много, и Антон без особого труда быстро пробежал полем, спустился в поросший кустарником с пологими склонами овраг, без особого труда выбрался на другую его сторону и оказался у полка. На минуту остановился, задумавшись. Потом быстро побежал вдоль забора части, выбрал удобное место его преодоления, одним махом перелетел, словно на крыльях, через высокое дощатое, опутанное колючей проволокой препятствие и направился в полковой клуб. Там он сегодня должен выступать перед сержантами срочниками полка. В клуб вошел через дверь в торце здания. Быстро разделся в маленькой комнате справа, и влетел в комнату напротив, где должен был проводить политинформацию, а войдя, остолбенел. За столом политинформатора сидел подполковник Шишка. Увидев вошедшего лейтенанта, подполковник резко встал со стула и скомандовал: «Встаь! Смирно!». Потом, как бравый солдат, чётко повернулся в сторону оторопевшего лейтенанта и отрапортовал: «Товарищ лейтенант, с сержантами части в количестве сорока четырёх человек проводится политическая информация! Политинформатор подполковник Шишка!»

Как свёкла покрасневший, готовый разрыдаться лейтенант, не помня себя, медленно развернулся, толкнул дверь и, шатаясь на непослушных ногах, вышел в коридор. Такого удара он не

ожидал. Медленно, тяжело дыша, вошел он в комнату, где разделся, спиной прислонился к стене и, задыхаясь, беззвучно зарыдал. Всхлипывая, обеими руками он вытирал словно из крана вода, катившие по щекам солёные слёзы. В голове вихрем проносились одна отчаяннее другой самые разные мысли-решения: «Всё! Хватит! Сейчас же напишу рапорт. Пусть снимают и переводят куда угодно. Лучше бы сразу арестовал, а он...!».

Антон не слышал, как выходили из класса сержанты, как тихо открылась дверь комнаты, где он находился и как вошел подполковник.

- Э-э, браток! Так не годится, не годи-ится! Понимаю, понимаю, что стыдно, но плакать-то зачем. Провинился? Получишь! Но ты ж мужик, едрёна каламашка! Реветь-то зачем? Не надо, не надо. Успокойся, - не сердитым голосом говорил разволновавшийся замполит.

Антон, с появлением в комнате подполковника, отвернулся к стене и продолжал всхлипывать, давясь дыханием. А когда начальник закончил успокоительную речь, он, всхлипывая, стал говорить:

- В-всё-ё, т-товари-ищ п-под-полковник, в-всё. С-с-ним-майте меня. Наказывай-й-т-те ка-ак хо-о-ти-те, уйду я и-и-з полка. Уйду-у куда у-уго-о-дно...

- Погоди, погоди! - продолжая успокаивать, - сказал Шишка.

Он подошел к Антону, взял его за плечи, развернул к себе и хотел усадить на рядом стоявший стул, но Антон неожиданно ткнулся лицом в грудь своего начальника и, перестав сдерживаться, дал волю плачу. Подполковник одной рукой прижал парня к себе, а другой стал тихонько поглаживать его по спине, успокаивая: «Ну-ну, ну хватит, хватит, перестань. Чёрт с ней с этой политинформацией. Я ж её провёл? Провёл. Перестань». Буквально через минуту нахлынувшая горечь безнадёжности у Антона прошла, он отстранился от подполковника. А тот, придерживая парня одной рукой за спину,

продолжая успокаивать, начал своим носовым платком вытирать его лицо.

- Выплакался? Успокоился? Ну и хорошо. Хорошо. Теперича давай, сынок немного и поговорим, - сказал Шишка, подвигая Антона к стулу.

А тот, услышав слово «сынок», бухнувшись на стул, опять залился слезами. На сей раз он не пытался их сдерживать, и вызвало их на этот раз не отчаяние и стыд, завладевшие всем его разумом несколько минут назад. Нет. То были слёзы совсем другого порядка.

Рос он без отца, не вернувшегося с войны. И за все его двадцать с небольшим лет, никто из мужчин, ни разу в подобной ситуации не пожалел его и тем более не сказал волшебного слова «сынок». Слёзы из глаз Антона лились, а на душе становилось легко. Через пару минут он успокоился окончательно и стал извиняться и за свои слёзы и за опоздание. А подполковник взял, стоявший у стены стул, поставил его перед Антоном, сел и в упор уставился в него своими добрыми светлыми, улыбающимися глазками.

- Ну, чево, чево это ты? Бывает же в жизни и не такое. Не расстраивайся, - продолжал подполковник.

-Ты штож, думаешь я не понимаю? Я ж, поди, тоже молодым был! А тут же у тебя ещё ж и жена молодая. Ты ж её только неделю назад-то и привёз. У тебя ж медовый месяц в самом разгаре, едрёна мать! Мы ж с тобой мужики. Чего ж тут не понять-то. Понимаю. Всё это пройдёт, скоро устанешь, по ночам будешь спать как убитый. Ну, а с этим делом, сейчас-то вот, маленько можно и воздерживаться. Приберегать, приберегать мужские-то силёнки.

- Да нет, товарищ подполковник. Нет. Я не высыпаюсь совсем не по этому, - сказал Антон.

- Да? А тада почему же, почему? Поведай, не стесняйся. Мы с тобой люди свои. Расскажи! Всё, что скажешь, тут промежду

нами и останется. Не бойся. Может это самое-то не получается?
А?

- Нет. С этим всё нормально. Всё хорошо, - с вялой улыбкой, опустив глаза, сказал Антон, - понимаете, она после этого уснёт и спит себе, такая вся спокойная, радостная, счастливая. А я смотрю и смотрю на неё, и спать совсем не хочется. Знаете, сколько мы с ней дружили?! Сколько лет я уговаривал её пожениться! И вот теперь она здесь, рядом. Смотрю и не верю своим глазам, как сон какой-то, - на одном дыхании проговорил засиявший, счастливый Антон.

- Ну, так и хорошо, и хорошо! Это бывает, это всё нормально. Скажу я тебе, что это так и быть должно, раз любишь свою женушку. Это дай бог! Только знаешь что? Давай с тобой договоримся так! Устал, надо отдохнуть, выспаться, так ты подойди ко мне, скажи. Всё решим, всё уладим и сделаем. Всё! Понял?! А мне никогда, ни в чём не ври! Очень тебя прошу! Понял? Что бы с тобой ни случилось, что бы не натворил, приходи, всё выкладывай. Я особо-то по головке гладить не обещаю, но всё должно быть по-честному. Когда может и накажу, чтобы не расслаблялся. А исправишься – взыскание сниму и поощрю, но только не ври. Никогда! Ничего! Понял?

- Так точно, товарищ подполковник! Не буду! Даю слово!

- Ну, раз договорились, расскажи-ка мне, что у тебя там случилось в субботу-то. Ты мне доложил, что в райком срочно готовил сведения, а полковник Законников говорит, что видел в окно, как ты зайцем бежал из учебки. Это правда? Он ведь хотел тебя здорово наказать. Я, конечно, заступился, даже поругался с ним. Сказал, сначала сам разберусь и накажу, если ты в чём виноват.

- Извините, товарищ подполковник, - перебил Антон начальника, - я вам тогда соврал. Я во время занятий уснул.

- Да ты что! Прямо так, вёл, вёл занятия и уснул?

- Да, так и уснул. Старался, старался не уснуть и не помню...

Антон ещё что-то говорил, а подполковник, откинувшись на спинку стула, от души рассмеялся.

- Ну, ты, брат, даёшь! Такого на моей памяти ещё не-е было. Во-о-от дела-то, вот дела!

А ты знаешь? Ты молодец! Всё ещё смеяшь, уже серьёзно сказал подполковник. Так втрескаться в девчонку, так полюбить! На это брат, я тебе скажу, способен не ка-аждый. У меня вот, например, такого не было. У нас же война. Када её закончили нас молодых долго не отпускали, призывать то в армию было некого. Поэтому только приехал из Германии в Союз в первый же месяц и женился. А у тебя такая любовь... Жить со своей, как её...?

- Лена, - протянул Антон.

- ...Леночкой, будешь душа в душу. Это хорошо. А трудности первого месяца пройдут, помотришь, пройдут. Всё уладится. Да и хлопцы у тебя молодцы. По ходу, окаянные, сориентировались, начальника своего ловко прикрыли, меня старого воробья провели. И если бы Законников в окно тебя не увидел, так бы всё и сошло. Во, каких ты себе орлов подобрал. С такими и в разведку можно. Молодец!

Подполковник быстро глянул на свои часы, подскочил и, положивши руку на плечо Антона, сказал:

- Извини, брат. Разговор придётся прервать. Уже скоро восемь, я опаздываю с докладом. Надо бежать звонить, а то начальник опять взгреет, - подполковник метнулся в класс, где проводил политинформацию, быстро оделся и пошагал в штаб.

Глава II

1

Антон тоже встал со стула одел шинель и медленно потопал на плац, где на утренний развод уже строился полк. После развода он сразу зашел к начальнику штаба, извинился, что не может

сразу с утра поехать дежурить на линию с автомобилистами, так как ему до обеда надо срочно сделать отчёт в горком комсомола.

- Сейчас приедет завсектором учёта, мы сделаем с ней отчёт, я его подпишу, заверю печатью, она повезёт отчёт в горком, а я могу заниматься, чем прикажете, - сказал Антон.

Смуглолицый подполковник бурят с серьёзным выражением лица, оторвавшись от написания какой-то бумаги, слушал лейтенанта, откинувшись на спинку стула, насупив брови, глядя на собеседника острыми, прищуренными глазками. Когда лейтенант закончил говорить, он легонько гмыкнул и сказал:

- Ну что ж, раз надо, то надо. Делайте ваш отчёт, а после этого пройдёте в автопарк, там сориентируетесь, чем заняться. Будет машина - проедете по объектам, не будет машины – обойдите рабочие места слесарей. А вечером поможете командирам рот снять личный состав с производства.

- Разрешите идти? - козырнув, сказал Антон.

- Идите, - ответил, ещё больше напуская на себя важный вид, подполковник.

Антон зашел в свой кабинет и стал дожидаться прихода Светланы. Подписав отчёт, прошёл в УАТ и до конца дня занимался там различными делами. Автомобилисты раньше всех уходили на производство и позже всех возвращались в часть. Из автобазы все три роты автомобилистов в часть повёл командир четвёртой роты, а Антон с командиром третьей автобусом, увозившим ИТР, поехали сразу домой. Полковой автобус из части уже давно убыл.

Придя домой, Антон с порога сразу не бросился к Леночке, как он это делал все предшествующие дни, а молча снял шинель и сапоги, обул домашние тапочки, прошел в ванную и только после этого вошел на кухню, откуда внимательно за каждым его движением наблюдала жена.

- Что-нибудь случилось, Антоша? – спросила Лена своим мягким, тёплым голосом, встревоженно глядя ему в лицо.

- Всё в норме. Замёрз и здорово проголодался, - ответил Антон.

В чистеньком, цветастом передничке Лена поставила на стол сковородку с подрумяненной картошкой, налила в бокал тёплого молока, как любил Антон, и уселась напротив, большущими своими белесыми глазами, уставилась на мужа. А тот быстро поужинал, обошел стол, склонился над отстраняющейся Леной, и, преодолевая её стеснение, сгрёб в объятиях. Когда Лена покорилась, смачно поцеловал её в обе щеки, прошел в комнату и бухнулся на диван.

Плотный ужин и тепло комнаты сморили его, и он быстро уснул. Спал он до тех пор, пока Лена не разбудила его словами:

- Антош, поднимись, пожалуйста, разденься, а я постелю.

Просыпаясь, Антон перевернулся на спину, потом подскочил и с испугом уставился на будильник. Щурясь от яркого света лампочки, стал соображать который час.

- Не пугайся, ещё вечер. Ещё только одиннадцать. Раздевайся и ещё целых семь часов поспишь, - щебетала Лена.

- Ничего себе я дреманул. Что ж ты не разбудила меня раньше? Я дрыхну, а ты сидишь на стуле мучаешься.

- Ничего. Я прибиралась на кухне, приготовила завтрак, а потом слушала радио. Ты ж так рано поднялся, целый день мотался на улице в такой мороз, устал. Я выплюсь. Скорее бы найти какую-нибудь работу. Скучно одной дома. Ты сегодня не звонил в кадры, не появилось ли там какое-нибудь место?

- Я звоню каждый день. Сейчас зима и везде отвечают, что ничего нет. Если и будут нужны работники, то ближе к лету, - соврал Антон.

Он и мысли не допускал, чтобы его хрупкая, нежненькая Лена поднималась затемно и в лютый мороз ехала на работу. «Наступит весна, там и посмотрим, а сейчас пусть сидит дома», - решил он.

Закрутив до конца пружины хода и звонка будильника, Антон попроси Лену будить его всеми способами, пока не поднимется и не встанет на ноги.

- Понимаешь, - сказал он Лене, - сегодня опоздал на политинформацию. Влетело. Дал слово больше не просыпать. Если не встаю, лей холодную воду, лупи чем попало, сбрасывай с дивана, но не давай спать. Иначе мне хана. Снимут с должности, загонят в какой-нибудь дальний полк или загородный отряд и нам будет очень трудно. Буду мало бывать дома, а ты будешь тут одна от выходного до выходного.

- Ладно, я больше не позволю тебе просыпать, буду дежурить, а спать буду днём. Это, пока не устроюсь на работу, и будет моя работа.

- Ты что!?! - вскрикнул Антон, сгребая в объятия жену, - кто тебе позволит не спать! Я ж только попросил, чтобы ты настойчивей меня будила. Ты ж всегда подхватываешься по будильнику, но даёшь мне ещё полежать, а я снова засыпаю. Поняла?

Без малейшей паузы после этих слов Антон сгрёб в свои объятия жену, повалил на диван, пытаясь поцеловать её губки. А Лена, сопротивляясь, упиралась своими ручонками в его грудь, отстраняясь, тихо выдавливая слова: «Всё, больше ко мне не приставай, после ужина будешь сразу ложиться. Понял? Целоваться будем только по выходным». Но вскоре её сопротивление ослабло, она покорила напору мужа, а тот выключил торшер.

Через несколько минут Лена, тихо посапывая, уснула, а на выспавшегося Антона нахлынули воспоминания их с Леной знакомства и женитьбы.

Познакомился Антон с Леной случайно. Ещё до армии в школе он активно занимался спортом, выступал за сборную их небольшого городка по пулевой стрельбе, бегал средние

дистанции. На зональных соревнованиях перед поступлением в училище бежал четыреста, восемьсот и полторы тысячи метров. Призовых мест не завоевал, но команде города и края принёс хорошие очки.

В военном училище занятия спортом Антон продолжил. В каких только соревнованиях он не участвовал. На втором курсе в апреле месяце проходило первенство училища по армейскому многоборью. Команда взвода, в котором служил Антон, заняла по училищу первое место. В качестве поощрения ротный объявил всей команде взвода по двое суток увольнения.

Увольнением Антон с друзьями воспользовались на Первое и второе мая. Погуляли Антон с Генкой Москалёвым по городу Первого мая, в училище переночевали, с утра второго мая ушли в город снова. Второй день увольнения парни провели в центральном городском парке, а к вечеру направились в училище. Рядом с училищем располагался Дом культуры строителей. Проходя мимо него, ребята увидели, что там начинается вечер танцев. До девяти, времени конца их увольнения, было ещё более трёх часов. Генка предложил сходить на танцы.

- А где у нас деньги? – ответил Антон, - мы же всё, что было проели.

- Пошли, попробуем проникнуть так, а не пустят, уйдём.

Антон глянул на свою «Победу», понял, что кино в училище уже началось, что до отбоя всё равно придётся бездельничать, и согласился с Генкой.

Молодёжи в клубе было ещё мало. Добродушная, полная женщина контролёрша, завидев в фойе двух курсантов, сказала, обращаясь к ним:

- А вы почему не заходите?

Генка, казалось, только этого и ждал. Он тут же подошел к тётеньке и, до ушей улыбаясь, словно дирижёр в оперном, жестикулируя обеими руками, повёл с нею разговор.

- Этот паразит тётку сейчас уговорит. Ну и пусть, а я позориться не буду. Пойду в училище, - подумал Антон.

Но в это самое время улыбающийся Генка развернулся к нему и махнул рукой, подавая команду «пошли».

Пройдя в полупустой зал, ребята уселись в дальнем углу и наблюдали за несколькими танцующими парами смельчаков. Зал быстро наполнялся молодёжью, всё больше становилось и танцующих. Вот недалеко от ребят остановилась стайка весёлых девушек, и Генка, сорвавшись с места, пригласил одну из них. Остальные девушки пошли танцевать друг-с другом, и у стены осталась только одна из них. Девушка с минуту постояла в одиночестве и пошла мимо Антона, намереваясь присесть на свободное место. Антон неожиданно для себя подскочил, преграждая девушке путь, взял её под локоток и, тоном, не допускающим возражения, пригласил, увлекая, танцевать. Всё получилось без «разрешите», «пожалуйста». Медленный танец через несколько минут закончился. Антон остановился и уставился на музыкантов, продолжая придерживать девушку за талию и руку. И тут грянул вальс! Антон подхватил свою партнёршу и вихрем закружился в танце. От стен зала отделялись пары, начиная танцевать, поэтому Антон сразу повёл свою партнёршу в центр зала и, пока там было свободно, кружил, как заведенный. Постепенно танцующих становилось всё больше и ему пришлось сбавить обороты.

- Жаль больше нельзя покружиться по настоящему, - сказал Антон девушке.

- Вот и хорошо, - пропела та, - у меня уже закружилась голова.

- Пусть кружится, - я вас не уроню, - ответил Антон и крепче прижал её к себе.

Шла она в танце легко и послушно. Антону даже казалось, что он танцует один. Ловко лавируя между танцующими, он несколько раз устремлял свой взор на партнёршу, словно проверял, тут ли она. А девушка, склонив влево головку, плавно плыла, слово семя одуванчика на лёгком ветерке. Две её

небольшие косички слегка приподнимались при быстром вращении. Закончился вальс, а Антон опять не отпустил девушку. Ожидая музыку следующего танца, он удерживал её в самом центре зала. Во время танго Антон мельком глянул на свои часы и сказал:

- Как быстро бежит время. Такой чудный вечер, а мне скоро уходить.

- А я тоже, вот прямо после этого танца, пойду домой. Мне завтра на работу, - сказала девушка.

- Правда? - почти воскликнул почему-то обрадовавшийся Антон, - тогда идёмте, я вас провожу.

- Не надо, мне тут рядом, а то ещё опоздаете.

- У меня ещё целых сорок пять минут. Успею. Ну, пошли?

- Надо бы сказать девочкам что ухожу, - пропела девушка, озираясь по сторонам.

Но Антон уже властно вёл её на выход.

Когда молодые люди вышли на улицу, там заканчивался небольшой дождик. Редкие белёсые паутинки низких облаков на фоне черневших, более высоких и крупных туч, ветерок отогнал к черневшему на горизонте лесу. Площадка перед клубом и тротуары окраинного посёлка поблескивали небольшими лужицами. Легко дышалось, и молодые люди обрадовались тому, что оказались на свободе в этот прекрасный вечерний час.

Спустившись с небольшого крылечка, стройная и лёгкая, как былинка, девушка сделала несколько шагов влево, развернулась к Антону и сказала, указывая рукой, нет, лёгким крылышком, в сторону частного сектора:

- А мне туда.

Антон тут же подхватил её под локоток и, сказавши: «А хоть на край света», - направился в утопавшую в черёмуховой белизне не мощеную улочку. Какое-то время шли молча. Но вот Антон, резко

развернувшись, встал перед девушкой, взял её за обе руки и, глядя прямо в её округлившиеся большие белёсые глаза, сказал:

- Меня зовут Антон.

- А меня Лена, - опустив глаза, в смущении прошептала девушка.

Несколько минут молодые люди опять молчали, медленно и осторожно ступая по искрившейся капельками воды молодой мураве. Лёгкий ветерок не раскачивая кусты отцветавшей черёмухи, кружил и легонько укладывал в лужицы белые лепестки её цвета. Когда дошли до последнего дома улочки, за которым начинался заросший кустарником овраг, и развернулись обратно, почему-то оробевший к тому времени Антон спросил:

- А где и когда я увижу вас ещё?

- Не знаю, пропела Лена.

А что мог знать Антон? Когда он теперь будет свободен, когда получит увольнение? Он молчал, лихорадочно думая о том, что он должен, должен ещё и ещё раз видеть эту простую, нет, не простую, чудесную, очень хорошую девушку. С нею ему очень хорошо. Так хорошо ему ещё не было ни с кем. Но что, что делать-то? Как же быть, чтобы ещё и ещё вот так же гулять с нею? И тут он как сквозь сон услышал спасительное:

- А вот и наш дом. Я пришла, - сказала Лена, указывая на небольшой, на две квартиры домик, утонувший в цветах черёмухи.

- Здесь вы живёте!? Это ж тут рядом! Я приду, я обязательно приду, - сказал ликующий Антон, с разворотом подпрыгнул, махнул Лене рукой до свидания и рванул в сторону училища.

В строю на вечерней поверке, в кровати после отбоя Антона в тот вечер не покидали мысли о Лене. Всю следующую неделю он

был необычайно возбуждённым, каким-то посвежевшим, жизнерадостным. Если получал от сержантов какое-нибудь распоряжение, то молниеносно, без пререкания с усердием выполнял его и радостный, весь сияющий докладывал об исполнении. На занятиях по строевой, на физподготовке, на утренней зарядке его движения стали энергичными, чёткими, наполненными какой-то необычайной лёгкостью. Уроки в классах пролетали молниеносно, на одном дыхании. Ещё неделю назад будни курсантской жизни Антону казались бесконечными, тягостными, серыми, однообразными. Как тяжкий груз тащилась его курсовая - проект жилого дома. Теперь же легко и просто решались задачи курсовой, как семечки теперь он щёлкал задачки по высшей математике и теоретической механике. А как легко выполнялись бесконечные, ненавистные раньше хозяйственные работы на хоздворе и в казарме.

Приуныл он только в субботу. В увольнении он только что побывал. Понимал, что на Первомай увольнение было вне графика, можно было подойти к помкомвзводу Лёше Городецкому и попытаться записаться, но не позволяла совесть – многие, очень многие ребята ждут увольнения уже которую неделю. А по графику его увольнение могло состояться только через две недели. И не подошел, не попросился.

С утра в воскресенье ходил в читалку библиотеки, попытался почитать рекомендованные материалы к экзамену по истории КПСС. Но чтение в голову не шло, и он поплёлся в казарму. У крыльца его встретил старший сержант Городецкий.

- Послушай, Поляков! Выручи, пожалуйста. Наше второе отделение сегодня в наряде на кухне, а их всего семь человек. Четверо в городе на соревнованиях. К одному приехала мать, а он в наряде. Сидит мамаша у дежурного ждёт, пока он освободится. Майор велел мне заменить его, а кем? Сходи, поработай часов до трёх, а я в долгу не останусь.

- Я пошел, - неожиданно для сержанта ответил Антон, - поработаю до шести, а потом приду с маленькой просьбочкой. Ладно?

- Давай, давай иди, иди скорее. Потом разберёмся, - ответил помкомвзвода.

Надо было видеть, с каким рвением в тот раз работал Антон в столовой. Он пулей летал по обеденному залу, в одиночку разнося по столам кастрюли с первыми и вторыми блюдами, чайники с горячим чаем и нарезанный порциями хлеб. После обеда, как заведенный, мыл котлы и посуду, драил полы в варочном цехе.

Когда же сдали дежурство, пошел искать Городецкого. Нашел он помкомвзвода в каптёрке у старшины. Антону не хотелось обращаться к своему начальнику в присутствии старшины роты, но все уже собирались идти в кино, и Антон, набравшись смелости, постучал в каптёрку. А когда вошел и, не спрашивая разрешения у старшины обратиться к Городецкому, отрапортовал:

- Товарищ старший сержант, ваше приказание выполнил!

- Вот хитрюга, - сказал помкомандира взвода, обращаясь к важному старшине роты, - вижу, что сейчас будет что-то просить. Ну ладно. Давай, что там у тебя? Только по быстрому, кино уже начинается.

Антон немного помедлил, переминаясь с ноги на ногу, провёл пальцами рук по поясному ремню, поправляя гимнастёрку и нерешительно, глядя, то на старшину то на помкомвзвода, протянул:

- Мне бы хоть не на долго сходить в одно место. Тут не далеко.

При этом его глаза горели, а лицо, ставшее пунцовым, выражало такую просьбу и надежду, что сержант и старшина с удивлением молча переглянулись меж собой и поднялись, собираясь на выход. Антон из каптёрки вышел первым и встал в сторонке. Старшина запирает дверь, а Городецкий, подойдя к Антону, поправил усы, склонился к нему на ухо и не громко сказал:

- Я тебя никуда не отпускал и ничего не знаю. Попадёшься – пеняй на себя. Собрался к девке, смени хоть подворотничок.

После этого сержант ладонью легонько хлопнул Антона по плечу и пошел нагонять старшину. А Антон метнулся к своей тумбочке, сорвал с себя гимнастёрку, быстро сменил подворотничок, схватил сапожную щётку и крем, пулей слетал на улицу и надраил сапоги.

Через несколько минут запыхавшийся, он остановился метрах в пятидесяти от заветного домика. Постояв с минуту, не спеша, прошелся по противоположной стороне улицы, пяля глаза в два окошка Ленинского дома. Лены видно не было. Войти в калитку и постучать, не решился. На его счастье из соседнего двора вывалила группа пацанов с большим, старым велосипедом. Антон быстро направился к ребятне, подозвал одного из них. Когда конопатый мальчуган нехотя подошел, Антон вынул из кармана эмблему рода войск и сказал:

- Сходи вон в тот дом и позови Лену, получишь вот это. Только не говори, кто зовёт.

Мальчуган тут же побежал к дому Лены. Через минуту, он выбежал на улицу и, не закрыв за собой калитку, прокричал: «Сейчас придёт! Гони значок!»

До самой проверки бродили и бродили они с Леной в тот вечер. Лена расспрашивала Антона про учёбу и службу, про школу и школьных учителей. Антона интересовало, с кем Лена живёт и чем занимается, где бывает по выходным. Так, беседуя, рассказывая друг - другу о себе и своём житье-бытье и гуляли молодые люди в тот прекрасный по - настоящему весенний, тёплый вечер.

Часто испросясь и без спроса наведывался Антон на заветную улочку. По разному вызывал он на улицу Лену, но чаще всего, как и в первый раз, посылал соседских мальчишек.

Однажды, гостившая в семье Лены её бабушка, завидев, прячущегося за телеграфным столбом Антона, сказала ей:

«Ступай девонька, ступай. Там твой красноармеец опять со столбом обнимается». Стали посмеиваться над чересчур робким курсантиком и все соседи. Тогда Ленина мама и добродушный папа решительно потребовали от Лены, чтобы вела она своего друга и познакомила. «Пусть прямо к нам и приходит, сколько ж можно прятаться. Он что, боится нас? Чай, мы люди простые», - подитожил разговор папа. И когда в очередной раз на улице появился Антон, Лена быстро к нему вышла, пригласила в дом, а чтобы быстрее преодолеть робость Антона, своими крохотными нежными пальчиками взяла его грубую мозолистую ладонь и увлекла за собой.

4

Так Антон и познакомился с родителями Лены. До переводных экзаменов бегал он на тихую улочку почти каждый день. Все ребята и сержанты взвода и роты знали о его похождениях, но препятствий никто не чинил. Во-первых, Антон на всех построениях и мероприятиях был на месте. После отлучек приходил всегда трезвым, никаких нарушений не приносил. К тому же, к второкурсникам командиры, особенно сержанты, относились уже более снисходительно. А в день приезда с производственной практики был Антон у Лены без увольнительной до самой поверки.

И из отпуска спешил он теперь не в училище, а на заветную Садовую. И все его увольнения на третьем курсе начинались оттуда же. Молодые люди часто посещали оперный и драматический театры, ходили в цирк и зоопарк. Зимой по выходным Антон часто брал у старшины свои лыжи, и топал к Лене. Для лыжной прогулки брать увольнительную было не обязательно. Так ему старшина однажды и сказал: «Зачем она тебе, знаем куда ты наострил свои лыжи. Пока не опоздаешь или чего не натворишь, ходи так».

По весне встречались не часто. Сначала днями и ночами корпел Антон над дипломным проектом. Потом уехал на стажировку.

После стажировки надо было готовиться и сдавать госэкзамены. К тому же и Лена усиленно готовилась поступать в институт.

После выпускного вечера всё своё «приданое» Антон притащил к Лене домой. Пожил в её семье два дня, съездил в отпуск домой. После отпуска приехал в училище, получил назначение и предложил Лене ехать к месту службы вместе. Лена тут же и доложила маме и папе то, о чём они с самого утра шептались. Родители и сами понимали, к чему идёт дело, и к разговору были готовы. Спокойно, по деловому, с пониманием отнеслись они к сообщению Лены, но посоветовали молодым людям с женитьбой повременить. «Тебе, Антоша, надо на новом месте устроиться, подыскать жильё, а уж потом сыграем, как положено, свадьбу и поедете. А так куда ж ты её повезёшь и кого?» Логика родителей Лены была безупречной. Это Антон сознанием понимал. Но не мог представить себе как он там в такой дали будет без Лены. Почему они должны расставаться, зачем, во имя чего? «Ведь главное, быть вместе, а всё остальное мелочи», - говорил и говорил он тогда себе.

С первого дня офицерской службы в отдалённом гарнизоне Антон попал в такой водоворот, так был загружен службой, что дни, недели и месяцы пролетали незаметно. Единственное личное, чем он занимался кроме службы, это были письма и письма. Лена оказалась настоящим мастером написания писем. Её частые письма не содержали описаний каких-то важных событий. Да в жизни любого человека много таких событий и не бывает. Казалось, писала она ни о чём, а каждое письмо было большим и интересным. До получения нового Антон носил все письма в кармане своей гимнастёрки и в редкие свободные минуты перечитывал и перечитывал их.

Прошла суровая сибирская зима, отшумела вешними водами весна, наступило лето, и Антон получил отпуск. По пути домой он на три дня заехал к Лене. Пока она сдавала экзамены за первый курс, Антон съездил на две недели домой, а конец отпуска опять жил в хлебосольном, скромном доме Лены. Женитьба откладывалась опять. Лена сдавала экзамены за первый курс

института с большим трудом. Боялась трудностей учёбы на втором и попросила Антона подождать ещё немного. Надо закончить хотя бы второй курс, а потом переходить на заочное отделение.

Отпуск Антону на следующий год могли дать только осенью, так как в году предыдущем он отдыхал летом. И тогда, чтобы пораньше съездить к Лене, решил он поступить на заочное отделение в институт в городе, где жила Лена. К тому же, военное училище он окончил среднее, а для нормальной службы надо было оканчивать ещё или академию, или институт. Поступать в академию офицерам в то время разрешалось только после трёх лет службы, а в институт по родственной специальности можно было поступать гораздо раньше. Выбрал он институт с родственной его диплому специальностью, и написал рапорт. «Ты не успел вылупиться, а уже захотел иметь высшее образование, - ответил ему командир полка полковник Законников, - послужи, прояви себя, тогда и посмотрим».

Лену ждать, учиться ждать. Какая непреодолимая, глухая, бездушная стена возникла между ними. Что делать? Как быть? Выхода из сложившейся ситуации Антон не видел. Стал он грустным, раздражительным, служба пошла по какому-то не зависящему от него течению, без радостей по случаю достигнутых успехов, без увлеченности, без надежд.

- Как я тогда не свихнулся, не запил с ребятами в нашей общаге? – подумал Антон, поправляя одеяло на спинке Лены, снова погружаясь в воспоминания последних лет своей холостяцкой жизни...

Однажды, ранним морозным утром, не выспавшийся, с опустошенным сознанием, топал Антон по набережной быстрого притока Енисея на остановку полкового автобуса. Ехал он в часть на подъём. Морозы в ту раннюю весну ещё свирепствовали, а снега уже было мало. Топал Антон по тротуару, с интересом

наблюдая, как то там, то там вспыхивают редкие огни в окнах пятиэтажек. Вдруг он заметил, как под балконом одного дома висит человек. Антон опешил. Остановившись, он лихорадочно соображал, что делать. И тут «повешенный» приглушенным голосом произнёс:

- Чего уставился? Лучше иди, помоги.

Антон метнулся к дому. Приблизившись к висевшему человеку, он разглядел, что тот обеими руками вцепился за прутья ограждения балкона второго этажа. Одет мужчина в шинель, а на голове, кажется, папаха. Под ногами висевшего был приямок подвального окна, перекрытый металлической решеткой. Понял Антон, что висевший человек боится прыгать, потому как об решетку запросто переломал бы ноги. Он быстро встал спиной к стене, ногами упёрся в стену не широкого приямка слухового окна, обеими руками обхватил висевшего за ноги и сказал:

- Держу, отцепляйся.

Навалившееся на Антона тяжеленное тело мужчины едва не смяло его. Напрягшись из всех сил, Антон крепко держал мужчину за ноги, а тот руками опираясь о стену дома, стал медленно спускаться вниз. Не отрывая с места свои ноги, с трудом развернувшись вправо, Антон поставил ноги мужчины на землю, перехватившись руками за его спину.

- Всё, - сказал высокий мужчина, когда оказался на земле, - пошли отсюда скорее.

Только когда вышли на тротуар и приблизились к столбу освещения, Антон узнал в шагавшем рядом офицере полковника Молоканова – начальника отдела политработы Управления войск. От удивления он даже остановился.

- Что? Узнал? Не пугайся, пошли, а то опоздаешь на автобус. Ты ж наверно на подъём?

- Да, - ответил Антон, двинувшись вслед за полковником.

- Я думаю, ты мужик? Не разболтаешь, что и кого видел?

- Не разболтаю, - твёрдо ответил Антон.

- Не повезло мне сегодня, чёрт его побери! – сказал полковник, - у мужика на работе что-то случилось, остановилась работа и всю ночную смену отправили домой. У тебя – то бабёнка есть?

- У меня есть девушка, но она живёт далеко. Пока не приехала. Учится.

- Понятно. Вон твой автобус. Беги. Ещё поговорим, - сказал полковник и свернул во двор какого-то дома.

Потрясённый случившимся, несколько дней молодой человек размышлял о непристойном поведении такого большого начальника.

Дней через десять Антон заступил в гарнизонный наряд дежурным по караулам. Караульную службу в их гарнизоне несла комендантская рота, при ней была гарнизонная гауптвахта, там же располагалась и служба дежурного по караулам.

Ровно в семь утра гауптвахту посетил полковник Молоканов. Антон отдал рапорт высокому начальнику, а тот приказал ему построить в коридоре гауптвахты всех задержанных за ночь патрулями солдат, а потом сопроводить его на гауптвахту, он будет беседовать и со всеми арестованными.

После беседы с тремя солдатами, задержанными в городе патрулями и обхода камер с арестованными, полковник направился на выход. Антон, как и положено, пошел полковника провожать.

- Ну, как, дорогой, идёт служба? Какие есть проблемы? - спросил полковник, когда вышли во двор комендатуры.

- Служба идёт нормально, вот только командир полка не разрешает поступать в институт. Говорит, послужи года два, потом посмотрим. В других полках некоторые ребята уже учатся, а у нас нельзя, - неожиданно для себя самого пробубнил Антон.

- Да, ваш Законников такой. Список и ходатайство о разрешении на учёбу офицеров в институтах и академиях на этот год в Москву мы уже отправили. В академию уже не получится. А ты говоришь, что хочешь поступить в институт?

- Да, - ответил Антон.

- Ну, это проще. Пиши рапорт, мы тебе разрешим сами без Москвы. Только поступай на факультет сродни твоему диплому. А рапорт отдай замполиту полка. Я ему позвоню. Решим. Готовься к вступительным, - обрадовал Антона Молоканов.

Так сияющий Антон и объявился у Лены ранним майским утром. Лена его приезду очень обрадовалась, тоже соскучилась. Запереживала мама Лены. Она очень опасалась за предстоящую Ленину сессию, и приезд Антона ещё больше усилил её тревогу.

Вступительные экзамены в институт Антон сдал с лёгкостью. А вот Лена два предмета летней сессии завалила. «Больше надо было гулять со своим женихом», - в расстройстве сказала мама, когда Лена поведала ей о своей неудаче.

Свою вину осознавал и Антон, но он, в отличии от Лены и её мамы, не переживал. Он, скорее, был рад, надеясь в ближайшее время увезти к себе Лену. Однако ему было неудобно перед Лениной мамой, и до отъезда в часть последние два дня в их доме он не появлялся.

Сразу же по приезду в часть написал рапорт на выделение ему студенту заочнику отдельного жилья. «В общежитии заниматься нет возможности», - написал он в рапорте. К отъезду на установочную сессию в октябре месяце, он уже и получил пятнадцатиметровую комнату в двухэтажной офицерской брусчатке. В сентябре месяце Лена один экзамен пересдала, а второй завалила снова и из института её отчислили. Радуюсь такой вести, Антон уже прикидывал, когда они пойдут с Леной писать заявление в ЗаГс, но радость его была преждевременной. Родственница Лениной мамы с первого октября устроила Лену на работу к себе в проектный институт. При важном, закрытом проектном институте был свой техникум, и Лену уже зачислили

туда студенткой. Понял Антон, что женитьба опять отложится на какое-то время.

За установочную сессию Антон сдал все зачёты зимней сессии и экзамены по Истории КПСС и истмату. Каждый день по много часов обсуждали они с Леной свои сокровенные планы, но ничего решить не могли. Надо было опять ждать хотя бы окончания Леной первого курса техникума.

Эта же тема была главной и во всех их письмах после отъезда Антона на службу. Антон предложил расписаться в период его зимней сессии, а приедет Лена к нему летом. На это предложение Лена, наконец, ответила согласием. Но в тот год никого из офицеров соединения, кто учился в гражданских ВУЗах, на зимнюю сессию не отпустили из-за серьёзных проблем на стройке, получении частями очень большого пополнения, и большой нехватки офицеров в учебных пунктах, где молодые солдаты проходили курс первичного обучения. Тогда Антон написал рапорт с просьбой о краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам.

Как ни кряхтел-пыхтел полковник Законников, но отпуск на неделю, в счёт очередного, подписал.

Встретил Антон Лену у проходной её института, бродили и говорили допоздна. Но идти назавтра в ЗаГс Лена так и не решилась. Она, очевидно, давно сказала родителям о их решении расписаться в феврале, и родители, очевидно, уже давно уговорили её отложить замужество до лета. «Нас же сразу не распишут. Роспись назначат минимум через три недели. Тебе на свадьбу надо будет опять отпрашиваться у вашего нехорошего командира. А приедешь на сессию летом, сразу напишем заявление, а роспись и свадьбу сделаем в конце твоей сессии. Я тоже сдам сессию, уволюсь с работы, и поедем. Доводы Лены были опять логичны и Антон согласился.

Сказавши родителям Лены, что он приезжал в командировку, утром следующего же дня грустный он отправился на вокзал и уехал в часть.

По возвращению в часть Антон сразу вышел на службу, хотя у него было ещё три дня отпуска. О прибытии он доложил бывшему тогда замполитом полка майору Шапиро. Собравшийся увольняться в запас по состоянию здоровья майор разбираться, почему лейтенант не женился, не стал. Сразу повёл его к командиру полка. Законников, казалось, только этого и ждал. На повышенных тонах он сразу стал выговаривать Антону за обман командования, обвиняя лейтенанта в непорядочности и всех грехах, какие только существуют. «Я был прав, когда отказал вам в поступлении в институт. Не доросли вы ещё до того, чтобы за государственный счёт получить ещё и высшее образование», - сказал в заключении полковник.

Антон хорошо знал характер своего командира полка, которому надо было попасть только один раз в немилость, и тогда постоянно будешь выслушивать с его стороны упрёки, придирки, разного рода нелестные высказывания, граничащие с унижением и оскорблением. Понимал он и то, что теперь командир полка запросто может не отпустить его на летнюю сессию, тем более, что у него не будет и вызова из-за пропуска зимней сессии.

И удивительное дело, он сейчас не переживал по поводу сложившихся у него обстоятельств. В душе Антона образовалась какая-то пустота, отрешенность. словно во сне он приходил на службу, что-то там делал, приходил в свою пустую неуютную комнату, бухался на диван и засыпал. Он давно не открывал учебники, ни чего не читал и не писал контрольные к летней сессии. Долго не писал Лене. Написал только тогда, когда она прислала ему короткое письмо с извинением, за случившееся. В письме Лена ни словом не обмолвилась о их будущем. Антон несколько раз порывался ей написать и не мог. Опять начинать разговор о планах на лето, теперь не имело смысла. Во-первых, он своё решение о женитьбе неоднократно высказал, а во-вторых, он не знал, поедет ли он на летнюю сессию. В конце - концов письмо он написал. Оно было коротким, скучным, ни о

чём не говорящим. Очередного письма от Лены не было почти месяц. Не писал всё это время и Антон.

В начале марта майора Шапиро вывели за штат и полку представили нового замполита. После построения полка, полковник Молоканов пригласил всех политработников в кабинет замполита полка и стал их поочерёдно представлять подполковнику Шишке. Когда дошла очередь до Антона, Молоканов сказал: «Ваш секретарь комитета комсомола парень энергичный, инициативный. Первый год после училища один командовал ротой, которая дислоцируется у нас далеко в тайге. Трудностей не испугался, роту вывел в передовые по всем показателям. Мы и выдвинули его на комсомол. Поступил на заочное отделение института. Мы даже дали ему комнату. Он давно собирается жениться, но что-то там у него с женитьбой не получается. Вы, товарищ лейтенант, после того, как я всех отпущу, из штаба не уходите. Мы с Иваном Васильевичем вас вызовем». Покрасневший как свёкла Антон сказал «Есть!» и сел на место.

Затем Молоканов коротко поставил задачи перед политработниками, перед партийной и комсомольской организациями и разрешил всем быть свободными. Долго Антон дожидался приглашения в кабинет замполита. Наконец, просунувший голову в приоткрытую дверь комитета комсомола дежурный по штабу, сообщил Антону, что его вызывают.

Полковник Молоканов пригласил Антона садиться к приставному столику большого замполитовского стола и сразу спросил:

- Что там у вас товарищ лейтенант случилось? Как получилось так, что вы, фактически, обманули командира полка. Ваш полк, да и все остальные наши части получили в конце прошлого года очень большое пополнение. Много офицеров и сержантов мы отозвали из частей в учебные пункты. В ротях оставалось по одному офицеру, а в штабах частей – только командование и то не всё. Но отпуск по семейным обстоятельствам вам всё равно дали. Дал сам Законников! Дал без какого бы то ни было нашего

давления, чего с ним ни когда не бывает. Вы к невесте съездили, но не женились. Дня три просто прогуляли.

Даже сейчас, при вспоминании той отчитки Молокановым, Антона бросило в жар. А от сознания того, что нужно, а он не сможет объяснить начальникам, как всё получилось, он тогда впал в какое-то беспмятство. Что-то, как во сне, бессвязно говорил, что-то с трудом объяснял, но говорил, как ему в тот миг казалось, не то. Он несколько раз на полуслове замолкал и начинал объяснение заново, его голос дрожал, к горлу подкатывался ком.

Видя, как лейтенант взволнован, полковник Молоканов давал ему попить воды, просил успокоиться. С большим трудом Антон тогда взял себя в руки, немного успокоился, и всё-таки поведал начальникам, почему у него не получилось с женитьбой. Выслушав объяснение, полковник Молоканов, разговор закончил и разрешил Антону быть свободным.

После курса молодого бойца пополнение распределили по ротам. Молодёжь автомобильных рот ещё целый месяц обучали в учебном комбинате стройки. В начале марта водители новобранцы получили автомобили и приступали к работе на стройке. Всех их разбили на группы по двадцать человек, за каждой группой закрепили офицера наставника. Такую группу подкинули и Антону. Каждое утро он помогал своим подопечным завести автомобили и выехать на линию. Ездил с ребятами по огромной стройке, показывая объекты работ, предприятия стройиндустрии, песчаные и гравийные карьеры. Помогал выбивать у завгара запчасти и ремонтироваться. Когда напряжение с молодыми водителями немного спало, подполковник Шишка вызвал Антона к себе, заявив: «Пора тебе заняться и своими комсомольскими делами. Да к тому ж у тебя через полтора месяца и сессия. Надо хоть вечерами заниматься. Негоже, чтобы ты зывалил сессию».

- На сессию меня никто не отпустит, мне не пришлют вызов. На зимнюю сессию меня ж не отпустили, - сказал Антон.

- А ты готовься, готовься. На сессию поедешь. Только, как следует, всё сдай и привези документ, что переведен на следующий курс. Понял?

- Так точно! - Выкрикнул просиявший Антон.

- Вот так - то! Сказал, поедешь и всё тут. Поедешь, - твёрдо сказал подполковник.

С первого же дня засел Антон за учебники. Он распечатал давно присланные заочным отделением института конверты с контрольными работами и начал их одну за другой делать и отправлять в институт. К середине мая все контрольные к летней сессии он выполнил и отправил.

7

С поезда Антон поехал сначала домой к Лене. Знал он, что она ещё на работе, а ему и хотелось сначала встретиться с её родителями, так как он не знал, как растопить ледок, возникший в их с Леной отношениях.

Наина Федотовна и Фёдор Дмитриевич его приезду обрадовались, предложили всё время сессии жить у них. На это Антон возразил тем, что от них институт в противоположном конце города, а ему надо к восьми быть на лекциях. Сказал, что общежитие рядом с институтом, а там библиотека, где в читальном зале можно взять любую нужную книгу и работать до девяти вечера. Наконец, если возникнут какие трудности, можно будет обратиться к сокурсникам, сходить на консультацию. Сказав, что завтра с утра уже лекции и что ему обязательно сегодня надо получить в ОЗО направление в общежитие и до вечера устроиться, после обеда Антон уехал. Проводившей Антона до калитки Наине Федотовне он сказал, что в субботу после занятий он обязательно к ним приедет.

Лена к приезду Антона сессию уже сдала. В НИИ начались летние отпуска, и в их отделе возникла напряжённость. Лена постоянно на работе задерживалась, приходила домой усталой.

Поэтому, встречался с нею Антон только по субботам и воскресениям. С первых же дней к ним вернулось тепло прежних отношений, но тему похода в ЗаГс оба старались не поднимать. Антон, почему-то считал, что этот важный разговор должна начать Лена, а Лена в свою очередь ждала того же от него. Успешно сдавший все зачёты и экзамены зимней и летней сессий, Антон последнюю неделю посещавший только лекции, все эти дни хотел, но так и не смог заговорить с Леной об их сокровенном.

В субботу 25 июня с утра Антон зашел в заочное отделение, получил в зачётке отметку о переводе на второй курс, посетил две пары лекций. После обеда в студенческой столовке проехал в комендатуру, отметил отпускной билет и только к вечеру приехал к Лене. Во время вечерней прогулки он сказал Лене, что до двадцать восьмого числа, дня его отъезда, он уже свободен. Оставшиеся лекции он может не посещать. Лена поняла к чему клонит Антон, но промолчала. Девушка просто волновалась в связи с приближением часа и дня, когда она должна сделать решительный шаг в неизвестное, на который уже давно решилась. Она ждала, уже была готова и хотела, очень хотела услышать от Антона тех обжигающих её сердечко слов, той прежней его настойчивости идти в ЗаГс. Сейчас она была готова, несмотря ни на что, ни на какие отговоры родителей не только пойти в любой им предложенный день в ЗаГс, написать заявление и поставить роспись в бланке. Она готова была сейчас же птицей улететь со своим за этот год возмужавшим Антошей вдаль, в которую он уже столько времени её зовёт. Девушка молчала всем своим существом, прильнув к руке спутника, тепло и нежно поглядывала в его посуровевшее лицо. Но Антон молчал. Он очень боялся того, что Лена может опять сказать какую-нибудь причину отсрочки. Он просто не знал, как он себя поведёт, если такое случится и на этот раз. Его страшила одна только мысль о новом многомесячном мучительном ожидании. Плюс ко всему, как-то невольно в его сознании в последние дни внедрилась мысль, что он уже всё, что мог Лене многократно сказал. А это ведь так и было. В его сознании в эти дни появилась

и мысль о том, что сейчас настала очередь Лены сказать, вернее, ответить на его многократные предложения, и своим ответом поставить точку его мучительным ожиданиям.

Молчание обоих затягивалось, и сникшая от этого Лена пожаловалась на усталость и предложила идти домой.

Когда Антон с Леной вошли в прихожую, накинув халат, из спальни вышла Наина Федотовна. «Вон на плите ужин, садитесь, кушайте, а завтра, мы с папой идём к моему брату на юбилей. Можете и вы пойти с нами. Они приглашали всех», - сказала она. Лена тут же ответила маме, что она пойти не может, до вечера будет занята. Поблагодарив за приглашение, отказался идти в гости и Антон. Есть ему не хотелось, и он сразу же прошёл в крохотную комнатку младшего брата Лены.

Димка возился с авиамodelью. «Делаю последние регулировки. Завтра на празднике Дня молодёжи будут соревнования авиамodelистов. Буду выступать. Если хочешь, поехали со мной. Только надо очень рано вставать», - сказал Димка.

Антон выглянул в кухню. Погрустневшая Лена одиноко сидела за накрытым столом. Сковородка на столе по-прежнему была накрыта полотенцем.

- Как мы завтра? - тихо спросил Антон.

- Я же сказала, что завтра занята, - с раздражением в голосе, не глядя на Антона, ответила Лена.

Антон тихо прикрыл дверь, с минуту молча постоял, соображая что делать, и ответил Димке, что едет с ним.

Долго в ту ночь не мог уснуть Антон. Он видел, как погрустнела Лена. «Но почему? – думал он, - почему она не продолжила начатый мною разговор? Она же знает, мы ж договорились на лето. Я же сказал, что уже свободен, а она, оказывается, чем-то

завтра занята. В понедельник и вторник работает. Может, опять передумала, и боится сказать? Родители, кажется, уже согласны. Вон даже пригласили на юбилей к родственникам, там же будет вся родня. Если бы решили опять временно, не стали бы знакомить меня с ними. Тут всё нормально, это точно. Но тогда что? Ладно! У меня ещё есть дни. Спрошу её завтра же вечером. Будь, что будет, дальше в таком неопределённом положении быть здесь уже неудобно, - решил он. Но тут же опять накатывалась тревожная мысль: «А что если скажу, а у неё опять какая-то причина? Если опять скажет, давай подождём, что тогда? Пустота. Зачем я тогда сюда приезжаю? Зачем мне этот ничего не дающий новый строительный факультет? Да и всё остальное - зачем?» И думы эти делали новый и новый виток повторений в голове молодого человека.

Утром они с Димкой поднялись в половине седьмого. Разогрели стоявшую с вечера на столе сковородку, позавтракали и с красивой, большой авиамоделью через берёзовую рощу поспешили на трамвай.

Сразу за Коммунальным мостом через Широкую и быструю Обь они спустились с высокой насыпи вниз. Там в большом одноэтажном деревянном здании размещалась секция авиамоделлистов областного ДОСААФ. В коридорах и комнатах уже было полно молодёжи и руководителей команд участников предстоящих соревнований.

Соревнования на круглой высоко огороженной металлической сеткой площадке прошли довольно быстро. Димка выступил очень хорошо. Объявили перерыв на два часа для подведения итогов, заполнения дипломов победителям, и удостоверений разрядника.

Димка со своей командой пошел в здание секции, а Антон, предупредив его, решил искупаться. Городской пляж от места соревнований был метрах в ста.

Антон выбрал свободное от загоравших местечко, разделся. Аккуратно свернув свои из тончайшей зеленоватой китайской

шерсти брюки, и положил их на свои новенькие туфли. Сверху он положил летнюю с коротким рукавом рубашу и галстук, а на них – шляпу. Немного посидев на горячем песке, с разбега прыгнул в прохладу сильной реки. Быстрое течение подхватило его тело и стало относить от берега. Антон лёг на спину и несколько минут наслаждался нёщими его тело водами. Потом он лёг на живот и посмотрел на берег, пытаясь определить, далеко ли его унесло течением. И тут он заметил, как два мальчугана лет четырнадцати-пятнадцати склонились и копаются в его одежде. Из всех сил работая руками и ногами, поплыл он к берегу, а выбравшись, метнулся к своей одежде. Парни заметили бегущего хозяина одежды, подхватили его брюки и туфли, сунули в спортивную сумку и кинулись наутёк. Антон был от них метрах в сорока и быстро нагонял воришек, а пацаны кинулись к насыпи моста и быстро взбирались наверх. Склон насыпи в том месте, где стал карабкаться Антон, порос колючим кустарником, а еле заметная тропинка была слабо утопанной и земля всё время осыпалась под его ногами, замедляя подъём. Когда, наконец, Антон преодолел крутой и неудобный подъём, он увидел, что пацаны бегут уже по центру моста, за трамваем. Он от них прилично отстал. Полупустой трамвай на секунду остановился, парни запрыгнули в открывшуюся дверь, и машина тронулась, резко набирая скорость. На этом Антон и закончил своё преследование.

В состоянии крайнего расстройства он вернулся на пляж, подобрал оставшиеся шляпу, галстук и рубашу, и подошёл к проходившему мимо милиционеру. Тот вяло выслушал обратившегося, указал ему, где находится их дежурное отделение на пляже и посоветовал пройти туда и написать заявление.

В тесной комнатке милицейского поста капитан в свою очередь выслушал заявителя, молча дал лист бумаги и ручку, продиктовал шапку заявления. Когда Антон закончил писать, капитан спросил его, кому можно позвонить, чтобы привезли ему одежду. Звонить было некому. Тогда сердобольный капитан предложил отвезти коллегу офицера на служебном мотоцикле.

В рубашке, при шляпе и галстукe, по пояс, закрывшись брезентом люльки мотоцикла, ехал Антон в институт. Капитан заехал на территорию большого институтского городка и затормозил у подъезда общежития. Антон поблагодарил милиционера за помощь, снял рубаху и шляпу и пошел в свой номер. В этот жаркий солнечный день в таком одеянии по территории городка и коридорам общежития ходили многие.

У вахтёрши Антон взял ключ и прошел в свою комнату. Две кровати из четырёх были уже разобраны, кровать Антона и ещё одного однокурсника были заправлены. Антон прилёг на свою кровать и стал ждать соседа и думать, что делать дальше. Билет на обратную дорогу он уже купил. Билет в чемодане в камере хранения. Но денег больше нет ни копейки – все остававшиеся около двадцати рублей были в бумажнике. Там же было и удостоверение личности с отпускным билетом. Штаны трико у него есть, но что одеть на ноги? «Если сосед Володя даст взаймы хотя бы рублей десять, выкручусь» - подумал он. Но пришедший после обеда Володя, заявил, что у него осталось всего пятнадцать рублей. Больше трёх рублей он дать ему не может. Предложил Володя Антону и свои старенькие кеды, которые размера на два оказались больше ноги Антона.

Володя, отдохнув после обеда, ушел в библиотеку, а Антон опять принялся думать, что и как делать дальше. И после долгих раздумий решил трамваем ехать на вокзал, там обратиться к военному коменданту и попросить у него помочь перекомпостировать билет на ближайший поезд. «Место попрошу в общий вагон. Заберусь на верхнюю полку и буду спать до самого места, - решил он и тут же подумал, - а как быть с Леной? В таком виде к ней не поеду. Всё летит к чёрту. Нужно хоть сообщить ей, что уезжаю сегодня. Но чем объяснить срочный отъезд, да и как?» И Антон опять на несколько минут погрузился в свои нелёгкие думы. Наконец решил, что с почты железнодорожного вокзала пошлёт Лене телеграмму и сообщит, что его срочно вызвали в часть.

Составив план действий, Антон быстро прошел в камеру хранения и получил свой небольшой чемоданчик. Квитанция из камеры хранения была в бумажнике, но молоденькая работница камеры хранения, наверняка студентка, разрешила Антону открыть чемодан, достать и показать зачётку и студенческий. Сверив фамилию со своим экземпляром квитанции, девушка отдала Антону чемодан. Потом он прошел к комендантше общежития и сдал полученные постельные принадлежности. Около шести вечера приехал на вокзал, зашел на почту и послал Лене телеграмму из трёх слов: «Меня срочно часть». Потом прошёл к военному коменданту вокзала и попросил его помочь переоформить билет на любой ближайший поезд и только в общий вагон. При этом, ему пришлось поведать дежурившему старшему лейтенанту и о своём несчастье.

- А удостоверение, отпускной? - строго спросил старлей.

- Я вчера после обеда снимался с учёта. Документы были со мной в бумажнике. Вот мой студенческий и зачётка. Я написал заявление в милицию, там же на пляже. Воров обещали найти. Я их хорошо запомнил, описал.

Офицер внимательно осмотрел студенческий билет Антона, его фотография, к счастью, там была в офицерской форме. Полистал странички зачётки.

- Ясно, посидите в зале минут двадцать, - сказал старлей.

Когда Антон снова зашел в дежурную комнату, старший лейтенант заканчивал с кем-то разговор, докладывая:

- В комендатуру я позвонил. С учёта он вчера снялся. В журнале дежурного Кировского райотдела происшествие зарегистрировано.

На том конце провода старшему лейтенанту отдали какое-то распоряжение, он ответил «понял», положил трубку и, обращаясь к Антону, сказал:

- Денег то у вас, конечно, тоже нет?

- Три рубля сосед по общежитию занял.

- Тогда идите в воинскую кассу, я сейчас туда позвоню. Сдавайте ваш билет и покупайте в общий вагон. Ближайший будет в десять.

После покупки билета у Антона осталось двенадцать рублей.

9

Из кассы, Антон направился в буфет перекусить и купить чего-нибудь в дорогу. Только он вышел из кассового зала, направляясь в зал ожидания, как услышал:

- Вот он!

Антон оглянулся и увидел пробиравшуюся к нему через поток пассажиров Лену. За нею в шлеме мотоциклиста следовал Димка.

- Поехали домой, к нам! - сходу сказала Лена.

Обрадовавшийся Антон начал было что-то говорить о срочности его отъезда, но Лена перебила его, заявив, что они всё знают. Твой сосед по общежитию всё рассказал.

- Но я уже поменял билет. У меня через два часа поезд. И я без документов. Пошли, сходим в буфет поужинаем и я куплю себе чего-нибудь в дорогу.

- Я пойду к мотоциклу, а то и его кто-нибудь сопрёт, - сказал Димка и пошел на привокзальную площадь.

За круглой стойкой буфета Антон быстро расправился с жареной рыбой. Лена выпила стакан грушевого сиропа, и молодые люди пошли к Димке.

- Дим, - сказала Лена, подходя к брату, - сгоняй по быстрому домой, привези папины плетёнки и какие-нибудь брюки.

- Зачем? – сказал Антон, - доеду и так. Сейчас сяду в поезд, в часть приеду тоже ночью. Кто меня там увидит? Да и далеко до вас. Если уж так, то пусть съездит в общежитие, отвезёт Вовке

десять рублей, я у него немного занял, да и за кеды надо как-то рассчитаться. Тут близко. Потихоньку съездит. У Володьки тоже деньги кончаются.

Дима завёл мотоцикл и уехал, а Лена взяла Антона под руку и увлекла в небольшой сквер напротив вокзала. Как только они вошли в сквер, она остановилась, повернулась к Антону и, глядя прямо в его глаза, каким-то глухим, дрожащим голосом сказала:

- Ты почему вчера ничего не сказал? Сказал, что свободен и всё. А я то, ждала, а я, я ...

Сильное возбуждение перекрыло её дыхание, слёзы в один миг увлажнили всё её лицо. Девушка отвернулась и быстро зашагала прочь. Одним прыжком Антон настиг её, схватил, прижал к себе её легкое слабенькое тельце, целуя влажные щёки, стал говорить, говорить, говорить:

- Не плачь! Не плачь! Не плачь. Никогда не плачь. Прошу! Ну, ты же знаешь, зачем я сюда приехал, я же тебе сто, тысячу раз говорил, поехали ко мне. Я побоялся, побоялся, что ты опять скажешь «давай подождём». Я этого уже боюсь, я не могу, не могу! Не могу-у! Поняла?!

Всё ещё всхлипывая, резко хватая ртом воздух, Лена тихо говорила:

- Это правда, да? Правда?

- А как же? Ну, ты же сама всё это знаешь! Как же может быть иначе!

Антон, не выпуская из своих объятий, подвёл Лену к скамейке.

А она, положив свою головку на его плечо, глубоко вздохнула и быстро успокоилась. Так и сидели они молча до тех пор, пока не услышали гул мотоцикла. Дима кружил по площади, ища их.

- Дима приехал. Пошли, - сказала, поднимаясь Лена.

А Антон, пока они одни, стал быстро говорить:

- Как только получу удостоверение, как только смогу выбраться, приеду и заберу тебя. Поняла? Как тут будет с росписью, со свадьбой, как тут всё получится – не важно! Увезу и всё! Нам никто и ни что не должно помешать! Всё! Поняла?

- Да, поняла я, поняла. Я уже давно всё поняла. Скажешь, поехали сейчас – поеду сейчас.

- Сейчас я не знаю как сам буду пробираться в город и в часть без документов. За мной могут из части приехать на КПП и забрать, а вот... И ещё, - Антон остановил Лену, метрах в десяти от Димы, опустил голову и продолжил, - я послал тебе телеграмму. Денег у меня было мало, написал коротко. А чтобы не волновалась, не обиделась, я там... Ну, ты пожалуйста её не читай. Ладно? Порви и всё. Не читай.

- А как я узнала, что ты уезжаешь? Уже прочитала.

- Я деньги твоему соседу передал, - сказал Дима, - уже скоро посадка. Вы идите, а я тебя Лен, подожду здесь.

Антон за руку попрощался с Димой, взял Лену за руку, подхватил свой небольшой чемодан и они с Леной, оглябая слева здание вокзала, быстро пошли на платформу.

10

Даже сейчас по прошествии многих месяцев неприятно было вспоминать Антону его приезд в часть.

Доложил он о прибытии и случившимся с ним замполиту. Тот его выслушал и повёл к командиру части. После доклада замполита, полистав зачётку, Законников процедил сквозь зубы: «Пишите на моё имя объяснительную, а капитан Уваров проведёт служебное расследование».

- Товарищ полковник, - подал голос подполковник Шишка, - он у нас на выборной должности, политработник. Расследование надо бы поручить секретарю парторганизации. Выводы по итогам расследования надо будет согласовывать с городским

комитетом комсомола. Известно будет и в городском комитете партии.

Законников с минуту помолчав, провёл указательным пальцем правой руки по своему рыхлому мясистому носу и, ни на кого не глядя, кивнул головой в знак согласия. На объяснительной Антона он синим карандашом написал: «Майору Кондратьеву. Разберитесь, подготовьте приказ о строгом наказании».

Очевидно, во время утреннего доклада на следующий день подполковник Шишка доложил полковнику Молоканову и о происшествии с Антоном. Поэтому майор Кондратьев во время беседы с Антоном заявил: «Большие начальники приказали мне с выводами и наказанием не спешить. Пока пошлю запросы в милицию и в военную комендатуру. А там посмотрим, что с тобой делать и как наказывать. Горком комсомола уже за тебя заступается! Но выговорок всё равно получишь. Это как пить дать. Получишь. Хотя других офицеров за утерю документов отдают даже под суд офицерской чести. Считай, что отделаешься испугом».

Недели через две издали приказ по части о наказании Антона. Начальник штаба полка приказал сфотографироваться и отнести фотокарточку в отдел кадров Управления. Пошли долгие месяцы ожидания получения нового удостоверения личности.

С новым замполитом полка у Антона заспорились дела в его комсомольской работе. Подполковник Шишка в результате нелёгкого разговора с начальником штаба полка, договорился, что Антона стали меньше привлекать к несению службы вне части. Стали меньше давать всякого рода поручений не связанных с его непосредственными обязанностями. Он стал больше заниматься организацией и проведением спортивных соревнований, помогать начальнику клуба старшине Шубникову организовывать репетиции художественной самодеятельности. Спортсменам части нужно было немало денег для приобретения

мячей, волейбольных сеток, формы. Ещё больше нужно было денег участникам художественной самодеятельности на приобретение разного рода костюмов и дорогущих музыкальных инструментов.

Постановлением ЦК ВЛКСМ восемьдесят процентов привлеченных комсомольскими организациями средств оставались в первичных организациях и расходовались по их усмотрению. И Антон попросил замполита помочь ему в сдаче металлолома. «Автобаза, Управление механизации, Комбинат железобетонных изделий завалены всякого рода железным хламом. Ни одно предприятие стройиндустрии металлолом не сдаёт, а руководство стройки их за это постоянно ругает. Мы металл сдадим, справку строителям для отчёта, а деньги нам. Машины у нас есть, люди тоже» - сказал Антон подполковнику Шишке. Тот его предложение одобрил, заявив: «Давай договаривайся с начальниками предприятий, назначайте день, а я решу вопрос с людьми и машинами». Антон обошел всех начальников предприятий и без проблем обо всём договорился. Потом съездил на железнодорожную станцию в пункт приёма металлолома, узнал график работы пункта и стоимость тонны металла, записал телефон директора и мастера приёмщика. И работа закипела. По субботам и воскресениям, а иногда и в рабочие дни ребятами вторых смен Антон возил и возил металлолом. Особенно много его было в Управлении механизации. Там в кузова самосвалов летели тяжеленные рамы от тракторов, вышедшие из строя гусеницы, разные металлические колёса. Вывезли даже противовес от небольшого списанного экскаватора. Металл грузили автокраном, автопогрузчиком и вручную. К середине сентября сдано было триста шестьдесят тонн чёрного и более двадцати тонн цветного металла. На счету в горкоме комсомола за полком Антона значилось более четырёх тысяч рублей. Денег хватило на костюмы и обувь певцам с танцорами, на отличную форму сборным полка по футболу и волейболу. Этим начальник штаба полка был очень доволен. Он даже на совещании у командира полка поддержал подполковника Шишку о снятии с Антона

взыскания. Замполит своё ходатайство так рано снять с Антона взыскание мотивировал тем, что скоро отчётно-выборное комсомольское собрание полка, лейтенанта надо будет переизбирать, а у него не снятое взыскание. Но Законников своим заместителям возразил, заявив: «Рано. Мы такие взыскания по несколько лет носили. Ничего не случится. Пусть ещё поносит. Взыскание на него действует положительно. Лейтенант лучше стал работать».

Когда в части вскрылось несколько случаев неуставных взаимоотношений, Антон собрал весь комсомольский актив полка и предложил ребятам обсудить возникшую проблему. Решили комсомольским активистам за слабыми здоровьем, за призванными из детских домов ребятами, которые в первую очередь подвергались разного рода унижениям и обидам, взять шефство. Второе, что предложили активисты, при назначении на должности командиров отделений, кандидатуры обсуждать на бюро ВЛКСМ рот. Это второе предложение ребят вызвало бурное возражение офицеров части. Сначала возражал и полковник Законников. Но выступивший на совещании подполковник Шишка заявил, что при решении кадровых вопросов умный командир всегда, со всеми советуется. Такое часто было даже на фронте. А когда он заявил, что раз офицерский коллектив возражает против очевидной пользы такого предложения, то надо этот вопрос обсудить на партийном собрании части. Полковник Законников, вдруг произнёс: «Советоваться с комсомольским активом надо». На том спорный вопрос и был закрыт.

Количество нарушений воинской дисциплины, именованных неуставными, среди солдат полка вскоре стало заметно сокращаться. Это отметил даже Законников на одном из совещаний с офицерами полка.

За лето Антон для передовиков производства части организовал несколько походов в красивые места окрестных гор. С волейбольной и футбольной командами и большими группами болельщиков по воскресным дням регулярно выезжал на

городские соревнования. Время летело в напряженной, интересной работе. Всё что придумывал Антон и члены комитета комсомола полка, прежде чем исполнять, Антон сначала обсуждал с подполковником Шишкой. Тот просил Антона сначала спокойно и по порядку всё ему объяснить, а после этого или одобрял задуманное, или обещал подумать и посоветоваться с командованием части, потом ответить стоит ли и как лучше исполнять задуманное. Иван Васильевич не навязчиво, как-то по-своему постоянно интересовался и внеслужебной жизнью Антона. Подробно расспрашивал его чем занимался в его редкие выходные, какие книжки читает, смотрел ли очередной новый кинофильм. Часто спрашивал, как и где питается, хватает ли денег от полочки до полочки. Однажды Иван Васильевич посоветовал, а Антон тут же и выполнил добрый совет своего наставника завести в сберкассе книжку и с каждой полочки, сколько сможет, хоть рубль, но откладывать, понемногу копить деньги. «В жизни бывает всякое, - сказал он, - на чёрный день у тебя всегда должна быть заначка. Мало ли что может случиться, а у тебя отца нет, мама простая колхозница. Помочь-то и некому.»

Антон охотно делился с начальником всеми своими делами. Его забота о нём грела парню душу, вселяла во всё уверенность и окрыляла. Иван Васильевич стал для Антона непререкаемым авторитетом, всем своим существом он прикипел к своему любимому начальнику.

12

В начале сентября проходил Пленум горкома комсомола. На нём Антона, секретаря лучшей комсомольской организации Управления войск, избрали делегатом на краевую комсомольскую конференцию. На следующий же день Шишка позвонил Молоканову и заявил, что на краевую конференцию негоже комсorghу передового полка ехать без удостоверения личности. «Сколько ж ещё ваши кадровики будут тянуть резину с выдачей лейтенанту удостоверения», - сказал он.

- Вопрос поправимый, - коротко ответил Молоканов. Ускорим.

Ровно через неделю Антон и получил новый документ.

Краевая конференция проходила в пятницу. После её закрытия для делегатов на субботу и воскресенье была запланирована большая культурная программа. В фойе театра, где проходила конференция, после окончания её работы, орготдел Крайкома комсомола начал отмечать командировочные. Тут-то у Антона и возникла идея смотаться к Лене. «Самолётом час лёту. Сегодня туда, а обратный билет возьму часа на три дня на воскресенье. И к вечеру буду дома», - решил Антон и тут же подошел к своему секретарю горкома комсомола. Геннадий Шишенков, выслушав его, продлил Антону командировку и на понедельник. Антон поблагодарил секретаря и поспешил в аэропорт.

В десять вечера он уже постучал в заветное окошко.

Вышедшая на стук мама Лены, обрадовалась приезду Антона, пригласила проходить. В доме она сразу же включила электрическую плитку, хлопоча у стола, накинула на плечо желанного гостя чистое

полотенце, велела мыть руки и садиться ужинать. «А Леночки дома нет. Она уже неделю как на картошке. Портится погода, наверно завтра работать не будут. Должны бы сегодня приехать. Им обещали на выходные привозить», - поведала Наина Федотовна. Услышав это, Антон, вытиравший лицо и руки у рукомойника, остолбенел.

- Я извиняюсь, я не знал, что она не дома. Неожиданно появилась возможность приехать только на один день. Вот я и... - бормотал Антон.

- Понятно, понятно, - затараторила Наина Федотовна, - и хорошо, что приехал. Отдохнёшь, а завтра с Димой куда-нибудь ходите. Что ж теперь, раз так получилось. Она говорила, что написала тебе, но письмо, конечно же, ещё не дошло. Антон заметил, что в комнату вошли Димка и Фёдор Дмитриевич, повернулся в их сторону, поздоровался. Волнуясь, принялся

объяснять им причину своего неожиданного появления, да ещё и в такой поздний час. Наина Федотовна искусно остановила его рассказ, подвела, усаживая к столу, а мужу и сыну коротко сказала, что Антон был в командировке и неожиданно у него получился свободный день. А при нынешних самолётах один час и он тут.

Только приунывший Антон приступил к ужину, еле ковыряя вилкой в сковородке с вкусно пахнувшей картошечкой, прихлёбывая тёплое молочко, как открылась входная дверь и на пороге появилась Лена. «А вот и...», - неожиданно увидав Антона, прервала своё объявление о приезде девушка. А Антон подскочил со стула, улыбаясь и сияя от радости, вытянулся и, не сводя с Лены сияющих своих глаз, водил над столом вилкой, словно не находил места куда её положить.

- Чего стоишь-то, не ждала гостя? Не рада, что ли? Даже не поздоровалась, - прервала паузу радостного молчания молодых людей Наина Федотовна – мы - то тебя поджидали, но завтра к вечеру. А ты сегодня, да и поздновато что-то?

- Завтра сказали будет дождь и мы решили сегодня поработать до темна и уехать, - скороговоркой ответила Лена маме и подошла к Антону. А он, видя, что комната молниеносно опустела, бросил, наконец, на стол вилку и схватил Лену за её худенькие и слабые плечи готовый со всей силой прижать их к себе. Но Лена молниеносно чмокнула Антона в щёку и ладошками упёрлась в его ходившую от частого дыхания, словно кузнечные меха, грудь.

- Ты ешь, а я буду умываться, переодеваться, - громко сказала Лена.

- Снимай всё своё колхозное, я сейчас поставлю греть воду, - прощепетала Наина Федотовна, входя в комнату.

Антон сел на своё место и принялся с аппетитом уплетать ужин.

Проснувшись на следующий день, Антон молниеносно глянул на ходики на стене и подскочил, как по тревоге. Было почти восемь.

«Ни чего себе я сегодня дреманул», - подумал он и стал быстро одеваться. Услышав, что Антон поднялся, в комнату заглянула Лена.

- Проснулся засоня? – улыбаясь пропела Лена, - умывайся, а я разогрею завтрак.

- Ту ночь мы ехали в поезде, почти не спали, - почти шепотом начал оправдываться Антон.

- Говори нормально, наших давно дома нет, - усмехнувшись сказала Лена.

Направляясь к умывальнику, Антон поймал Лену, крепко обнял. Его жарким поцелуям Лена не сопротивлялась, а Антон, целуя её мягкие, тоненькие розовые губки приговаривал:

- Сейчас умоюсь и повезу тебя в ЗАГС, и ни каких возражений, ни каких больше ожиданий, ни каких причин. Только попробуй сказать погоди, не выпущу, увезу с собой прямо сейчас, прямо вот так, вот так...

Почти не сопротивляясь поцелуям, Лена тихо произнесла:

- Скорее умывайся да завтракай, а то до обеда и не успеем в твой ЗАГС...

Заняв очередь в кабинет, где принимали пары на написание заявлений, Антон прошел в приёмную начальницы и попросился у секретарши пропустить его к ней. Поздоровавшись, Антон сказал начальнице ЗАГСа, что слышал, что кое в каких обстоятельствах можно брачующимся расписаться и без испытательного срока. К тому ж у меня очень мало времени. В понедельник в десять утра самолёт... Сухоньякая, сгорбленная лет шестидесяти женщина внимательно выслушала Антона, резко встала из-за стола и, жестикулируя маленькими, с резко выступающими кровеносными сосудами ручонками, писклявым голосом, словно она выступала на каком-то партийном собрании, высказалась: «И правильно вы решили! Нам военным некогда

ждать испытательных недель и месяцев. У нас служба, она нас каждый день испытывает. Нечего тут нашего брата задерживать. Зовите сюда вашу невесту».

Радостный Антон вышел из кабинета следом за его хозяйкой, наверняка женой какого-то офицера отставника, подлетел к Лене, не говоря ни слова, потащил её в кабинет заведующей. Пока в кабинете не было хозяйки, он объявил Лене о договорённости прямо сейчас их расписать. Лена от неожиданности такого поворота дела смутилась, раздумывая, молчала. Но тут, словно метла в кабинет влетела заведующая:

- Так, привели? Садитесь вот сюда, вот вам бланки, пишите.

Лена безропотно подошла к столу, осторожно села на стул, как школьница отличница сложила руки на стол, потом взяла перьевую ручку, положенную перед нею бабулей, обмакнула перо в чернильницу и под диктовку, вышагивавшей по ту сторону стола заведующей принялась заполнять бланк. Свою половину бланка быстро заполнил и расписался Антон. Бабуля поздравила, коротко наставляя молодоженов, лица которых стали серьёзными и румяными.

«Вот так этот мой котёночек и оказался тут у меня», - подумал Антон и глянул на мерцавший фосфором циферблат будильника. Часы показывали 4.30. «Лучше встану, а то не дай бог опять просплю», - сказал он себе, снял с себя одеяло, получше укутал Лену, поднялся, выключил звонок будильника и вышел из комнаты.

ГЛАВА !!!

1

Прошли годы. Давно за свои выходки в запас был уволен Законников, был переведен на повышение Иван Васильевич Шишка. Получил майора и сразу же был назначен замполитом полка Антон. Служба шла в условиях начавшейся перестройки. В стране стало остро не хватать финансов, из – за этого стали

приостанавливать строительство многих начатых объектов, а значит, стало сокращаться количество строительных организаций и самих строителей. В первую очередь, естественно, сокращали военных строителей. Сокращались численно воинские части, многие расформировывались. К тому же резко сокращались и все вооруженные силы. По стране в поисках свободных вакансий метались сотни офицеров и прапорщиков в надежде дослужить хотя бы до малой пенсии.

Некогда с излишней численностью полк, в котором замполитствовал Антон, уже больше года был численностью, значительно меньше положенной по штату, а вскоре пришел приказ и о реформировании его в военно-строительный отряд.

Антону было предложено остаться замполитом отряда, но он от предложения отказался и был выведен за штат. Понимал он, что равной должности ему ни кто не предложит и готовился быть уволенным по сокращению.

Иван Васильевич Шишка на новом месте устроился и вошел в дела быстро и без проблем. Войсковое соединение, куда он прибыл на должность начальника отдела политработы, было одним из самых старых в системе. Военные городки обустроены, командный состав Управления войск и частей состоял в основном из опытных, проверенных временем и делами офицеров. Неплохо части были укомплектованы и офицерами ротного звена. Через пару месяцев Иван Васильевич чувствовал себя в новом коллективе абсолютно своим, словно служил здесь уже не один год. Строительному Управлению, которое обслуживали части войск Ивана Васильевича, после его приезда было поручено возведение крупного промышленного комплекса. Строительство было спланировано на многие и многие годы. И в то время как на других стройках в конце восьмидесятых сокращались объёмы строительно-монтажных работ, здесь из года в год они росли. Увеличивалось и количество военных строителей. О сокращении воинских частей говорить не приходилось.

Нового начальника отдела политработы признало всё руководства стройки и города. Оформили на Ивана Васильевича представление и скоренько дружно обмыли нового полковника. Через год Иван Васильевич достиг предельного возраста службы, но начальник Управления войск и начальник стройки ходатайствовали перед московским начальством о продлении ему службы ещё на несколько лет. Но все разрешенные годы Иван Васильевич не отслужил и вот почему.

2

Штаб Управления войск располагался на окраине города почти у самого пропускного пункта на улице, дорога которой переходила в загородную, вела в районный и дальше в областной центры. Квартира где, поселились Иван Васильевич и Надежда Васильевна, была в самом центре города. На работу полковник Шишка ездил чаще всего на городском автобусе. Не нравилось ему, что шофер служебной машины мается под окном в ожидании начальника. «Кругом же люди. Иная женщина может сказать, что отдала она нам своего сына защищать Родину, а он занимается тем, что прислуживает офицерам», - размышлял Иван Васильевич, - другое дело, когда надо рано утром куда-то ехать, или когда возвращаешься со стройки на обед, тут уж деваться некуда». Его служебная машина в таких случаях во дворе появлялась, а чтобы каждодневно утром забирать, а вечером доставлять домой – нет.

И вот однажды едет Иван Васильевич утречком автобусом на работу. На одной из остановок в автобус вошла красивая молоденькая женщина. Она была скромно, но со вкусом одета. Её лицо и глаза светились какой-то внутренней радостью. Красивые губки женщины были густо накрашены дешёвенькой красной губной помадой. Это так плохо контрастировало с её настоящей, природной красотой, так нелепо выглядело, что Иван Васильевич не удержался, поднялся со своего места, подошел к красавице. Сначала извинился и спросил, можно ли дать ей один совет. Женщина опустила вниз свои тёмные глазки, тихим, каким-то идущим из глубины души приветливым голосом бодро

пропела: «Конечно можно». После этого уставилась своими смородинками высокому военному в глаза, готовая услышать и принять любой совет. А Иван Васильевич, некоторое время почему-то молчал, будучи разоруженным взглядом женщины, не в силах сказать то, что хотел. Поведение женщины, её готовность выслушать совет не молодого незнакомца почему-то обезоружила, вызвала сомнение – говорить, не говорить. Ведь попробуй, сделай замечание или выскажи совет какому-нибудь незнакомому парню или девчонке - ответит тебе так, что больше не захочешь давать советов. А эта женщина вдруг повела себя иначе, чем и поставила бывалого вояку в тупик. Помолчав какое-то время, Иван Васильевич всё же собрался с духом и сказал, что не следует ей красавице накладывать краску на губки. Сказал, что ни чего на свете нет красивее естественного лица молодой девушки или женщины. Другое дело если женщина уже не молода. Тогда цвет губной помады нужно подбирать так, чтобы придать губам цвет естественный, натуральный. Высказал это Шишка незнакомке, и снова стал извиняться за беспокойство и свой совет. А красавица густо покраснела, опустила в пол глаза и тихо промолвила: «Спасибо, я поняла». «Скажите честно, я вас обидел? Ей богу, не хотел этого. Я хотел, чтобы вы выглядели так, каковой являетесь на самом деле», - торопливо проговорил Шишка. Женщина при этих его словах ещё больше смутилась, ещё раз поблагодарила за совет и отвернулась к двери, готовясь на выход. Автобус остановился у филиала пединститута, и она вышла. А Шишка опять сел на свободное место и поехал дальше.

На другой день, на той же остановке на улице легендарного строителя Леева скромная красавица, которой накануне Иван Васильевич выдал свой совет, опять вошла в автобус. Теперь уже её некрашенные губки отливали естественным алым цветом, подчеркивая её молодость и красоту. Иван Васильевич долго не мог оторвать своих глаз от этой молодой женщины. А женщина купила у кондукторши билет и неожиданно глянула в его сторону. Видимо, она почувствовала на себе его пристальный взгляд. Когда седой полковник и молоденькая женщина встретились глазами, красавица так улыбнулась, что Иван

Васильевич подскочил со своего места, словно ему стало не пятьдесят семь, а двадцать. В ласковой, приветливой улыбке молодая женщина оголила свои сияющие белизной, ровные зубки. В автобусе было много народу, но Иван Васильевич быстро протиснулся к красавице и, сам не помня себя, начал ей тараторить о том, как она теперь красива, какой она молодец. На сей раз женщина повела себя совершенно по-другому. Вчерашняя замкнутость и чрезмерная скромность с её личика куда-то улетели. Перед полковником сейчас стояла гордая, с развёрнутыми плечиками молодая, красивая, уверенная в себе женщина. Полковник и красавица о чём-то всю не долгую поездку в автобусе оживлённо говорили, при каждом слове глазки женщины нежно и тепло её собеседнику улыбались. Стоя рядом с этой молодой необычной женщиной, Иван Васильевич наполнился какой-то невиданной доселе живительной силой. Он говорил, не помня, что и о чём, а дышать стал так, словно пробежал длинную дистанцию. Когда доехали до института, и женщина стала выходить из автобуса, Шишка неожиданно для себя вышел тоже. Красавица, при этом, не возмутилась, даже не спросила зачем он вышел и идёт рядом. А когда дошли до института, Иван Васильевич спросил, спешит ли его собеседница или нет. Та остановилась, оголила малюсенькие часики на своей крохотной ручонке и сказала, что сейчас у них пара, на которую ей идти не надо. «Зачёт я сдала досрочно, а поехала в это время потому, что все родственники, у которых остановилась на период сессии, уходят кто на работу, кто в школу. Надо было тоже уходить. Вот я и приехала, как всегда», - ответила собеседница.

- Меня зовут Иван Васильевич.

- Спасибо. А меня – Амина, - представилась спутница.

Обрадованные тем, что познакомились, раскрасневшиеся высокий, стройный полковник и молодая цветущая женщина, пошли мимо института в небольшой скверик. Когда вошли на тенистую аллею. Иван Васильевич стал расспрашивать свою новую знакомую про учёбу, где живёт, чем занимается. Амина

подробно рассказывала о своей жизни и делах, словно своему старому знакомому после длительной разлуки. А когда в очередной раз она глянула на свои часики и засобиралась в институт, Иван Васильевич набрался смелости и спросил свою спутницу о возможности встреч в дальнейшем. Амина с минуту выдержала паузу и спокойно сказала, что видеться и разговаривать ей с ним интересно, но встречаться, как это бывает между мужчинами и женщинами, ей нельзя, она ведь замужем, у неё двое детей. Услышав это, Шишка почему-то остолбенел. Даже замедлил шаг. Амина остановилась, глянула в его сторону, опустила вниз глазки и, понимая его расстройство, стала успокаивать Ивана Васильевича, сказавши, что и он ведь женат и, дескать, причины для расстройства у него быть не должно. Покрасневший от нахлынувшего волнения Шишка проводил Амину до входа в институт, тепло попрощался и поспешил на службу.

3

Эта молодая, скромная, простая женщина с первой минуты, словно каким-то магнитом потянула к себе Ивана Васильевича. В нём проснулось что-то яркое, живое, затмившее всё его настоящее: и его не молодые годы, и положение, и его добрую и ласковую Надю. А когда расстались, и он окунулся в круговерть его нелёгкой службы, забыл Амину, словно и не встречал её.

Наступила зима. Прошел новый год. И вот однажды Иван Васильевич снова увидел в автобусе Амину. Она, очевидно, увидела его первой. Потому что когда он глянул в её сторону, Амина резко отвернулась. Иван Васильевич несколько минут помедлил, потом поднялся и подошел, поздоровался. К своему стыду он забыл её имя. Здороваясь, Амина коротко глянула в его сторону и быстро отвернулась. Иван Васильевич почувствовал что-то неладное. Он с минуту помолчал, а потом тихо спросил её, что случилось. «Может, - сказал он, - кто из твоих знакомых увидел тогда нас с вами и у вас возникли неприятности?» Амина молчала. Но тут автобус подъехал к её остановке и, готовясь к

выходу, Амина молча повернулась к Ивану Васильевичу. Вокруг её левого глаза было синё. Слева от зрачка на глазном яблоке даже полопались сосуды, и там красовалось большое кровавое пятно.

- Что с вами, кто это вас так, за что?! – выпалил полковник.

- Ни за что. Это муж. Как напьётся, дерётся, - тихо, почти сквозь слёзы молвила замершая Амина.

Иван Васильевич остолбенел. Молодая, невысокого росточка женщина в надвинутой на самые глаза вязаной серой шапочке и высокий, стройный полковник на долго замолчали. И только когда уже автобус подъезжал к остановке возле Управления войск, они спохватились и на первой же остановке вышли. Мимо ехал на службу начальник штаба. Иван Васильевич махнул ему, чтобы тот остановился и попросил прислать ему сюда свой газик. Он отвёз Амину в институт, а прежде чем высадить, спросил, во сколько закончатся занятия.

К окончанию её лекций Иван Васильевич, словно двадцатилетний студент, топтался у главного входа в институт. Увидев его, Амина не удивилась. Она знала, чувствовала, что этот очень хороший человек придёт, что-то ей скажет такое, что ей станет на душе легко, уйдут, улетят куда-то её переживания, ей будет хорошо. Её фанатичная убеждённость о грехе замужней женщине разговаривать, тем более встречаться с чужим мужчиной, сейчас куда-то ушла, притупилась. Её потянуло к этому человеку, который шел сейчас рядом.

Молча Иван Васильевич и его спутница дошли до сквера. Молчали всю дорогу они потому, что оба переживали одно и то же. В душе Ивана Васильевича кипела злость на средневековую тупую жестокость. Он считал себя обязанным как мужчина оградить от дикости это невинное, целомудренное своей чистотой шедшее рядом существо. Голову сверлила мысль что делать, как поступить? Семенившая рядом Амина чувствовала переживание за себя этого большого, доброго человека. Она не

собиралась, вовсе нет, просить его о защите. Но находясь рядом с ним, уже чувствовала себя в безопасности, в другом хорошем мире. Мир её быта, традиции и законы поведения семьи, соседей, знакомых и всех жителей деревни ей был дорог, хоть и жесток, несправедлив к ней, ни чего плохого, запретного ни когда не сделавшей. Сейчас она не переживала за унижения и издевательства над собой своего хозяина – мужа. Но ей было приятно пребывать в этом другом, чистом и хорошем мире с этим человеком.

Когда Амина и Иван Васильевич вошли в парк и оказались только вдвоём на недавно припорошенной пушистым чистым снегом дорожке среди высоких, мерно покачивающихся под сильным ветром сосен, заговорили о вещах ни как не связанных с тем, о чём думали по пути сюда. Они обдумали, пережили и поставили точку тем своим мрачным мыслям. Сейчас их уже захватила радость общения. Около часа бродили они по парку, а потом Иван Васильевич проводил Амину до дома её родственников. Перед тем как попрощаться он спросил Амину, почему не усмирят сына его родители, почему, в конце - концов, не заступятся её братья, она в тот раз говорила, что их у неё два. Есть же и милиция.

- Вам русским нас не понять. Все в деревне знают о его издевательствах надо мною. И его родители, и мои братья. Даже когда он избивает и топчет меня ногами при детях, его мать с отцом не убирают из комнаты детей. Когда муж избивает жену, по нашим обычаям дело нормальное. Все к этому относятся спокойно. Многие в деревне так живут. Колхоз у нас бедный, заработков нет. Все парни и мужики пьют и буянят, вымещая своё зло на нас, - ответила Амина, - да вы не переживайте за меня. Я к этому привычная, мне ж и не больно. Только от людей неудобно. Смотрят как на непутёвую. Есть же такие женщины. Даже некоторые однокурсники усмеваются, глядя на мой подбитый глаз, - продолжала Амина.

- Да ты что! Как это привыкла!? Это же дикость, варварство! Как же можно так жить? Зачем? Разве это жизнь? – кипел Иван Васильевич.

Амина робко продолжала его успокаивать, но сама в душе ликовала. Его гневные слова сейчас ни как не защищали её, но это было то, чего ей всегда не хватало. Этот человек ей сочувствует, за неё переживает, готов защитить, избавить её от несчастной доли, хотя и понимала, что ни как, ни чем, ни он и ни кто другой ей не помогут, не защитят, не извлекут из её жестокого и несправедливого бытия. Да она и сама из него ни куда, ни когда не уйдёт.

Придя домой, Иван Васильевич впервые не рассказал Наде, где был. Они офицерские жены привыкли к тому, что мужа на службе могут быть и днём и ночью. Потому Надежда Васильевна не спросила мужа, где и почему он сегодня задержался. А Иван Васильевич быстро поужинал, пробежался по газетам и лёг спать.

На другой день Шишка приехал на остановку на улицу Леева пораньше и поджидал Амину. Побоялся, что в автобусе может её не встретить. А вечером опять встретил после занятий.

Иногда Амина возвращалась домой пораньше, или ехала на учёбу позже, но их встречи до самого конца её сессии были частыми, как само - собою разумеющимся. Они не говорили о том, почему и зачем встречаются, не договаривались где, когда и во сколько увидятся. Но встречались, стремились встречаться.

Закончилась её зимняя сессия. Умная и очень упорная, усидчивая Амина все экзамены и зачёты сдала только на пять. Тепло попрощавшись, уехала в свою деревеньку. Теперь уже Иван Васильевич дал ей свой служебный телефон, настойчиво потребовал, чтобы если случится что с нею опять, немедленно ему звонила, хотя знал, что этого она ни когда, ни при каких обстоятельствах не сделает. Попросил звонить и сразу же по приезду в их городок. Довольная этим требованиям, Амина молчала. Знала и она, что ни когда не позвонит и не попросит защиты, но душа её при этих словах наполнялась радостью и

спокойствием. Сейчас она ощущала себя так, словно стала сильной и независимой, способной противостоять всем своим самым большим бедам.

4

В мае после Дня Победы Надежда Васильевна уехала в Кисловодск лечить свой гастрит. В частях Управления полным ходом пошло увольнение и получение молодого пополнения. Работы у полковника Шишки, как всегда в это время, было невпроворот. Однако, в мыслях он готовился к тому, что в середине июня должна приехать на сессию Амина. И вдруг, числа 25 мая раздаётся звонок и Амина сообщает, что приехала пораньше на сессию, чтобы подготовиться к экзаменам, написать курсовую и получить вызов на сессию. Взяла на учёбу свой отпуск. В тот же день вечером они и встретились. В конце мая темнеет поздно, и бродить в форме по городу, или в парке Ивану Васильевичу было не с руки. Он стал приглашать Амину к себе домой. Она тоже до смерти боялась, гуляя с Иваном Васильевичем, встретить кого-нибудь знакомого. Для неё это было бы полным крахом. Она даже не могла, боялась себе представить что будет, если об этом узнает её муж, родственники, или кто-нибудь из жителей их деревни. Хотя встречаться, гулять, беседовать с Иваном Васильевичем ей очень хотелось. Это уже стало какой-то её потребностью, глотком, мгновением хорошей светлой жизни.

Амина на приглашение Ивана Васильевича идти к нему на чай и пообщаться без посторонних глаз категорически отказывалась. Пытаясь как-то разрешить возникшую проблему встреч с Аминой, бедный Иван Васильевич, уговаривая её, клялся и божился, что ни чего нехорошего себе не позволит. Говорил, что они просто посидят, попьют чаю, пообщаются, поговорят и всё. Чего, мол, тут особенного? К слову сказать, он и сам был уверен, что это будет так, и только так. Иван Васильевич и представить себе не мог, что может даже прикоснуться к Амине, не говоря уже о чём-то другом, запретном. Амина упорно стояла на своём и даже повела

разговор о том, что им вообще встречаться не надо, что это не хорошо, что она уже и так много нагрешила перед Аллахом.

Долго её уговаривал Иван Васильевич и, в конце – концов, Амина, уже боявшаяся прекращения встреч, всей душой желавшая общения с Иваном Васильевичем, согласилась как-нибудь не на долго зайти вечером после занятий в читалке института. Подскочивший на месте Иван Васильевич попросил Амину встретиться завтра же. И неожиданно для него, да и для себя самой, Амина сказала: «Ладно, завтра после занятий в библиотеке приду. Только я приду сама, вы не встречайте». Она боялась идти вместе с Иваном Васильевичем, чтобы не видели их его соседи.

На следующий день вечером полковник Шишка не ехал, летел домой со службы! По пути забежал в магазин, купил продуктов, взял бутылку шампанского, букет цветов. А прибежавши домой, стал спешно наводить в квартире порядок.

И вот часов около восьми брякнул дверной звонок. Иван Васильевич тут же распахнул входную дверь и на смерть перепуганная Амина, быстро впорхнула в квартиру, стала спиной к стене, заложив руки за спину. Её тёмные глазки неподвижно уставились на хозяина квартиры, грудь вздымалась от частого дыхания. Шишка быстро закрыл дверь, подошел к дрожавшей Амине, взял за плечи и принялся, было, её успокаивать и приглашать пройти в комнату, как вдруг Амина обхватила его руками и всем своим тельцем к нему прижалась. Иван Васильевич мгновенно своей грудью, животом, ногами ощутил её маленькое, горячее, дрожащее тельце, обхватил, сильно прижал к себе...

Так они простояли, как показалось обоим, целую вечность. Потом Амина, лёгкими движениями стала освобождаться из лап страстно целовавшего её Ивана Васильевича. «Я пойду, мне пора, простите меня...», - прошептала она, с трудом отстранившись и поправляя волосы и одежду. Шишка молчал и не препятствовал её уходу. Когда Иван Васильевич отпер входную дверь, Амина

схватила и сжала его ладонь пальчиками своих обеих рук, попросила её не провожать и быстро юркнула в темноту подъезда.

Иван Васильевич захлопнул дверь, прошел в комнату, бухнулся на диван и до самого утра пребывал толи в дрёме, толи в каком-то романтическом сне.

До конца сессии Амины толком наши герои ни разу не побыли вместе. Иван Васильевич видел, понимал, что всё существо Амины помимо её воли тянется, рвётся к нему, а она невероятными усилиями сдерживает свои чувства, терзается в муках, но держится, старается избегать, а если встречались, то быстро уходила.

Та весенняя сессия была у Амины очень трудной. Шишка видел, как истязает она себя учёбой. Видел, как борется, пытается заглушить, хлынувшие в её мир чувства и пытался, как мог помогать ей. Он старался беспрекословно выполнять её просьбы не приходить, предлагал помощь при подготовке к зачётам и экзаменам. Доставал нужные ей книжки. Амина просила не поджидать её на остановке автобуса, но когда он появлялся в салоне, увидев его, она мгновенно расцветала в своей чудной счастливой улыбке, а глазки излучали радость и ликование. Всякий раз, при этом она говорила: «Ну, зачем вы? Я же вас просила...».

5

Приехала с курорта Надежда Васильевна. Иван Васильевич её встретил. Внешне всё было, как всегда. К её приезду он прибрался в квартире, приготовил и накрыл по случаю стол, купил букет цветов. Но всё это было только внешне. А фактически жена стала для него совершенно другим человеком. В его сознании Наденька была тем же милым, дорогим, родным

существом, но душа его к жене уже не горела искренним, открытым огнём. Они вместе спали, вместе завтракали и ужинали, но больше Ивана Васильевича к жене не влекло. Пропала, исчезла в его душе та сила, которая многие годы постоянно влекла, неразрывно соединяла его с Наденькой. Её присутствие рядом перестало греть, будоражить его душу. «Столько мы с ней прожили, кочуя по гарнизонам и разным чужим углам, столько всего пережили, вырастили двоих детей, но встретилась какая-то девчонка и всё во мне перевернулось вверх тармашками», -непрестанно в эти дни думал и думал бедный Иван Васильевич. Как мальчонка потерял он покой, потерял над собой всяческий контроль и свой зрелый разум. Как это может быть? Почему? Понять он не мог. Было у него время поразмышлять обо всём этом, было. И так думалось и эдак, а вразумительного ответа на вопрос что с ним случилось и как теперь быть, в голове не было. «Не зря говорят люди, что когда седина в голову, то бес в ребро? Тогда, стало быть, такое случается со всеми в моём возрасте? А может эти чувства приходят к нам помимо нашей воли? Приходят тогда, когда ты созрел для них, когда встречаешь ту, которая назначена тебе независимо, стар ты или молод, холост или женат, в конце – концов, хочешь этой встречи или нет? Сколько я дурак за годы своей службы политраблотником копался в чужих судьбах, пытаюсь вразумить изменников?! Чаще всего, конечно, это были у наших офицериков просто эпизоды небольшого шаловства, временных увлечений. Но были ж и дела серьёзные, с серьёзными мужиками! Бывало, иного сбегавшего на сторону и попавшегося шалуна как следует пропесочу, он и одумается. А к другому что только и не применяешь! Не помогли ни беседы - отчитки, ни партийные бюро и собрания. Ни что! Теперь получается, что я старый козёл оказался в такой же самой ситуации. Давал я мудрые советы мужикам, учил всех без разбору уму -разуму, а сам для себя выхода из случившегося и не вижу, - не единожды размышлял Иван Васильевич. - Получил я образование, высокие должности и звания, а жизни-то, сути человеческой жизни, выходит, по-настоящему так до сих пор и не знаю».

Глава IV

1

Надежда Васильевна по приезду с курорта не могла не заметить разительных перемен в поведении своего некогда ласкового и нежного мужа. Однако молчала, словно ни чего не замечала до тех, видимо, пор, пока со всех сторон не посыпались ей сообщения от знакомых и девчат из её библиотеки о прогулках Ивана Васильевича с молоденькой дивчиной. В мизерном городке почти все друг - друга знают, всё за всеми замечают. Не мог остаться незамеченным и гулявший почти каждый раз в форме Шишка. В конце – концов, состоялся у них с женой нелёгкий разговор. Иван Васильевич юлить не стал. Он всё, что с ним случилось честно, как на духу жене рассказал. Она, естественно, расстроилась, переживала, но стала успокаивать мужа, сказала, что понимает его, не держит обиды и зла, что готова в любое время предоставить ему свободу. Окончательное решение за ним.

А Иван Васильевич слушал жену и твердил себе, что надо взять себя в руки, что проявил он слабость и поступил как какой-то шалун. Убеждал себя мыслью, что выбросит из головы Амину и ни когда не расстанется с его дорогой Наденькой.

В ходе того тяжелого разговора ни какого решения Иван Васильевич и Надежда Васильевна не приняли. Иван Васильевич сказал жене, что будет между ними всё по - старому и попросил прощения.

2

Лето, осень и зиму до самого февраля месяца следующего года отношения в семье Шишки были хоть и без прежнего восторга и постоянной радости, но терпимые. А в конце февраля Иван Васильевич опять увидел в автобусе Амину. У него опять земля

ушла из-под ног, он опять не на шутку потерял над собою всяческий контроль.

Амина продолжала противиться встречам, подавляя из последних своих силёнок укрепившиеся чувства к седому, но такому доброму и умному, такому ей дорогому человеку. Через несколько дней у неё закончилась сессия, и она уехала к себе в деревню. А Иван Васильевич снова не находил себе места.

Однажды на службе его даже прихватило сердце, чего раньше ни когда этого не было. Пришли на новый год путёвки, и Шишка закрепил за собой две из них на март. Предложил Наде ехать вместе, но она отказалась, настояла, чтобы ехал он один.

В Пятигорске у начмеда санатория Иван Васильевич попросил себе отдельный номер, захотелось больше побыть одному, поразмышлять о своём житье - бытье, забыться, успокоиться. Но как он ни пытался всё забыть и вернуться к прежнему душевному спокойствию, ни чего у него не получилось. Уже через три дня Иван Васильевич написал Амине письмо и отправил на адрес её сестры. Та тут же написала ему в санаторий и сообщила, что его письмо отвезла Амине в районную больницу, что сестра уже две недели лежит там в хирургическом отделении. Попросила Ивана Васильевича не говорить Амине, что она ему написала о больнице.

3

Сразу по приезду из санатория, отпускные-то дни ещё оставались, взял Иван Васильевич в части газик и поехал в райцентр. Молоденький врач районной больницы рассказал ему, что лечилась Амина у него целых три недели, и уже из больницы выписана. А поступила она с тяжелой травмой головы, с переломами рёбер, с кровоподтёками и ссадинами по всему телу. Сутки находилась в реанимации. Организм молодой, крепкий и женщина поправилась быстро и без явно выраженных последствий. Но в случае повторения подобного, последствия могут наступить уже необратимые. «Я, - сказал врач, - рекомендовал ей даже взять академический отпуск в институте,

отдохнуть и окрепнуть. Выписал, на сколько мог дней больничный, рекомендовал обязательно пропить всё, что я назначил и беречься. Рекомендовал месяца через три показаться».

Там же в райцентре Иван Васильевич опять написал Амине короткое письмо. Он знал, что ей нужны не дешевые лекарства, а денег на них ей дома ни кто не даст. Поэтому попросил, чтобы в ближайший понедельник к двум часам она приехала в аптеку, что возле больницы. «Будем покупать лекарства», - написал он. - Если не приедешь, то у врача возьму рецепты, куплю все лекарства и повезу прямо к тебе домой».

Предупреждение сработало. В райцентр Амина приехала с сестрой, но в аптеку явилась одна. Прямо на улице обнял он бледную, похудевшую Амину. Чмокнул даже в щёчку, на что она особо не противилась. Купил Иван Васильевич все прописанные врачом лекарства и ещё раз провёл наставительную беседу на предмет обеспечения её безопасности. Амина и на сей раз ответила Ивану Васильевичу так, как и раньше: «Знаю, что рано или поздно он меня убьёт. И наверно уже скоро. Об одном прошу Аллаха, чтобы только не оставил меня калекой. Пусть убивает сразу. Жить калекой не хочу».

Долго читал ей свои наставления Иван Васильевич, требовал написать заявление участковому. На что она сказала, что ни чего тот делать не будет. Советовал попросить братьев, чтобы воздействовали на мужа: «Так они ж вместе с ним работают на шабашках, вместе и пропивают заработанное», - ответила она. Когда Амина засобиралась к поджидавшей её сестре, пообещала регулярно принимать лекарства и сообщила, что уже написала дипломную работу, в июне будет защищаться. Пообещала, как придет, дать о себе знать и попросила до июня её не беспокоить. Иван Васильевич пообещал набраться терпения.

Остаток отпуска Иван Васильевич провёл дома. Много читал, бродил по живописным окрестностям города, и думал, думал, думал.

Надежда Васильевна уже знала, что в июне в городе опять будет Амина. И вот, приходит однажды в конце мая с работы Иван Васильевич, а на столе записка: «Я взяла отпуск и до осени меня не будет. Уехала к маме. Ты, пожалуйста, к сентябрю определись, как нам дальше жить. Больше так жить я не могу».

Опять бедный Иван Васильевич провёл бессонную ночь в тяжких раздумьях. Но как ему быть, решение на ум не приходило. И только утром, после короткого, минутного забытья он подскочил от внезапно возникшего прозрения: «Надя-то решение уже приняла! Всё! По - другому она уже не поступит!».

После этого своего прозрения Иван Васильевич даже успокоился. С лёгким сердцем он побрился, принял душ, попил кофе, и поехал в часть. А по прибытии сразу зашел к начальнику Управления, прямо у него в кабинете написал и отдал рапорт об увольнении.

Московское начальство велело его рапорту дать ход. Хоть и были они с начальником Управления в очень хороших отношениях, но о ситуации своего начальника отдела политработы он москвичам, очевидно, просигнализировал.

А тут и объявилась в городе его дорогая Амина. В первую же встречу она с грустинкой поведала Ивану Васильевичу, что на майские праздники к ним в деревню приезжал погостить брат её матери. Живёт он на Волге. Узнал дядя о жизни племянницы и предложил ей оставить своего тирана и ехать к нему. Пообещал подыскать и купить ей в частном секторе небольшой домик. В покупке примут участие её папа с мамой, и даже братья. Пообещал ей дядя найти и место в тамошней школе. Велел сразу после получения диплома забирать детей и ехать к нему.

- Я согласилась, - тихо сказала Амина и, прижавшись к плечу Ивана Васильевича, заглянула в его глаза.

- Я приеду туда же! – выпалил Шишка, - я подал рапорт и жду увольнения. Подвести черту под всем этим потребовала жена. Да и не могу же я жить в такой вот неопределённости бесконечно. Нельзя ж дожидаться, когда потянут в райком и поставят вопрос о соответствии занимаемой должности, а то ещё и партбилет отберут. Я же, чёрт возьми, политработник, коммунист. В общем, я всё решил. Будем с тобою вместе!

При этих его словах Амина легко отстранилась, на лице появился испуг, она набрала полную грудь воздуха и с широко открытыми глазами глухо выдавила:

- Нет, нет! Что вы! Что вы! Зачем? Как? – а переведя дыхание, через минуту уже тихо, робко продолжила, - дети! У меня же дети! Они любят меня! Я, я, я для них святая. Они ни кого не подпустят ко мне. Я без них не могу, не могу!...

Выливши из себя много раз передуманное, Амина умолкла, не слыша горячие слова успокоения, обнявшего её Ивана Васильевича.

- Нельзя, ну и ладно. Ладно. Поеду куда-нибудь в другое место. Здесь я больше жить не смогу. Куда ехать мне всё равно. Всё равно. Где-нибудь пристроюсь, - сказал Амине Иван Васильевич.

- Куда - нибудь!? Один!?. Как-нибудь!? - неожиданно твёрдо произнесла, отстраняясь Амина, - нет! Это невозможно! Как же один? Приезжайте! Я сообщу, где буду! Я, я должна вас видеть, слышать, знать всё про вас! Приедете, скажите, приедете? – взволнованно говорила Амина, с тревогой глядя в самую душу Ивана Васильевича.

- Да! Да! Раз позволяешь, приеду, обязательно приеду, как только уволюсь, - радостно говорил Иван Васильевич, держа своими ручищами за плечи Амину.

Последовало крепкое объятие, а через минуту эта счастливая парочка медленно брела по самой дальней дорожке парка, тихо о чем-то беседуя.

Во время коротких встреч Амина вела себя по-прежнему с большой осторожностью. Приходила к нему очень редко и только с наступлением темноты, задерживалась на несколько минут.

Когда защитилась, немедленно уехала домой собирать вещи, и ехать к дяде пока дома не объявился муж. Через своего брата он писал ей и просил прощения, клялся больше не пить и не трогать её даже мизинцем. Амина хоть и написала в милиции, что мужа простила и просит не привлекать к ответственности, но видеть его больше не могла. Он, сбжавши из деревни после того избиения, где-то работал. Присылал даже несколько раз домой деньги, о чём с радостью невестке докладывала его мать. Она постоянно просила Амину забыть всё, что было, обещала относиться к ней, как к своей родной дочери, воздействовать на сына. Но решение было принято, и Амина его не поменяла.

Ещё до увольнения Иван Васильевич выписался из квартиры. После получения приказа и скромных проводов в узком кругу, он собрал чемодан, упаковал в большой узел военную форму и бывший его водитель отвёз запасника полковника на вокзал. Взял Иван Васильевич из дому только своё самое необходимое, да справку из горисполкома о том, что сдал квартиру. В областном военкомате, куда он отправился на новое жительство, тогда дослуживал один его давний дружок фронтовик. Позвонил ему Иван Васильевич, поведал о своих обстоятельствах. Товарищ ответил, что в областном центре получить жильё очень трудно - большая очередь. А в районе это решить проще, тем более что Иван Васильевич согласен на однокомнатную и не претендует на дополнительные положенные полковнику десять квадратов.

С первого дня приезда к новому месту жительства Иван Васильевич пошел работать преподавателем истории в техникум. Половину своего выходного пособия он оставил Надежде Васильевне. Пообещал ей запиской постоянно по мере

возможности помогать. Написал, что каждый месяц будет посылать и дочери студентке в Ленинград. Пока жил на съёмной квартире, приходилось напрягаться, экономить на всём. Очень в его помощи нуждалась и Амина. Особенно нуждалась она в первое время, когда обживала свой домишко. Здорово ей, конечно, помогал дядя, но нужна была и помощь Ивана Васильевича. Без стажа, без надлежащего опыта и малого количества часов, в школе Амина получала копейки. Возле её домика был небольшой участочек, и они с сыновьями сразу же приступили его облагораживать. А весной посадили грядки, завели кое – какую живность и стали неплохо сводить концы с концами. В старом домике Амине без мужских рук было трудновато. Иван Васильевич мог бы ей в этом помогать. Но Амина ему категорически запретила появляться в её доме. Она не хотела, что бы про него, про их отношения знали уже подраставшие дети.

Глава V

1

Оказавшись за штатом, первым делом Антон решил сразу взять отпуск. Была середина августа. Лена только три месяца работала на новом месте. На работу к себе её взял бывший заворготделом ГК ВЛКСМ, сейчас работавший замом председателя горисполкома. Брать с собой детей не было смысла, к тому ж они ещё были в летнем пионерском лагере. Год назад Иван Васильевич написал Антону, что уволен в запас. Обещал сообщить адрес нового места жительства, как только получит жильё. Целый год от него не было ни каких вестей и вот в июле старый вояка дал о себе знать. Написал, что получил, наконец, квартиру, обустраивается. Городок, где бросил якорь Ивван Васильевич, был по маршруту его пути на родину.

«Раз еду в отпуск один, надо, - решил Антон, - навестить Ивана Васильевича. С момента его перевода на новое место службы

они не то чтобы видеться, ни разу не поговорили даже по телефону. Из одного ЗАТО в другое попасть или позвонить в те времена возможности не было ни какой. Секретность. О всех своих делах Антон старался подробно извещать Ивана Васильевича. Но письма и открытки живого общения не заменяли. И это его очень тяготило.

Сначала Антон решил навестить родителей Лены, потом самолетом лететь на родину, а в обратный путь поехать поездом и сделать на денек остановку у Ивана Васильевича.

Город пенсионеров, как называли его местные жители, встретил Антона тишиной, спокойной размеренной жизнью. Широкая, аккуратная улочка, на которой стоял дом Ивановича Васильевича, утопал в зелени. Высокие раскидистые, до метра в диаметре тополя, шарообразные кусты сирени и черёмухи скрывали от глаз здания и всякого рода уличные сооружения.

На звонок в квартиру Ивана Васильевича ни кто не отозвался. Когда Антон повторил звонок, открылась дверь соседней квартиры и высунувшаяся аккуратно причёсанная седая головка старушки поведала ему, что Иван Васильевич сейчас на работе, но скоро придёт.

Антон спустился по крашеным ступеням лестницы в низ и стал прохаживаться по узенькому, местами разрушенному тротуару во дворе. Увидел хлебный магазин в торце соседнего дома, решил заглянуть, вдруг там есть торт. Когда Антон взошел на небольшое крылечко и готов был потянуть на себя ручку двери, как та со скрипом пружины для закрывания открылась, и на пороге появился сам Иван Васильевич. В правой руке он держал желтый пузатый портфель, левой рукой придерживая дверь, метнулся в сторону, пытаясь обойти встречного. Но шедший ему навстречу человек неожиданно преградил ему дорогу. Иван Васильевич резко поднял голову и замер:

- Антон?! - выкрикнул он, - господи! Откуда ты дорогой взялся? Приехал навестить старика! Надо же! Приехал, - тараторил Иван

Васильевич, обхватив левой рукой за талию Антона, и увлекая его вниз по ступенькам.

- Вот, возвращаюсь из отпуска, решил завернуть к вам на Волгу. Честно скажу – очень по вам соскучился. Как только вы уехали, скучно стало у нас там. Некому поплакаться в жилетку, не с кем по- настоящему поделиться наболевшим, - подхватил Антон, как только закончил свою триаду Иван Васильевич.

- Вот и правильно сделал, вот и хорошо! Ты там скучаешь, а знал бы как тут мне. Однако, вижу, ты брат возмужал, возмужал, пополнел. Хилый некогда мальчонка превратился в крепкого солидного мужика. Ну, да ладно. Пошли сейчас домой, с дороги умоешься, и будем обедать.

2

Вошли во двор дома Ивана Васильевича и Антон сказал:

- Я, Иван Васильевич, завернул к вам только повидаться, только поведать. На денёк.

Шишка, при этих его словах остановился. Густые седеющие брови на его лбу сомкнулись, лицо посерело. С минуту помолчав, Иван Васильевич вымолвил:

- Антоша, если имеешь возможность, Христом богом прошу, задержись на пару тройку - деньков. Задержись, если можешь.

Ожидая ответа, он, привычно наклонил на бок голову, своими прищуренными серыми глазками пристально уставился на Антона. Этот взгляд и просьбу в такой форме Антон хорошо знал. Он ни когда не мог возразить на любые просьбы Ивана Васильевич, а высказанную им просьбу таким вот образом, тем более. И, не задумываясь, выпалил:

- Ладно, ладно! Задержусь, немножко задержусь...

- Вот это другое, брат, дело. Ну, пошли, пошли, - опять затараторил Иван Васильевич, бойко шагая к своему подъезду.

- Вот тут я и обитаю, это и есть моё пристанище, - бормотал Иван Васильевич, отпирая входную дверь.

Повесив в небольшом коридорчике свою лёгкую летнюю куртку, Антон прошел в комнату и присел на диван. Иван Васильевич, сказавши: «Ты проходи в ванную, умывайся, потом посиди минутку, отдохни, а я сейчас», - метнулся на кухню.

Ещё строителями отделанная комната, и скромная мебель однокомнатной квартиры, вызвали недоумение у Антона. «Как же так? Почему полковник, участник войны получил только однокомнатную? – размышлял он, - я согласился погостить денек-другой, а где же тут спать? Может, пока не поздно, сходить и остановиться в гостинице?»

Тревожные его мысли прервал вошедший в комнату Иван Васильевич:

- Ну, что? Ознакомился с моими хоромами? Удивлён, что я так живу? Это понятно. Только неделю как переехал, помаленьку обживаюсь. Постепенно приведу всё в порядок, поменяю мебель, а пока вот только так. Ну, ладно, пошли на кухню, сейчас закипит чайник, отобедаем, а я по ходу подробно расскажу тебе о своём житье - бытье. Пошли.

Придвинутый на кухне к стене стол-книжка, был скромно Иваном Васильевичем сервирован. Мужчины уселись напротив друг – друга, хозяин открыл стоявшую в центре стола уже начатую бутылку вина и наполнил две небольшие чайные чашки.

- Извини, дорогой, - ни мебелью, ни надлежащей посудой пока по-настоящему не обзавёлся. Давай вот выпьем винца за нашу встречу, а потом я и расскажу тебе о своей жизни. Я же вижу на твоём лице сплошные вопросы. Вижу. Ну, что? За встречу? – предложил Шишка, чокаясь с Антоном.

- И за хозяина, - ответил гость.

Выпитое вино стали закусывать, нарезанной тонкими колечками вкусной колбасой, салатом из свежих помидоров и огурцов, разогретой жареной картошкой.

Когда расправились с картошкой и салатом, Иван Васильевич убрал в мойку тарелки и стал разливать чай. Наполнив и заварив чайные чашки, Иван Васильевич продолжил:

- На старости лет, Антоша, совершенно случайно познакомился я с очень красивой, доброй, молодой женщиной. И представляешь, по уши влюбился. Я был женат, она замужем с двумя детьми, а вот, поди ж ты. Как ни боролся со своими чувствами я, как ни старалась сдерживать наши отношения она, ни чего у нас не получилось. Сбежала с детьми от мужа она, уволился со службы и оставил Надю я.

Отставив в сторону нетронутый чай, Иван Васильевич развернулся боком к столу и своему гостю, локтем левой руки опёрся на краешек стола и стал рассказывать историю своей не простой любви.

3

Когда Иван Васильевич закончил свой, как показалось Антону, тяжелый для него рассказ, он развернулся к столу, положил на него, скрестив руки и сказал, глядя прямо в глаза Антону:

- Вот ты, брат, и выслушал мою стариковскую исповедь. Скажи честно, осуждаешь? Только честно! Ты через день – другой уедешь, а я останусь тут опять один со своими мыслями. Пойми, мне это во как нужно.

При последних своих словах он, для выразительности сказанного, ладонью руки провёл по своей шее.

- Нет, дорогой Иван Васильевич! Нет! Ни сколько не осуждаю. Честно! – оживившись, сказал Антон, глядя в напряженные глаза Ивана Васильевича.

Антон на какое-то время замолчал, а потом продолжил:

- Я вот что хочу по этому поводу ещё сказать. Каждому человеку в юности, или в зрелом возрасте, но однажды обязательно приходит настоящее, очень глубокое чувство.

Приходит оно не по желанию. Его, очевидно, рождает сама душа человека. Потому человек становится рабом этих чувств. Он безволен их заглушить, выбросить из головы, из сердца, которым любил. Вся история человечества изобилует примерами, как мужчины и женщины разных сословий и иерархических ступеней добивались признания или возможности быть с любимым человеком. Сколько мы знаем трагедий из-за любви! Правда, не всякий человек способен на такие глубокие, искренние чувства. Не всякий и, невзирая ни на что, за свою любовь борется, отдаёт всё, что имеет. В народе любовь считают за счастье, с нею поздравляют, её близким людям желают. Правда, счастье это, доставляет по жизни людям и кучу проблем! Не зря говорят в народе «любовь зла...». Приходит-то чувство у каждого в разное время! У иного человека, скажем, оно пришло в двадцать, в сорок, а у другого и того позже. Не знаю, прав я или нет, но вот что я скажу вам ещё. Всех нас мужчин постоянно окружают сотни и сотни красивых, добрых, порядочных женщин. И нормальному мужчине должны нравиться все красивые и хорошенькие женщины. А где разница – граница между нравится и любит? По-моему, однозначно, правильно для всех нас, ответить на этот вопрос не возможно. Тут она вся человеческая судьба со всеми её сложностями, радостями и бедами. Если не любил, откуда знает человек что это такое? Живёт нормальный мужик, как все должен жениться. Выбрал понравившуюся, а потом бац! Проснулось, полоснуло, вспыхнуло в душе. Звонко застучало сердце, вскружилась голова, потерял покой по другой. Это может быть девушка или женщина вовсе и не красивее его жены, не образованнее, с более низкими нравственными установками. Его друзья и родственники, как только могут, советуют опомниться, втолковывают неправильность действий. Ему, в конце – концов, жалко детей, но он всё равно уходит к той, которая запала в душу. Он ни чего с собой поделат не может. Таким образом, жизненные ситуации, подобные вашей – явление объективное, очень и очень частое в нашей жизни. Так что какое ж тут может быть осуждение? Я лично, осуждаю тех мужиков, которые в подобных ситуациях от жены, с которой прожил годы и годы, от собственных детишек начинает тянуть тряпки и всякую

домашнюю утварь. Идут в суд, чтобы тётя судья разделила квартиру и даже домашний скраб. А вы, я вижу, поступили как настоящий мужчина, достойно. Вот и всё.

Иван Васильевич, подперев голову обеими руками, закрыв глаза, всё это время внимательно слушал Антона. Казалось, в какое-то время он перестал даже дышать. Высказавшись, замолчал и Антон, развернувшись боком к столу. В затянувшемся молчании он переживал, не зная, как среагирует его бывший начальник, на такой его ответ.

- Спасибо Антоша. Спасибо, - тихо произнёс Иван Васильевич, опустив обе руки на свои колени и глядя прямо в глаза Антону, - вот, кажется, говорил ты сейчас самые прописные, известные и мне и всем истины. А как ты меня просветил! Как просветил и успокоил мою душу грешную. Сколько я передумал всякого, а навести в себе спокойствие, так до сей поры и не смог. Ну что ж. Поговорили. Чай наш давно остыл, включить ещё раз чайник? – спросил Иван Васильевич.

- Если вы хотите, согрейте, а я допью этот остывший, - ответил Антон.

- Кстати, Антоша, из дому я взял только свою одежду и обувь. Жене оставил всё. Дочери, она скоро заканчивает институт в Ленинграде, как посылал, так и посылаю. По возможности посылаю и Наде. Потому вот так скромно и живу.

Мужчины быстро осушили свои чайные чашки. Иван Васильевич бойко подскочил и принялся убирать со стола. «Что будем делать дальше? Посидим маленько, потолкуем, да и на покой? Ты же с дороги, устал, наверное. А хочешь, пошли перед сном прогуляемся? Я почти каждый день перед сном немного гуляю», - предложил гостю Иван Васильевич. Антон согласился погулять и тут же сказал:

- Иван Васильевич, я тут вижу у вас не просто с ночёвкой, может мне пойти переночевать в гостинице?

- Ах, вон оно что! А я то думаю, чего это он всё озирается по углам. Вон оно что! При этом он взял Антона под руку, подвёл к балконной двери и, показывая на прикрытую брезентом кучу вещей на балконе, сказал: «Вон там лежит раскладушка с матрасом и подушками. Скоро должен уволиться, служивший в Германии сын, опообещал заехать, так я всё это на время попросил у нашего завхоза. Переночуешь самым наилучшим образом. Не бойсь. А теперича идём гулять».

4

Долго в ту ночь не мог уснуть Антон. Сначала минувший день насыщенный новым, неожиданным и так быстро на него свалившимся, будоражил его сознание. Под тихое посапывание уснувшего Ивана Васильевича, в сознание ворвался бурный поток дум. Он долго думал о том, стоило ли беспокоить этого доброго гостеприимного своего старого наставника-учителя. И у него тут же возникал ответ - если бы знал нелёгкую судьбину старого вояки, то ни когда бы не позволил себе беспокоить, вторгаться в эту его тихую необычную заводь. Не давала покоя и мысль о том, не наговорил ли он глупостей, пытаясь успокоить старика. "Да, ответил я старому как-то по книжному». Но тут же в сознание явилось и другое: «По книжному, не по книжному, но сказал то, что думал. Искренне".

Неожиданно в дверь квартиры тихо постучали. Иван Васильевич, насторожившись, перестал посапывать, скрипнул диваном. Через минуту стук в дверь повторился. На сей раз хозяин резко соскочил с дивана, босыми ногами прошлёпал в прихожую, тихо открыл дверь, кого-то впустил и стал тихо, шепотом что-то говорить вошедшему. О чём говорили Иван Васильевич и его поздний гость слышно не было. Но вот дверь, тихонько скрипнув, снова отворилась, снова послышался шепот говоривших, а потом до слуха донеслось более громко сказанное Иваном Васильевичем: "Не выдумывай! Сказал, приходи и приходи! Он парень свой в доску. Поняла?"

Понял и Антон, кто в этот полночный час посетил старика и, не шевелясь, продолжил "крепко спать".

Иван Васильевич, тем временем, тихонько запер дверь, прошлёпал на кухню, звякнул чайником, наливая воды в чашку, с глубоким вздохом выпил воду, подошел к дивану, скрипнув его пружинами, лёг.

5

По причине ночной бессонницы проснулся Антон не как обычно в шесть, а только тогда, когда уже высокое солнце, из-за роскошного тополя тронуло своим лучом его лицо. Не сразу сообразив, где находится, он резко подскочил, больно прижавши бедро о край прогнувшейся раскладушки. Оглядел комнату и понял, где он. Хозяин давно поднялся и, желая дать выспаться гостю, тихонько хозяйничал на кухне.

-Доброе утро! Как спалось? - услышал Антон, как только поднялся и принялся сворачивать свои постельные принадлежности.

- Поспал отлично, даже проспал своё обычное время подъёма, - ответил Антон.

- Умывайся и будем пить чай, - я через полчаса сбегая не на долго на работу, а потом продолжим наше приятное общение.

- А я в это время схожу на вокзал и закомпостирую свой билет, сказал Антон.

Когда мужчины позавтракали по-флотски приготовленными макаронами с сосисками и вышли на улицу, Иван Васильевич рассказал Антону как лучше пройти на вокзал, и стал просить не уезжать хотя бы сегодня.

Отстояв небольшую очередь, Антон подал в окошко кассирше свой билет и попросил закомпостировать его на завтра на утренний. Когда он вернулся и позвонил в квартиру, за дверью послышался шум, потом дверь быстро открылась и на пороге со строгим выражением лица объявился Иван Васильевич.

- Проходи, - сказал он, - мы тебя уже ждём. Немножко, правда, не успели прибраться, но ты, я думаю, нас за это не осудишь.

Догадавшись кто у Ивана Васильевича, не глядя по сторонам, Антон медленно развязал шнурки ботинок, пригладил волосы, поправил ворот летней рубашки и последовал за хозяином в комнату.

- Знакомьтесь, - произнёс Иван Васильевич и своими серыми мудрыми, слегка прищуренными глазками заглянул в самую душу Антона, - это Амина, а это Антон.

Быстро поднялась с дивана, кивнула головкой, представляясь, молодая женщина. Её фигурка являла собой произведение искусства, выточенное умелыми руками мастера. Разрумяненное красивое личико с ярким пучком красивых губ было тревожно настороженным.

Чтобы снять напряжение момента, разведя в стороны руки, улыбаясь, Антон произнёс:

- Ивану Васильевичу, от имени всех его бывших однополчан выговор за то, что столько времени скрывал от всех нас такую королеву.

Ещё более зарумянившись, растерянно улыбаясь, Амина произнесла:

- В восемь пришли с сыновьями в школу. У меня сегодня две пары во вторую смену. Хотела поработать с тетрадками, а Иван Васильевич как солдату приказал мне идти сюда. Вы уж извините, я не одета, не собиралась в гости. Раз уж я тут оказалась, давайте я приготовлю вам обед?

- Да, да, - спохватившись, поддакнул Иван Васильевич, - ты похозяйничай, пожалуйста, а я быстренько сбегаю...

- Вместе сбегаем, - вставил, направляясь к выходу Антон.

- Да, сбегаем, купим кое-чего, - продолжил Иван Васильевич, снимая с крючка тряпошную вместительную сумку.

Когда мужчины вышли на улицу и через дворы направились в магазин, у детской площадки Иван Васильевич остановился, отойдя в сторону с дорожки, протоптанной через двор напрямки, сказал:

- Ну как?

Прикинувшись, что не понял вопроса, Антон ответил:

- Что как?

- Чё, чё! Ну, как тебе Амина-то?

- А как она может быть мне? Если бы не была она вашей подругой, а я был бы холостяком и встретила она мне, не надо было бы и спрашивать, - шуткой ответил Антон.

- Ну, теперича, вроде, понял, - сказал Иван Васильевич и пошёл дальше.

- А если поподробнее, то, причём тут я или кто-то другой? Вы друг - другу нравитесь? Вам вместе хорошо? Ну и живите, устраивайте вашу жизнь так, как вам нравится. Вы живёте свою, не мою и ни чью-то другую жизнь. И ваши отношения касаются только вас двоих. И точка! Мой дорогой Иван Васильевич, успокойтесь, наконец! Что с вами происходит? За сутки пребывания здесь у вас, я не услышал от вас ни одного анекдота, ни одной истории. Вы ли это? К кому я приехал-то? А?

- Тут брат не до анекдотиков, не до историй. Сам ведь видишь что со мною-то приключилось. Тебе-то что. Приедешь из отпуска, дома жена дети. Кстати, извини, я даже не спросил как она твоя ненаглядная? Работает, учёбу не продолжила?

- Работает. Попросил я когда-то ребят из горкома комсомола помочь устроить её. Взяли сначала временно вместо ушедшей в декретный отпуск одной девчонки. А потом узнали её и кидали с одного завода на другой вытаскивать запущенные дела. А сейчас

работает в горисполкоме. Туда на руководящую ушел один бывший наш комсомолец, и потащил её за собой. Сидит у него в приёмной. Работа рядом с домом, тишина, покой. В общем, всё у Лены нормально. Дети растут, учатся. Квартира теперь у нас отличная, жаловаться не на что, - поведал Антон.

В небольшом магазинчике мужчины быстро отоварились и поспешили домой.

Когда они свернули во дворы и направились в обратный путь, Иван Васильевич вдруг сказал:

- Понимаешь, Антон, я, да и вся тут проживающая братия, ругаем как только можем Горбачёва и особенно Ельцина за эту навязанную нам перестройку, за развал страны, за повсеместную растащилровку. Но в магазинах-то всё появилось! Негде заработать, маленькие пенсии, но получил её, иди и всё что тебе надо бери! Вот только это, я думаю, и спасёт наших перестройщиков и демократов от возмущения народа. Бывшие недавно пустыми прилавки магазинов - наиглавнейший аргумент у нынешних правителей. Только на этом они, окаянные, и держатся. Народ, ведь, понимает, что поверни всё назад и будет голодуха. Запад, а всем им руководит же Америка, перекроет нам в одночасье поставки ножек Буша и всякого барахла, что хлынуло к нам сегодня, и всё.

- Да, согласен, - сказал Антон, - это аргумент наиглавнейший. Благополучие людей - главное, на чём держатся и из-за чего утверждались и слетали любые режимы. Гитлер с Геббельсом вон как одурманили такую нацию, такую страну, с такой культурой! Запросто свели с ума только подачкой масла. А мы, имея мощную экономику, такие природные богатства, леса, земли, таких терпеливых, готовых ждать десятилетия обещанных благ людей, не смогли сносно накормить народ, - потому и слетели наши вожди коммунисты.

- Через пустые прилавки - вставил Иван Васильевич.

- Ну как тут спорить с капитализмом? Чем доказывать преимущество социализма, если капиталисты в решении всех

социальных проблем в своих странах ушли от нас на десятилетия вперёд? Они лучше нас решили все потребности людей. Выходит, ведь, что на Западе дальше нас ушли и в строительстве социализма. Мы страну свою называли социалистической, но она была голодной, отсталой, с нерешённой социалкой. Вот и весь спор на тему, как жить дальше. Вы сказали, что народ ругает наших горе перестройщиков за бардак. Весь народ в стране ругает демократию. А что такое демократия? Тут у нас немножко неправильное понятие демократии. Правильно мы с вами когда-то на политзанятиях внушали нашим солдатикам, что капитализм жесток по отношению к простым людям, не справедлив. Это так и есть. То, что у них на западе более высокий уровень жизни, больше порядка, более развитая экономика, это ж ещё не демократия. У нас по конституции, по нашим законам демократии-то как раз было больше. А во все века, и в ходе революции семнадцатого года народ, и тогда и сейчас хотел, бился тогда, и хочет сейчас устройства его жизни по справедливости! Без справедливости, ни в каком обществе не может быть настоящей демократии. У нас в социалистической стране было всё устроено с виду по справедливости. А правду о революции, о том, как она вершилась и как устанавливалась советская власть, о действиях вождей в ходе революции и Гражданской войны прятали от народа в закрытых архивах и спецфондах, – продолжил Антон.

- Ленин сразу опубликовал все царские указы, - опять вставил Иван Васильевич.

– Да. Царские указы опубликовал и не только указы. Я, например, в библиотеке института читал книгу «Дневник белогвардейца». Написал её бывший военный министр Колчака барон Алексей Будберг, а издана эта книжка была, как выдумаете, где? В двадцать третьем году в Ленинграде! Но потом многие неудобные приказы самого же Ленина, которого надо было для утверждения своей власти сделать богом, спрятали. Как и книжку барона Будберга. А сведения о результатах коллективизации, репрессий?! Потому и лопнул наш социализм, как мыльный пузырь, без единого выстрела, тихо,

мирно испустил дух. Лопнул ещё и потому, что опирался во многом на ложь! Так ведь?

- Да, - с грустинкой в голосе поддержал Антона Иван Васильевич, - говорили мы о том, что благо человека - главнейшая задача партии, а довели страну до голода. Зубной пасты, табака в последние годы не было. Дошло до того, что всё это надо было доставать. Это так. Всему миру помогали, всему миру! Всех обездоленных кормили, вооружали, учили, показывали какие мы богатые и щедрые, а свой народ жил в нищете. Это правда. Но от правителей нынешних правды, я думаю, мы не дождёмся.

- Это тоже правда, - протянул Антон, немного подумал и продолжил, - нечестность правителей, бардак у нас будет долго. Нынешние дни, это как бы медовые годы. Мы пока радуемся свободе слова, множеству товаров в магазинах, свободе предпринимательства, которое началось у нас с узлов барахла с демократического и сытого запада. Но настоящей демократией у нас пока и не пахнет. Хорошая жизнь сама по себе не наступает. Всё хорошее, что есть за бугром, добыто людьми в борьбе стачками, забастовками и прочими формами. А наш народ к таковой борьбе не привык. Мы привыкли ждать подачки, а её капиталисты и их ставленники у власти так просто не дают. Наши власти без конца щебечут о выращивании мелкого бизнеса и необходимости зарождения среднего класса. А поди ты на практике займись этим самым мелким. Пока получается только у всякого рода жулья. Нормальных то коммерсантов пока нет, и долго не будет. Вот сокращают у нас офицеров и прапорщиков. И куда подаются те, у кого ещё нет пенсии? В разного рода сторожа. А это ж здоровые, образованные, в большинстве порядочные мужики. Высказав это, Антон умолк, сник. Ведь и у него самого впереди была неизвестность. Понял причину в перемене настроения Антона и Иван Васильевич и сказал:

Ну, да ладно. Леший с ней с этой политикой, давай поговорим о чем-нибудь другом.

- Если о женщинах, - разговора не получится. Меня дома ждёт Лена, я по ней уже соскучился. У вас в доме тоже красавица. О чём ещё говорить?

Иван Васильевич на это ухмыльнулся и открыл дверь подъезда.

7

Амина быстро разобрала принесенное, начала спешно накрывать на стол. Иван Васильевич, открыл бутылку шведской водки и стал наполнять две чайные чашки.

- А почему только две? - спросил Антон.

- Она спиртное в рот не берёт. Ей Аллах запрещает, - лукаво улыбаясь, шуткой ответил Иван Васильевич.

Зардевшаяся Амина моментально при этих его словах, тихо пропела:

- Аллах тут ни при чём. Все у нас в бога верят, а водку пьют, как и у вас. Я просто не пью и всё.

- Она хочет, чтобы нам больше досталось, - опять пошутил Иван Васильевич.

- За приятнейшее знакомство, - сказал Антон, поднимая чашку.

- Ну, что ж, за знакомство так за знакомство, - поддержал его хозяин, - кстати, она до сих пор меня ни с кем из своих близких не познакомила. Ни с проживающим здесь дядей, ни с навещавшей её своей мамой, я уж не говорю о детях. Не знакомит и всё. Вот ты, Антон мне мои мозги немножко прочистил, поработал бы и с ней. Только, конечно, при мне, а то чем чёрт не шутит.

Амина бросила на него короткий укоризненный взгляд и опустила глаза в тарелку. Когда Иван Васильевич опять налил, как он выразился, "по чуть-чуть", Антон, поднимая чашу, произнёс:

- Приеду домой и с первой же полочки начну откладывать на свадебный подарок. Надеюсь, пригласите? Я хочу выпить за вас и за то, чтобы мой следующий тост в самое ближайшее время был "за молодоженов", а все гости тут же дружно закричали, я им обязательно буду дирижировать, "горько!"

Амина при этих его словах перестала есть, по-прежнему держа в руке вилку, не зная, что с нею делать. Не обращая внимания на её растерянность, Иван Васильевич подхватил:

-Во-во! Если хочешь погулять на свадьбе, поработай с нею, поработай. Покажи, на что способны политработники. Я, кажется, в этом уже устарел, не хватает у меня аргументов, чтобы переубедить её. И главное, ведь, её вера разрешает столетним старикам жениться даже на девочках школьного возраста. Украл и женился.

- Наша вера тут ни причём, - опять вставила Амина, - не достойна я иметь такого мужа. Иван Васильевич очень хороший человек, я до конца дней моих буду ему благодарна за его заботу о нас и помощь. Но чтобы жениться... С нами ему будет не хорошо. Зачем ему с сыном и дочерью из-за меня ссориться? Разве это правильно? - осмелевши, сказала Амина и кротко глянула на Антона.

- Я говорил Ивану Васильевичу, позволю себе сказать и вам - живите, так как вам нравится, как вы хотите. Другим, даже самым близким, до этого дела нет. Если кто-то по-настоящему хочет вам добра, то должны помогать вам, чтобы вы могли устроить вашу жизнь так, как вам хорошо. Вот и всё.

Иван Васильевич после этих слов Антона, перевёл разговор на другую тему.

Закончив обед, мужчины вышли на балкон подышать. Амина убрала со стола, вымыла посуду и ушла на работу.

-Её дети летом были в пионерлагере, мы могли бы давно жить у неё. Так нет и всё. Я снимал комнату у одного преподавателя нашего техникума. Нам вот только теперь есть где по

человечески встретиться. Даже не знаю, как у нас будет дальше? Не представляю.

И в это самое время на журнальном столике у дивана резко зазвонил телефон. Иван Васильевич метнулся к аппарату. Из обрывков фраз: «Здравствуй сынок, что ни-будь придумаем, когда встречать» Антон понял, что звонит сын. Когда отец и сын закончили разговаривать и на кухню зашел встревоженный хозяин, Антон спросил: «Что-то случилось?» Иван Васильевич поднял на него потухшие глаза и тихо промолвил: «Да. Случилось Антоша, Случилось. В общем – то ни чего страшного, но, но, но. Сократили и уже уволили сына. Служил технарём в танковой части в Германии. Вывели на Урал. Технику на хранение, солдат по частям. А офицеров всех уволили. Срочно решает, пока есть деньжата, куда ехать. Можно бы к матери, но туда месяца три надо оформлять пропуск. Сам знаешь. Да и работу там сейчас не найти ни ему, ни жене. Решили вот сейчас, что приедут семьёй сюда. Да ладно. Что ни - будь придумаем. Не такое бывало» - махнув рукой, закончил Иван Васильевич.

Поболтав ещё часок о житье-бытье, мужчины вышли на улицу. Проходя мимо остановки автобуса, Иван Васильевич подошел к её будке оклеенной объявлениями, стал их просматривать, отрывая ленточки с телефонами и адресами у некоторых.

После шести мужчины оказались у старинного здания школы и, прохаживаясь взад-вперёд, стали поджидать Амину. А когда та появилась с сумкой набитой тетрадками, Иван Васильевич с ходу ей поведал: «А я опять бездомный».

- Как, почему? – удивилась Амина.

И Иван Васильевич поведал ей о звонке сына. Вот опять хожу читаю объявления. Буду снимать себе, а может снимем для сына. Их четверо, надо бы хоть двухкомнатную. Амина вдруг остановилась, бросила быстрый взгляд на Антона, потом снизу вверх уставилась в глаза Ивана Васильевича и решительно твёрдо сказала: «Нет! Не надо вам искать жильё. Хватит. Жить будете у меня. Я дура всё скрывала, таилась, а оказывается вся школа давно всё знает. А значит, знают и дети. Я давно об этом

догадывалась по их поведению. У нас в учительской окна во двор. Сижу сейчас, проверяю вот эти тетради. Заходит одна наша учительница и говорит: Что ж ты здесь сидишь? Иди. Там твой полковник с каким-то мужчиной по улице вышагивают. Тебя ж дожидаются. Так что хватит играть в прятки. Всё».

Иван Васильевич молча выдержал строгий, но тёплый взгляд Амины, отобрал у неё тяжелую сумку с тетрадями, взял её под руку и, увлекая продолжить путь, тихо и спокойно сказал: «Я знал, что ты так в этой ситуации решишь», - глянул на Антона и замолчал. Некоторое время шли молча. Потом Амина сказала:

- У меня сегодня очень много работы. Вы проводите меня и на сегодня прощаемся. Впереди выходные, мы перевезём вас ко мне, подготовим вашу квартиру к встрече семьи сына.

Проводив Амину, Иван Васильевич и Антон ещё немного побродили по вечерним улочкам городка и направились домой. «У нас там осталось, сейчас сделаем ужин и как следует вспыснем, раз так складываются дела» - сказал повеселевший Иван Васильевич.

За ужином, когда Иван Васильевич наполнил чайные чашки «абсолютом» Антон поздравил Ивана Васильевича с наступающей у него новой жизнью. От души пожелал новой его семье счастья и любви. А когда закусывал выпитую до дна водку, про себя подумал: «У моего шефа наступает настоящий медовый месяц. Может об этом сказать следующим тостом?»

Подкрепившись как следует, мужчины часик погутарили и легли отдыхать. Рано утром следующего дня Антон уехал домой, вернее, как он сказал Ивану Васильевичу при прощании «в свою неизвестность».

Глава VI

1

В купе старого скрипучего вагона в попутчиках у Антона оказался лет тридцати начальник колонны с автобазы ихнего УАТ. Автобаза Сергея располагалась рядом с воинской частью Антона.

С Сергеем, которого наш отпускник раньше только видел, они быстро познакомились, у них нашлись общие темы разговоров, чем и были заняты большую часть времени в пути. О чём бы не заходил их разговор он, в конце - концов, переходил на тему работы стройки в нелёгкие для неё времена. «Ремонтом машин, доставанием запчастей, подбором водителей и организацией их работы я больше не занимаюсь. Все машины, какие можно, списываем, часть новых машин даже продали на сторону. Занимаемся по большей части поиском заказов на перевозки. Процентом двадцать машин автобазы уже работает у кооператоров, у торговцев, берёмся даже за перевозку личных вещей граждан», - рассказывал Сергей.

Антон и сам знал о проблемах строителей в условиях сокращения объёмов работ, но слушал собеседника внимательно, размышляя, при этом, о проблемах в частях.

Вот за окном показались окраины областного центра, куда прибывал поезд и грустные мысли Антона сами - собой ушли на второй план. Предстояла встреча с семейством.

Пришедшие со школы дети облепили Антона, шумели, радуясь привезенным папой подаркам, наперебой рассказывали ему о своих делах.

Прибежавшая с работы пораньше уставшая Лена жаловалась на загруженность в работе, на вечные недовольства посетителей. В их маленьком ЗАТО и горисполком был невелик штатами. Потому заместитель председателя горсовета вёл и все дела связанные с жилым фондом городка. А в обязанности Лены входило ведение всех бумаг по выдаче ордеров, очень хлопотные и юридически не простые дела. Но она уже во все тонкости своей работы вникла и тащила весь этот не лёгкий воз успешно.

Наутро следующего дня Антон позвонил начальнику отдела кадров. Тот сказал ему, что он пока может спокойно гулять заштатником. Ни каких приказов ещё нет.

Поболтавшись без дела дней пять, решил Антон подыскивать работу. Все офицеры и прапорщики заштатники понемногу подрабатывали, а кадровики старались не замечать этого. В их городе от Университета и институтов областного центра работали подготовительные курсы. Антон и решил поработать там преподавателем. Платили ему там хорошо. Днями просиживал в библиотеке, готовясь к занятиям, а вечерами допоздна читал будущим студентам лекции. Все ученики двух групп слушателей в учёбе были очень заинтересованы, работать с ними было интересно.

В соседнем классе вёл занятия по физике и математике молодой преподаватель одного из ВУЗов областного центра. В своём институте Сергей имел очень мало часов, и нужда тоже привела его на подготовительные курсы. На выходе была его кандидатская, надо было готовиться к её защите, но безденежье вынудило отодвинуть защиту и заняться подработкой. Как-то незаметно Антон и Сергей сблизились, стали много общаться, даже заходить друг к другу на чашку чая.

3

И вот однажды утром домой к Антону является взволнованный Сергей. С порога начал он излагать Антону идею крупно заработать. Приятель рассказал, что накануне, прочтя лекцию в своём политехе, он проехал на завод радиодеталей, с которым тесно сотрудничал, работая над своей диссертацией. Там же он пробивал и изготовление опытного образца разработанного им прибора для энергетиков. Проходя вчера по одному из цехов, увидел огромную кучу бракованных деталей, которые приготовили к вывозу на свалку. Завод несколько лет выполнял заказы для оборнки. Требования к качеству этих радиодеталей военные предъявляли очень жесткие. Размеры деталей, длины их контактов для пайки в приборы точными должны быть до нескольких микрон. Девяносто процентов брака, списанных транзисторов и было из-за длины этих самых контактов. В прежние времена забракованные детали из-за длины контактов

заводчане накапливали, поправляли размер и снова предъявляли заказчику. А сейчас на заводе оборонного заказа нет, накопленный брак дорабатывать не имело смысла, и решили всё накопленное добро отправить на свалку. «Давай заберём эту кучу, промаркируем и продадим гражданским заводам, на которых пайка деталей ведётся вручную и не значительные отклонения от размеров для них ни какого значения не имеет. Мы на этом можем очень хорошо заработать! Не найдём покупателей на детали, сдадим их как металлолом, это ж цветной металл», - закончил своё повествование Сергей.

Внимательно выслушав приятеля, с минуту подумав, Антон сказал:

- В принципе я за, но где и как мы будем дорабатывать эти детали? Нужно ж какое-то оборудование, помещение, специалисты знакомые с этой работой.

- Да, ты прав, - выпалил Сергей, - но главное детали нужно срочно вывезти, пока не выбросили. Куда, на чём везти, надо подумать. А доработка пустяки. Завод сам спроектировал и сделал несколько станков для этой доработки. Они у них сейчас простаивают и не нужны. Может даже продадут по стоимости металлолома. Кому дорабатывать – найдём. У них же на заводе идут сокращения, некоторые цеха работают уже в одну смену и по сокращённой неделе. Много женщин на этот завод ездит на работу из нашего города. Здесь же им работы нет. Поищем работниц из числа этих девочек. Думаю, найдём. А не найдём из заводских, так возьмём других, а я научу. Там ни чего сложного нет.

- Тогда ладно. Транспорт для вывоза я найду, охраняемое помещение тоже, - протянул, задумавшись Антон.

- Поехали сейчас же на завод, - выпалил Сергей.

- Завод располагался на окраине областного центра. Антон оставил свою ладуну четвёрку на заводской стоянке и приятели

направились в проходную. Там Сергей кому-то позвонил и минут через тридцать полная женщина охранщица, туго подпоясанная офицерским ремнём, пригласила наших героев в бюро пропусков.

Сначала Сергей потащил Антона в цех и показал ему кучу приготовленных к выбросу радиодеталей. Потом мужчины прошли длинным тёмным коридором до конца здания, поднялись на второй этаж и вошли в холл, разгороженный на небольшие комнатки специалистов цеха.

В приёмной начальника цеха ни кого не было и, постучавшись, Сергей робко вошел в кабинет. Увидевший его пожилой худощавый мужчина тут же вымолвил:

Заказ для вашего прибора я выполнил, требуется что-нибудь ещё?

-Да, да. Спасибо! – выпалил Сергей, - я знаю. Сегодня мы вот с товарищем пришли к вам по другому, по личному, нет, не совсем по личному, но важному вопросу.

- Присаживайтесь, сказывайте, что у вас за вопрос. Если миллионный заказ, то давайте, а то мы тут очень в большой нужде, - доброжелательно улыбаясь, шуткой проговорил хозяин кабинета.

Сергей осторожно изложил суть дела. Начальник цеха немного помолчал, потом, обдумывая каждое слово и бегая хитрыми проворными глазками по посетителям, ответил:

- Оно, конечно, те детали для нас сегодня хлам. Не выбросили только потому, что на моём акте на списание ещё не стоит одна подпись. Не подписала бухгалтер – учётчик, сверяет свои данные. Сверит, проставит количество в акте на списание и всё. Но вам же, я вижу, они очень нужны. Тогда бы уж как ни-будь бы их у нас и купили б. Мы готовы их отдать даже по цене металлолома. Это будут копейки от их реальной стоимости, но всё - таки нам что-то б и перепало. Фирма или что там у вас, какие-то деньги ж имеет?

- Иван Филиппович, фирма это вот мы с ним, - сказал Сергей, - его вот моего приятеля из армии за штат вывели, а я нищий препод института, вы же знаете. У нас пока кроме идеи нет ничего. Но если удастся что-то заработать, мы заплатим. Даю вам слово. Если дело у нас пойдёт, мы же к вам ещё не один раз будем обращаться.

- А с чем вы можете ещё к нам обращаться? Оборонка больше не заказывает. Те заказы, что мы наскребли, делаем не спеша. Авралов, как раньше, больше нет. Стало быть, почти нет и брака. Ну, а насчёт тех бракованных деталей, позвоните мне послезавтра. Завтра бухгалтера обещали мне подписать акт. А всё остальное я тут порешаю. Только как только скажу, забирайте в тот же день и приезжайте лучше ближе к вечеру.

Антон с Сергеем быстро попрощались с начальником цеха и помчались домой, всю дорогу обговаривая детали предстоящей операции.

Не заезжая домой мужчины проехали напрямик в военный городок уже окончательно расформированного полка, где служил Антон. С отделением солдат городок охранял ждавший перевода капитан Солнцев. Приветливо встретивший Антона капитан поведал, что на днях приезжало разное начальство из Управления стройки и войсковых частей, из горисполкома и даже с комбината. Вроде, решили хоздвор разгородить и присоединить его к базе снабжения ВСЧ, она рядом. Казармы превратят в какие-то склады строители, а клуб и спортзал забирает себе город.

Рассказывая о предстоящем дележе городка, капитан водил посетителей, показывая помещения хоздвора, клуба и спортзала, казармы и столовую, которую пока не решено кому подарить.

Из военного городка Антон зарулил на автобазу. Без труда нашел там своего недавнего соседа по купе Сергея и завёл с ним разговор о самосвале на послезавтра, если потребуется.

- Раз у вас ещё не ясно будет ли нужна машина, выписывать вам её не с руки. Я бы вам выписал её за копейки, но вдруг не надо

будет. Сделаем так. Как только у вас что-то решится, ты Антон звони мне на диспетчерскую. У меня каждый день не выезжает по несколько машин. Я выпишу путёвку на себя и с тобой смогаемся. Будешь должен. Идёт?

- Ещё бы, - ответил Антон.

- Когда буду звонить, будь готов назвать марку и номер машины. Твой тёзка сразу позвонит на завод и закажет пропуск. Чтобы нам не терять там время.

- И это решим. Теперь всё?

- Если что будет ещё – позвоню, или поймаю дома. Мы ж с тобою почти рядом живём.

5

На следующий день, с утра Антон пошагал в жилкомхоз. Контора была уже открыта, но начальника Володи Борщёва, бывшего когда-то ещё до Антоновой работы в комсомоле секретарём горкома комсомола, на месте ещё не было. Задерживался на аппаратном у председателя.

Когда Володя появился и в приёмной тепло поздоровался с Антоном, он тут же и увлёл своего давнего приятеля к себе в кабинет, предварительно попросив секретаршу к нему ни кого.

- Ну как жисть, наш бывший комсомолец? Докладывай, за чем пожаловал, - сказал Володя, как только они вошли в кабинет.

- Жисть у меня, Володя, пока нормальная. Есть тут у меня к тебе одно дельце. Чтобы не задерживать тебя, обскажу всё и сразу, - ответил Антон и внимательно взглянул на давнего приятеля.

- Мне и так ясно, что пришел ты по какому-то дельцу. С раннего утра все идут только за этим. Говори, не тани, что там у тебя за дельце. Если смогу, помогу. Мы же люди свои, - быстро проговорил хозяин кабинета, облокотился локтями на рабочий стол и приветливо заглянул в глаза Антона готовый слушать.

- Слышал я Володя, - начал Антон, - что некоторые здания нашего бывшего военного городка ты прибираешь к своим рукам.

- Точно. Спортзал отдаём под детскую спортивную школу новому микрорайону. Ещё одно здание - бывший клуб, - просят многие городские отделы, но кому отдадим, пока не решили. А что?

- Нам бы там на некоторое время попользоваться комнатой площадью метров в сорок.

- Вам это кому? Вы производственный кооператив, или какая-нибудь общественная организация?

- Мы, это я и один мой коллега. Есть у нас одна идея немножко заработать. Нужно срочно завтра вывезти с одного завода списанный товар, с которым надо где-то немного поработать, потом толкнуть.

- Так. Понятно. На заре новой эры все потянулись в бизнес, - лукаво улыбаясь протянул Борщёв. На минуту он задумался, опустив голову, потом откинулся назад в кресле, взял из стакана карандаш, стал в блокнот что-то записывать, а Антону сказал: - ладно. В клубе рядом с входом большую комнату пока занимай. Я буду иметь в виду. Пока здание ничейное работайте, а там будет видно. Мы, кстати, берём себе и весь хозяйственный двор, пригораживаем его к базе снабжения ВСЧ, которую тоже забираем. Она вашими вояками уже почти не занята, частей-то уже почти не осталось. Будем вести разговор со строителями, чтобы нам отошли и казармы и бывшая столовая. Коту понятно, что эти здания городу пригодятся. Там же овощехранилища, пункты заквашивания капусты, оборудованные складские помещения, а столовая – уже готовое здание хоть под ресторан, хоть под социальный пункт питания для пенсионеров и малоимущих. Но если ты решил заниматься каким-то производством, то мой тебе совет – зарегистрируйте с твоим приятелем кооператив, или хотя бы зарегистрируйся сам, как частный предприниматель. И вам будет легче работать и всё

будет по закону. А так без оформления бумаг как я в следующий раз буду помогать тебе с помещениями? И вообще, как будете работать? Везде ж, куда ни сунься – дай накладную, поставь печать. Ты ж, я уверен, придёшь ещё за помощью, раз чем-то там занялся. Как услышишь, что город продаёт частникам помещения, так и прито-о-паешь сюда. Так же? А как я тебе смогу помочь? Знал бы ты, сколько разных помещений мы будем скоро передавать в частные руки. Очень много. Очень! Понял? - сказавши это, Володя замолчал, бросив быстрый, изучающий взгляд на Антона.

- Я всё понял, - ответил Антон, вставая и подходя к столу начальнику для прощания рукопожатием. Спасибо. Ты меня, между прочим, аж напугал.

- Давай, давай проваливай, работай. Не бойсь. Тоже мне вояка. Заходи, да когда у вас будут ещё какие денежные идеи, не забывай и про старых друзей, - многозначительно улыбаясь, не то шутя, не то всерьёз, говорил, очень нужный человек, как подумалось в эти минуты о нём Антону.

- По-моему, не просто так давал мне Володя советы. Не просто так. Поведал и о предстоящей передаче помещений. Ох, не зря. Ну что ж. Будем иметь в виду, - размышлял Антон после посещения Борьщёва.

6

Часов в шестнадцать следующего дня самосвал ЗИЛок, в сопровождении жигулёнка Антона прибыл к заводу. Самосвал было велено загнать во внутренний двор. Когда мужики зашли в цех, у кучи с бракованными радиодетальями стояла тачка. Из боковой двери к ним подошел молоденький мастер. Поздоровавшись, он вручил Сергею накладную и пропуск на выезд самосвала за территорию и сказал: «В эту кучу мы выкинули всё, что у нас ещё было из бракованного барахла. Если у вас есть хороший «паяльник», он может из тех железок очень многое сделать».

Погрузка много времени не заняла. По прибытии в бывший городок Антон велел самосвал гнать к клубу, а сам пошагал в здание бывшего штаба. Солдаты, охранявшие городок жили в нём.

Солнцеву Антон подробно передал разговор с Борщёвым, тот взял ключи, позвал четверых солдат и все потопали в клуб.

Солдатики самосвал разгрузили быстро. Они притащили старое солдатское одеяло, расстелили его на земле у заднего борта самосвала. Сергей потихоньку поднимал кузов, а ребята аккуратно ссыпали детали на одеяло. Нагружали ими носилки и затаскивали в бывшую комнату боевой славы части. Все детали ссыпали вдоль внутренней стены. «У окон поставим рабочие столы для девочек и станки», - сказал без пяти минут кандидат физматнаук, как в шутку называл коллегу Антон.

Потом Антон попросил Алексея снять где-нибудь дверную металлическую решетку и поставить её на дверь в занятую им комнату. На нескольких окнах штаба, на всех ротных кладовых имелись и оконные решетки. Солнцев пообещал поставить решетки и на окна.

По дороге домой физиоматематик сказал, что завтра же с утра поедет на завод подбирать девочек для работы с деталями, договариваться с главным инженером об аренде двух станков и кое-каких приборов для проверки параметров деталей и оттиска соответствующих отметок на них. «Ты, Серёжа, перво-наперво, - перебил его Антон, - в отделе сбыта завода постарайся узнать, кому поставлял завод наши детали, кто, с каких гражданских заводов постоянно их просил. Узнай все адреса и телефоны. У спецов отдела сбыта такая информация наверняка есть. Сначала прозвоним, узнаем нужны ли кому эти наши железки, по чём возьмут. Все затраты от проверки и отметки на деталях до отправки потребителям, если они будут, просчитаем, определим стоит ли всем этим заниматься, а уж потом будешь подбирать и учить девочек, доставать и устанавливать нужное оборудование. Только потом будем закупать замки, электрические лампочки, договариваться с капитаном об охране и прочая и прочая. Я,

кстати, до сих пор ещё сомневаюсь, будут ли нужны кому эти радиодетали. Если кому-то нужны, то почему сидящие без заказов заводчане не делают то, что затеем мы? Как ты думаешь? А хотя...! Чёрт его знает! В нашей матушке Расее всё возможно. Вон директора предприятий плачут от нищеты и безденежья, а шустрые мужички пооткрыли пункты приёма чёрного и цветного лома и делают с их же свалок денежки и радуются. Согласен с моим планом на первые дни?»

- Да! Конечно, согласен! Всё правильно ты наметил. Я вот ещё что подумал. Чтобы начать работать нам будут нужны деньги и не очень маленькие, а где их нам взять? - сказал Сергей.

- Ты правильно думаешь, - ответил Антон, - деньги будут нужны, и чем дальше пойдём, тем больше и больше их будет нужно. Начнём работать, но чтобы продавать предприятиям, нужен расчётный счёт, нужно оформлять накладные на отгрузку, нужна круглая печать. Значит надо что-то оформлять, регистрировать какую-то фирмочку. Это помещение нам мой приятель из Горкомхоза пока дал просто так. Но если продолжим работу, помещение будет нужно своё или арендованное. С первых дней нам нужен будет и бухгалтер. Ей для работы тоже придётся кое-что покупать. Вот так и пойдёт – поедет. Пока не пойдут деньги от заказчиков, нам с тобой будет туговато. Может даже придётся нашим семьям перейти на время на хлеб и воду, может придётся мне толкнуть эту машинёшку. Но если дело пойдёт, то раскрутиться будет не сложно. Сейчас пока траты будут копеечными. В общем, если будут покупатели на наши радиодетали, и дадут устраивающую нас цену, я предлагаю работать. Тут риска, практически, ни какого. А как думаешь ты? Ещё не испугался своей идеи?

- Нет! Что ты! А по деньгам я, когда будут нужны, буду посылать жену к её родителям. Мы у них уже столько назаимали, что ни когда не рассчитаться. Тесть работает на Комбинате начальником цеха. Сейчас заработки у него упали, но ещё кое-что получает, - ответил погрустневший Сергей.

На следующий день Антону позарез надо было поработать в библиотеке, но сначала он побежал в городскую регистрационную палату. Там со стенда переписал порядок регистрации частного предпринимателя, какие документы, в какой кабинет их нести, размер госпошлины.

Переписал Антон нужную информацию, медленно вышел из помещения и погрузневший потопал домой. «Чёрт возьми, - сказал он себе, - суетимся, строим какие-то планы, а в списке документов первым стоит паспорт. Не офицеру же регистрироваться в кооперативщики-предприниматели. И как тут быть? Регистрировать Сергея? Но он кроме ручки в руках ни чего не держал, не имеет ни какого опыта, ни в чём. Да и простоват он, вряд ли сможет».

Перед самым обедом ему позвонил Сергей и сообщил, что он переписал несколько телефонов заводчан звонивших на завод по радиодеталям. «Я звоню тебе прямо из переговорного пункта. Дозвонился пока только на один завод в Башкирию. Транзисторы им очень нужны и в неограниченном количестве. Деньги могут перевести даже авансом. Они из-за этих штучек простаивают! Нужно срочно начинать с нашими транзисторами работать. Срочно! - закончил своё известие Сергей».

Весь остаток дня и вечер, дома и в библиотеке, думал и думал Антон о сложившейся ситуации. А когда пришел поздно вечером домой, и на кухню к нему вошла проснувшаяся, в красивом халатике Лена, он как в первые дни их совместной жизни бросился к ней, схватил, прижал к себе.

- Что это с тобой? – отстраняясь, сказала Лена, - вроде трезвый, а ведёшь себя как-то странно.

- Понимаешь Лен. Ты присядь, есть очень серьёзный разговор. Я даже не знаю с чего начать. Ну, да ладно. Обскажу всё как есть.

Антон изложил Лене суть возникшей у них с Сергеем проблемы и заявил, что всё теперь зависит только от неё.

- Как это от меня? Что я в этих твоих делах смогу? – ответила перепуганная Лена.

- Тут всё очень просто, - сказал, успокаивая жену, Антон, - если нам продолжать начатое дело, то мне нужно срочно писать рапорт и увольняться. Тянуть нет смысла. Увольняться ж всё равно придётся. Не поедем же мы куда-нибудь на Дальний восток или на севера? Это раз. Кормилицей, пока не придёт приказ и не начну получать малую пенсию, будешь ты. Это раз. А два это то, что для того чтобы нам начать работать нужно оформлять какое-то юридическое лицо или частного предпринимателя. Это надо делать срочно, в считанные дни. А я ж ещё не гражданский. Опять придётся это делать... Антон неожиданно замолчал и глянул в глаза жене. Та, догадавшись о недосказанном, уставившись округлившимися глазами на мужа, приподнялась на стуле и протянула: «Мне что ли –и!?»

- Да, если заниматься, то оформляться тебе. Успокойся. Садись. Ты ж ни чем не рискуешь. С твоим шефом мы договоримся, что ты какое-то время формально будешь числиться председателем кооператива. Придёт на меня приказ, получу я паспорт и всё. Переизберём мы председателя и точка, если боишься. Я тоже ни чем, особо не рискую. Выходное пособие, говорят, чуть меньше пособия по сокращению и только. Зато, если пойдёт дело у нас наступит совершенно иная жизнь. Всё будет сначала, ну как тогда, когда мы с тобой поженились. С нуля. Всё с нуля. И деваться нам некуда, такое пришло время. Всё прежнее пролетело, начинается новая жизнь и многие, очень многие рискуют и начинают своё дело. Чтобы начать продают дачи, машины, даже квартиры. А мы, практически, ни чем не рискуем. У тебя есть работа. Я, если прогорим, тоже найду работу, да плюс хоть и не большая но будет у меня и пенсия. Проживём, не пропадём. Поняла?

Я всё поняла, но тут надо хорошенько подумать. Пошли спать, - сказала Лена и вышла из кухни.

Антон не спеша доел остывший ужин, убрал со стола, всё это время, обдумывая как дожать перепуганную Лену в необходимости осуществить задуманное.

8

На другой день Сергей вручил Антону номера добытых телефонов заводов потребителей радиодеталей и листок с перечнем имеющихся деталей у них, с указанием названия, типа, характеристики деталей. С Леной Антон договорился на несколько междугородных звонков с её телефона. Она сначала категорически возражала. Тогда Антон сказал ей: «В случае чего, свалишь всё на меня. Скажешь своему начальнику, что пришел муж, куда-то позвонил, а куда я не знала. Думала, что звонит по городу и всё. Ну а мы с ним уж как-нибудь разберёмся. Если не согласна, тогда давай рублей тридцать на междугородные звонки, а завтрашний день просижу на переговорном», - и Лена, тяжело вздохнув, молча кивнула головой в знак согласия.

Завод Алма-Аты, первый куда дозвонился Антон, потерявший своих поставщиков из города на Волге, предложением заинтересовался. С трудом говорившая по-русски женщина записала телефон, с которого он звонил, и сказала, что завтра утром позвонят. Позвонил ещё в один город на Урал. Специалист отдела сбыта уральского завода живо заинтересовался предложением Антона, стал расспрашивать о наименованиях деталей, их характеристиках, сколько можно получать ежемесячно. Антон записал адрес предприятия, пообещал направить письмо с подробным описанием предложения. «Присылайте ваше письмо, мы вышлем договор на заказ», - ответил потенциальный покупатель. Антон немного помедлил и спросил заводчанина, по какой цене они готовы брать транзисторы их марки.

- В прошлом месяце из Белорусии мы брали разные транзисторы по цене семь-восемь рублей, - услышал Антон в ответ.

- Хорошо, - сказал на прощание Антон, - ждите наше письмо.

Вечером, рассказывая о своих звонках по заводам Сергею, Антон сказал: «Ты Серёжа после лекций в институте срочно займись оборудованием».

- Осциллограф и два промышленных электротестера я возьму напрокат в нашем институте. Уже договорился. А вот хотя бы по одному станочку для маркировки деталей и их доработки надо брать на заводе, - доложил Сергей.

- Поезжай завтра же на завод и проси у начальника цеха или главного инженера. Не дадут так, обещаю, что заплатим после налом в руки, - сказал Антон.

- По-моему, начальник цеха вёл с нами разговор о деталях, намекая именно на это, – процедил Сергей.

- Проси как угодно, скажи, что готовишься запустить в производство свой прибор сам, а к ним у тебя будут дела ещё более важные. В общем, обязательно договаривайся, постарайся вопрос решить.

9

Словно холодный душ привела в состояние бодрствования отошедшего поздним вечером того дня ко сну Антона мысль о том, что для подключения станков в помещение нужно подавать триста восемьдесят вольт. Что нужен и электрик с соответствующими документами. «Ладно. Электрика найдём. А вот что делать с напряжением? Три фазы подавались в кинобудку клуба. Есть ли сейчас там линия, а как подать такое напряжение в нашу комнату? Нужен будет кабель. А где его взять? Только чтобы подключить станки, нужны немалые деньги. Что делать?» - долго думал он.

Утром он позвонил Солнцеву и сообщил ему о своих тревогах по поводу запитки помещения. Солнцев ответил Антону, что сейчас городок запитан от базы снабжения ВСЧ. Пообещал сходить и попросить ихнего электрика, чтобы с трансформатора включил кинобудку. «И всё», - спокойно сказал капитан.

- А где можно достать кабель, чтобы из кинобудки дать триста восемьдесят в комнату, где мы будем работать? – продолжил Антон.

- Это не проблема. Надо сходить на комбинат ЖБИ, в Проммеханомонтаж, в МСУ. Прикину сколько нужно и найдём, не переживайте. Завтра куплю бутылёк и всё сделаем, - ответил Солнцев.

- Бери сразу два, я деньги тебе привезу. В накладе не будешь.

- Понял, - протянул капитан, - и тут же добавил, - меня вчера вызывали в кадры, предложили в Забайкалье. Я отказался. Теперь будут готовить бумаги на дембель по сокращению. Так что скоро меня тут не будет.

- Лёш, ты не расстраивайся и пока ни куда оттуда не уходи. Понял? Без работы и заработка не будешь. Я помогу.

- Так я и так хотел просить вас помочь куда-нибудь устроиться.

- Считай, что уже попросил, а я помогаю, - ответил Антон и положил трубку.

К исходу того же дня капитан Солнцев позвонил и сообщил Антону, что триста восемьдесят в кинобудку клуба уже подключены. Там же возле силового шкафа лежит и сорок с лишним метров кабеля. Нужно нарисовать схему подключения оборудования и можно тащить кабель в комнату боевой славы.

Это сообщение Антон тут же и передал Сергею. Сергей спросил у Антона, чем можно рассчитаться с солдатами за помощь в прокладке кабеля, установку щитков и специальных розеток, разводку проводов по комнате. Капитан обещал солдатами помочь, - сказал Сергей.

- Купи ребятам чего-нибудь вкусенького: конфет к чаю, пирожков, печенья, - ответил Антон.

- Это будет слишком дёшево. Они ж уже поставили решетчатую дверь, решетки на окна, да ещё и это, - возразил Сергей.

- Считай, что их капитан Солнцев наш работник. Он с ними договорится ещё и не об этом, успокоил коллегу Антон.

В тот же вечер Антон попросил Лену срочно напечатать письма с предложением радиодеталей ещё двум заводам. А через два дня Лена сказала ему:

- Завтра я получаю Свидетельство. Шеф обещал позвонить и в милицию насчёт печати.

Это хорошо. Ты у меня молодчина. А мне вот курсы, придётся оставлять. Времени совсем нет. Жалко ребят, им же поступать, а смена преподавателя ох как не хорошо. Но ни чего не поделаешь. Когда начнём работать с деталями, занят буду и по вечерам. Кстати, через две недели на меня должен быть приказ о дембеле, а через месячишко должна быть и пенсия. Так что потерю не на много, - сказал Антон и изучающе посмотрел на Лену.

- А нам скоро по итогам прошедшего квартала дадут по окладу премию, - весело пропела она.

- Ну, тогда живём. Можно открывать ещё одну фирму, - пошутил Антон.

10

Шутил с Леной Антон и не знал, что не уладив до конца все дела с радиодеталями, пришлось ему заниматься ещё одним сложным делом.

Перевозивший на бортовом Зиле станки Сергей из автобазы, рассказал ему, что их база закрывается окончательно. Чтобы рассчитаться по зарплате с водителями и ИТР базы, продают машины. Их оценивают и отдают в счёт долга тому, кто хочет. Разницу в стоимости и задолженности покупатель доплачивает и всё. Если водила переходит в первую автобазу или в какое-нибудь СМУ стройки, отдают за вычет из будущего заработка. Хорошие машины уже все забили. Начальство закидывает удочки

на здания боксов и цехов. «Я, заправляясь сегодня на нашей автобазовской заправке перед выездом сюда, подумал - а о заправке-то разговоров пока не было. Ты понял меня?», - протянул, хитро поглядывая на Антона, Сергей.

- Я тебя прекрасно понял. Бери себе заправку. Наверняка есть там у вас бензовозы, возьми до комплекта, вози бензин и продавай, - ответил Антон.

- Взять то не очень сложно и заправку и бензовоз, но нужны «мани-мани», а где их взять? Разве что продать квартиру и поселиться с женой и сыном на заправке? Так там дюже воняет и грязно.

- У меня пока только расходы, - сказал Сергей, - недели через две – три деньги могут появиться. Давай возьмём вашу заправку с бензовозом. Ты всё проворачиваешь, а я плачу. В городе пока одна единственная заправка и та аж на выезде из города. Чтобы заправиться минут двадцать надо стоять в очереди. Все, кто работает на промзоне, запросто будут заправляться у нас, это ж по пути. Да и из города частники попрут, чтобы не стоять в очереди. Правда, заправка ваша примитивная, но работает же. А главное, чем проще, тем она дешевле. Если возьмём, постепенно приведём в порядок, поставим нормальную аппаратуру, переделаем будку, чтобы тебе там не воняло и комфортно было жить, – перейдя на шутку, закончил Антон.

- Сегодня же заеду к начальнику УАТ. Он меня давно знает, попрошу, - выпалил Сергей.

- Будет колебаться, выжимать, скажи, что будет бесплатно заправляться. А кроме шуток пообещай расплатиться и с автобазой и с ним самим в самое ближайшее время. Максимум через три недели. Дай расписку, что взял в долг какую-то сумму, короче говоря, пробивай любой ценой. Не получится - звони, будем думать.

Без проблем принявший Сергея Гудкова главный инженер УАТ по поводу его просьбы, ни чего определённого ему не сказал, но пообещал продажу заправочной станции ликвидированной автобазы притормозить. «Ты, Серёжа, за нею пока присматривай, чтоб её там не растащили или не сожгли, а через неделю посмотрим. Я тут подумаю, что и как с нею делать. Подумаю», - ответил, не обнадежив и не отказав, его начальник.

Антон с физматиком подготовительные курсы оставили. Два два в неделю на несколько часов Сергей мотался в институт на лекции, а всё остальное время дни и ночи возились они с Антоном в своём «агромадном», как в шутку называл своё производство Антон, цехе. В бухгалтерии ни Сергей, ни Антон ни чего не понимали и пришлось им подыскивать на подработку по совместительству бухгалтера. Их дела взялась вести дородная Зоя Петровна, бухгалтер базы снабжения ВСЧ.

Сходили Лена с Зоей Петровной в банк, открыли расчётный счёт, сдали образцы подписей. Уладил Антон кое-какие ещё формальности по своему предприятию и вплотную занялся работой в цехе. Бывший военный городок к тому времени уже начали разгораживать. Из городка вычленили пока только спортзал и одну казарму, расположенную рядом с ним, да небольшое здание пропускного пункта. На капитана Солнцева пришел приказ об увольнении и он быстренько, по совету Антона, устроился на работу в охрану базы снабжения ВСЧ. Шесть охранников базы состояли из двух уволенных офицеров и четырёх прапорщиков, служивших до увольнения в частях Управления войск. Антону пришлось просить бывших служивых присматривать за его цехом. Солнцев ответил, что он этот вопрос с ребятами уже перетёр.

Две недели трудов наших цеховиков наконец начали давать отдачу. Три девочки работницы предъявили Сергею, исполнявшему обязанности главного инженера, мастера и контролёра ОТК, на проверку первые две сотни готовых деталей. Долго и тщательно проверял Сергей детали и только с десятков

транзисторов попросил малость «почистить». «Ни как не пойму, - сказал он после проверки, - как можно забраковать детали с такими прекрасными характеристиками. Или я чего-то не понимаю, или наши заводчане преступно расхитительны. Пусть был бы даже брак. Но это же цветной металл! Тут кое-где пайка выполнена даже золотом! А они всё это на свалку. Бардак и только!»

Слушая эти не в первый раз Сергеем сказанные слова, Антон вдруг понял, что ввязался его приятель во всю эту их затею, не только из-за денег. Ему было жалко, не мог он допустить отправки на свалку очень дорогого мусора. Не мог!

Помотался Антон по городу и стройке с заказом небольших размеров ящиков для отправки деталей. Заплатил за первые шесть штук, купил упаковочной ткани, и девочки работницы упаковали первую партию товара. Посылки заколотили, подписали фломастером адреса, и Антон повёз посылки в багажное отделение на станцию. В областном центре после сдачи посылок он заехал на почтамт и отправил в Казахстан телеграмму об отправке одной тысяче штук деталей, попросил не задерживать оплату. К его удивлению через несколько дней на его расчётном счёте появилась очень хорошая сумма. Цех заработал. Каждую неделю Антон отвозил и отвозил на станцию посылки. Вскоре бухгалтерше он велел начислить и заработную плату. В ведомость велел включить сторожа Алексея Солнцева, который обещал эту зарплату поделить всем охранщикам базы. Заплатили и Сергею Гудкову.

Глава VI!

1

Куча радиодеталей в цехе наших бизнесменов быстро таяла. От потребителей деньги шли без задержки. На счету была уже очень

крупная сумма из нескольких миллиардов рублей тех дней. Антон понимал, что на счету их деньги тают как снег в тёплый весенний день. Их надо или быстро тратить куда-то выгодно вкладывая, или менять на доллары. Но куда вкладывать? Сергей Гудков принёс счёт на оплату покупаемой Антоном заправки. Счёт в УАТе выписали по остаточной стоимости, хотя её амортизация уже была стопроцентной. Бензовоз Сергей купил как списанный. Правда, Антону пришлось не мало денег выделить на покупку для бензовоза резины, замены двигателя, коробки передач и других мелочей. «Но всё это копейки», - думал он.

Зоя Петровна пожаловалась Антону, что вот уже полгода ни как не может разъехаться с зятем. Мы уже согласны на однокомнатную и комнату и ни как не найдём подходящего варианта.

- Обратитесь к риэлторам, - посоветовал Антон.

- Обращались, но они много требуют. У меня таких денег нет, а молодые только начали работать. Откуда у них? – продолжала плакаться Зоя Петровна, не решаясь прямо попросить денег.

Тут-то у Антона и мелькнула одна интересная мыслишка. А Зое Петровне он сказал:

- Вы немножко подождите с разменом. Я тут кое-что придумал. Думаю, что мы вам поможем разъехаться с вашим зятьком. Поможем.

2

А придя домой, Антон усадил Лену подле себя на совсем забытый свой диван, и сказал:

- Голубушка Лен Фёдна, а не хватит ли тебе коптеть в твоей приёмной? А? Давай - ка и ты впрягайся в настоящую работёнку.

- А что я там у вас могу делать? Да и сам же говорил, что детали у вас скоро закончатся и вашему делу конец.

- Ишь ты какая! Конец. И не смей мне больше так говаривать! Не смей! Ну, а если сурьёзно, то чтобы конца видно не было, надо деньги, какие мы заработали, пустить в прирост, да так, чтобы не таяли от инфляции. Ты ведь вон уже получаешь миллион с хвостиком. А займись-ка ты делом, которое ты очень хорошо, до самых тонкостей знаешь. А? Риэлторскую-то фирмёшку тебе ж создать не слабо?

- Ты что придумал, Антон! Какая из меня риэлтор? Не смогу я. Да у меня и работа не плохая, - ответила перепуганная Лена.

- А будет у тебя работа ещё лучше. Давай сделаем так. Пока работай на своём месте, подыскивай, а мы будем покупать комнаты, квартиры. Вкладывать тающие наши деньги. Пусть это будут в новых домах или в хрущёвках, спальни или залы – всё равно. Будем покупать всё, что есть в продаже подходящего. Во-первых, спасём от инфляции деньги. Купим однокомнатную где-нибудь в центре на первом этаже. Это и будет со временем твой офис. Когда появятся у нас несколько квартир и комнат, ты быстренько зарегистрируешься и повесишь объявление у входа в ту однокомнатную на первом этаже - «Все операции с недвижимостью». Подберёшь и обучишь мальчиков и девочек операциям с разменом, с объединением квартир и комнат и пусть они бегают, работают. А ты руководи сделками и собирай с них тебе причитающееся. Поняла? Ты ж эту работу знаешь досконально. Каждый день объясняешь десяткам людей, как разменять, как обменять квартиры, как съехаться. К тому ж, сейчас у тебя по квартирам всего нашего города вся информация. Ты её копируй, накапливай, записывай адреса и фамилии тех, кто обращается по размену и не может решить вопрос. Позже мы проблемы этих твоих сегодняшних посетителей разрешим без проблем. С первых же дней твоя риэлторская конторка такие денежки будет загребать, какие ни кому и не снились. Так мы деньги вложим, спасая их от инфляции, и заставим их делать другие деньги, зарабатывать. Нынешние риэлторские фирмочки пока занимаются только тем, что находят людям варианты и всё. А у тебя будет и свой обменный фонд! Поняла?

Высказавшись, Антон замолчал.

- Хорошо, я всё поняла. Подумаю. Страшно мне как-то.

- Чего страшно-то? Я ж всегда рядом. Давай будем считать вопрос решенным. Не медля начинай действовать. Ищи квартиры и комнаты, утрясай цены, назначай время встреч с продавцами для посмотреть и всё. В городе есть и абсолютно пустые ничейные комнаты и квартиры. Ты подготовь мне их список. Я зайду к твоему шефу, попробую что ни-будь придумать и по ним.

- Откуда ты знаешь, что есть пустые? Я тебе ничего про них не говорила. Да они и не ничейные. Всё жильё на балансе города.

- Все куры соседней деревни знают про все квартиры города. Это раз. А второе – городское, государственное во все времена у нас считалось ничейным. А уж сейчас... Кто кроме тебя и твоего шефа знает про эти квартиры? Львиную долю их всё равно скоро приберут к рукам ваши начальники и их помощники. Глупо мы поступим, если не возьмём их за деньги. Подбери самые - самые давно заброшенные и неизвестные и дай мне скорее их список.

На утро Антон проехал сразу к Зое Петровне, вызвал её на улицу и велел сегодня же в банке сначала взять в аренду ячейку на их двоих. Потом снять со счёта половину денег, положить их в ячейку и привезти ему ключ.

Когда Зоя Петровна привезла Антону ключ, он тут же завёл свой издавший виды жигулёнок и помчался в банк. В ячейке взял положенные туда Зоей Петровной деньги и в валютном отделе поменял на доллары. Всю «зелень» сложил в ячейку. В конце дня забрал с работы Зою Петровну. Направляясь к её дому рассказал, что он сделал с рублями. Велел завтра прийти в банк к открытию и снять всю оставшуюся на счёту сумму. «Я у вас их заберу. Ведомости на зарплату напишете, как и в тот раз, а я выдам долларами. Что останется – положу в ячейку. Впредь, как только будут поступать на счёт деньги, пишите требование банку, к Лене на подпись, снимайте деньги и в ячейку. Сергей с заправки

деньги пока будет привозить вам. Вы их тоже туда», - распорядился Антон.

- А как платить налоги?

- Не сегодня - завтра придёт ещё платёж. Будут поступления ещё. На счету деньги будут. Всё что положено, заплатим, - ответил Антон.

3

Вечером того же дня ему позвонил Володя Борщёв: «Антон, ты мне подскажи, пожалуйста, как там сейчас организована охрана базы снабжения ВСЧ?»

- Ихними штатными охранниками, - ответил Антон.

- Командование оставляет себе всего два склада и малый ледник, всё остальное, в том числе и хоздвор полка, мы забираем. Поэтому ваши вояки предлагают мне принять участие в охране базы.

- Как бы нам получше всё это сделать? Ты не подскажешь? Мы пока этим не занимались. То, что у нас охраняется, выполняет милиция, а за тот объект они не берутся. Говорят, объект не отвечает их требованиям по оборудованию заграждений, запоров и прочему. Сейчас в зиму там ни чего не сделаешь, а охранять надо уже на этих днях,- поведал Борщёв.

- Есть у меня идея. Из тех же шестерых мужиков, а это офицеры и прапорщики наши запасники, давай создадим частную охранную фирму. Заключай с ними договор и пусть охраняют. Я пришлю к тебе кандидата в директора этой фирмы и действуйте.

- Та-ак. Ладно. Присылай своего кандидата. Сейчас только подумаю к сколько, - мурлыкал в трубку Борщёв, потом быстро и кратко бросил, - часам к шести.

Поужинав, Антон прошел в спальню, разобрал кровать, лёг. У него возникла острая потребность побыть одному, подумать в тиши. Долго он размышлял в тот вечер и ночь, а утром позвонил Сергею Гудкову, Алексею Солнцеву, Зое Петровне и пригласил их в свой цех часам к десяти.

Когда все собрались, сказал:

- Тут собрались все, кто так или иначе повязан в нашем совместном бизнесе. Солнцев пока только рядовой охранник, но сегодня в шесть ты должен быть у Борщёва. Он предложит тебе взять на себя охрану вашей базы, создав частное охранное предприятие. Хлопот по его созданию много, но с помощью того дяди, к которому сегодня пойдёшь, всё решите. Процентом на семьдесят база снабжения в ближайшие дни будет принадлежать городу. Это будет твой первый объект охраны, со временем наберёшь ещё объектов и людей. Дело и пойдёт. У тебя Гудков дела с заправкой уже, практически, решены. Мы её проплатили, осталось получить документ на право собственности. У главного инженера цеха, где мы сейчас находимся, радиодетали скоро закончатся. Надо думать, что делать дальше. Будет и ещё одна фирмёшка, которую создаю я. Я ведь уже человек гражданский, имею паспорт. Предлагаю, - продолжил Антон, - сейчас нам с вами решать, как работать дальше. Тут у меня есть предложеньице. Кооператив, заправку, создаваемое охранное предприятие и риэлторскую контору, которую мы создаём, давайте объединим в одно предприятие. Все мы физические и юридические лица а учредим Общество с ограниченной ответственностью. Каждый имеет свою печать и счёт. Работают все согласно законодательству о предпринимательской деятельности. Заработанное каждым, ему и будет принадлежать. Предлагаю открыть банковский счёт, на который будем вкладывать наши свободные средства, которыми будем распоряжаться сообща. У ООО пусть будет один бухгалтер. Каждый в своём предприятии можете вести бухгалтерию сами или иметь своего бухгалтера. Как тратить средства с общего счёта, куда вкладывать - будем решать таким, как сегодня, собранием. Заработанные ООО деньги будут принадлежать всем

согласно тому, кто сколько вложил. Это могут быть паи или акции. Посмотрим, подумаем как правильнее всё это назвать. Тонкости образования и работы ООО мы обсудим со специалистами юристами и налоговиками. Они подскажут нам, как составить учредительные бумаги, как правильно написать устав и прочее. Это не главное. Главное же заключается в том, что если объединимся, объединим наши средства, нам будет легко маневрировать средствами, развивая одно за другим наше дело. Порознь, в одиночку, нам будет работать и развиваться трудно.

Таким образом, предлагаю всем здесь собравшимся решить, как будем работать дальше.

- А чё мне решать, как работать. Заправку-то я купил на ваши деньги. Ладно, за полгода, за год рассчитаюсь с долгом, а что делать дальше? Надо менять оборудование, капитально ремонтировать будку, покупать ещё одну, как минимум, машину бензовоз, уже на эту мою надо брать ещё одного водителя. Нет. Я от вас пока ни куда. Если работать вместе, то вы ж завтра с меня долг не потребуете, так я понял? - высказался Гудков.

- Если работать вместе, - нам требовать сейчас с тебя долг нет смысла. Мы будем заинтересованы дать тебе денег ещё, чтобы ты быстрее и больше зарабатывал и вкладывал на общий счёт, - сказал Антон, уставившись на своего напарника Колесова, как бы спрашивая его согласия на им сказанное.

Колесов тут же закивал головой в знак согласия.

- А я ещё и ни кто. Мне только ещё предложат, а как мне всё это самому, на какие шиши оформляться я даже и не знаю. Так что мне тоже только с вами» - протянул Алексей.

Если все согласны, то давайте считать эту нашу сходку собранием. Потом мы с главой этого цеха Серёжей порешаем сколько мы с ним в равных долях вложим во все наши задумки. Надо подумать сколько каждый член общества получит паёв или акций в обществе. С каждым из вас отдельно всё перетолкуем. Потом напишем Устав общества. Ещё раз соберёмся, всё решим –

утвердим, напишем протокол собрания, все его подпишем, и будем регистрировать общество.

Директором этого общества пока можем стать я или Колесов, потому что всё будет организовываться пока на наши с ним деньги.

Уже сейчас, так как расходы надо делать каждый день, нам надо утвердить подобранную нами бухгалтера. Зоя Петровна здесь присутствует. Согласны её утвердить?

Возражений не последовало и Антон сказал: «Вот и всё, что я хотел вам сегодня сказать, зачем собирал».

Глава V!!!

1

После разговора с будущими оовцами, как прозвал коллег Сергей Колесов, они с Антоном упаковали две посылки деталей, оформили документы, закинули груз в багажник Антонова жигулёнка, и поехали домой. Вместе поставили машину в гараж и, топая домой, разговорились:

- Сергей, - сказал Антон, - скажи честно, ты согласен с тем, что я сегодня на нашем сборище предложил?

- О, да, конечно. Мне это нужно, остальным ещё больше. Не понимаю только, зачем это надо тебе? – ответил Сергей. Ты же запросто можешь работать сам. Зачем тебе все мы. Какой тебе от нас толк?

- Ты не думай, Серёжа, что я какой-то спец во всех этих делах. Просто меня все эти дела подхватили и понесли, как бурный весенний поток. Каждый шаг, каждое движение приходится тщательно обдумывать. Поначалу было страшновато, а теперь страх куда-то подевался. А что касается того, зачем я решил работать с вами. Так тут всё просто. Во – первых, все вы в какой-то степени каждый на своём участке спецы и мне с вами не страшно. А во-вторых, смотри - мы с тобой могли бы купить

заправку сами. Наняли б на неё работников и пусть работают. Но нанятый работник отбыл свои часы, выполнил все поручения и спокойно пошёл домой. Будет ещё и приворовывать. К этому все наши люди от работяги до директора предприятия за годы социализма привыкли. А думать, как увеличить отдачу заправки, как улучшить её работу и всё прочее, должны будем мы с тобой. А вот если там будет собственник такой же, как мы, пользы от него будет во сто раз больше. Очень важно это в самом начале работы, пока мы ещё не раскрутились. Очень многие в это самое время прогорают только потому, что не успел что-то открыть, нанимает людей, а сам по курортам, по заграницам. Народ всю жизнь работавший на государственном производстве, привык работать от и до, да и везде, где можно, тащить. Бережёт, рвёт копыта работая, только если это всё его. Постепенно люди будут учиться, привыкать, мы их лучше узнаем, и им со временем уже можно будет кое-что и доверять. Мы за всеми работниками не уследим. Тебе сейчас надо очень много думать, что делать дальше. После того как покончим с радиодетальями, тебе можно вернуть заводу станки и оборудование, забрать деньги и читать в своём институте спокойно лекции. А можно ж и работать дальше. Надо только решить, что делать. Если твой прибор будут заказывать, я толком не знаю, что там ты придумал, то клепай его.

- Нет. Он многим не нужен. Этот прибор может потребоваться на энергогенерирующих предприятиях. Только на нём не проживёшь, хотя он и будет стоить не дёшево. Товар, практически, штучный. Нужно собирать что-нибудь такое, что нужно большому количеству производителей. Но над этим надо думать.

- Времени на задумки осталось мало. Закончим с деталями и надо из той комнаты смываться. Нас оттуда новые хозяева могут попросить в любое время. Если будешь работать, надо подыскивать другое помещение.

- Это понятно, - протянул Сергей, - буду думать, а так, без какого-то производства, зачем я тебе нужен. Деньги, хоть и приличные,

если возьму, утекут и всё. Ты не будешь возражать, если я привлеку мужиков из нашего института? У нас есть ребята с очень хорошими мозгами, очень хорошо паяют.

- Давай, привлекай. Только будут работать и всё, - предупредил Антон.

А я завтра же пойду к одному хорошему юристу и попрошу его подумать о том, как нам всё то, что мы сегодня решили правильно и оптимально оформить.

2

К весне ООО «Надежда» стало набирать обороты в своей работе. В разных частях города, и даже в областном центре, купили шесть комнат и три однокомнатных квартиры. На здании, где была куплена однушка, появилась вывеска «Риэлторская компания Ключ». Нанятые Леной три девушки и парень с утра до ночи носились по городу, решая проблемы горожан по дележу квартир, их расширению, продаже и покупке. Уволившаяся из горисполкома Лена спокойно справлялась с руководством конторой.

Сергей Гудков отремонтировал помещение заправочной, сделал хорошее освещение её территории, поменял инструментарий учёта горючего в ёмкостях, нанял водителя на свой бензовоз. Борщёв пообещал посодействовать выделению площадки для строительства ещё одной заправки.

Алексей Солнцев набирал и набирал охранников в его контору. Кроме базы снабжения он уже охранял молочный и пивоваренный заводы. Его сиделки, так народ прозвал охранников у входа в разные конторы, несли службу в учреждениях культуры и образования, в городском театре и гостинице. Охранных предприятий в городе появилось несколько, но конкурировать с конторой, состоявшей из отставников офицеров и прапорщиков, да ещё поддерживаемых горкомхозом, им пока было не по плечу.

Не важно пока шли дела только у Сергея Колесова. Радиодетали у него давно закончились. Он взял в аренду помещение и организовал мастерскую в областном центре рядом с институтом. Его коллеги с удовольствием брались за работу, но ни кто, ни чего оригинального для массового производства так и не предложил. Чтобы не простаивать и что-то делать, Сергей уже начал принимать заказы на ремонт бытовой радиотехники от населения. Несколько собранных своих приборов он хорошо продал на ТЭЦ. Мастерскую надо было как-то охранять. Обратился Сергей во вневедомственную охрану. Пришедший осматривать помещение капитан заломил за охрану такую сумму, что Сергей и его товарищи решили по очереди сторожить в мастерской сами. Ознакомился Сергей и с предложенной капитаном охранной аппаратурой. Техника была уровня пятидесятых годов. Тут-то у него и возникла мысль создать охранный приборчик на основе генератора инфракрасного излучения. С ребятами они обмозговали схему прибора, собрали опытный образец, довели его до ума и предложили вневедомственной охране. Милиционеры дешевищу прибора, его надёжность и простоту в пользовании оценили и заказали для начала небольшую партию. Дали информацию о своём приборе в другие города и заказы потихоньку стали поступать. Один из паяльщиков Сергея предложил заняться продажей и обслуживанием ворвавшейся в жизнь россиян новой зарубежной оргтехники. Все госучреждения, ВУЗы, многие частники стали приобретать компьютеры, принтеры и ксероксы. Технику нужно было устанавливать, настраивать, поставлять расходные материалы. Крупные конторы уже создавали внутренние компьютерные сети. Работа требовала специалистов, а их ещё, практически, в городе не было. Сергей идею одобрил, и вскоре их небольшая мастерская оказалась заваленной коробками, бухтами кабелей, всякой мелочью. Заглянувший как-то в мастерскую Антон понял, что мастерскую нужно или расширять, или подыскивать новую из нескольких комнат.

Как-то разговаривая с женой о делах её конторы, Антон спросил Лену, не думает ли она учредить ещё один-два офиса. «Надо ж расширяться» - сказал он.

Немного подумав, Лена сказала, что это сделать можно. В первую очередь неплохо бы открыть хотя бы один офис в областном центре. Многие жители нашего закрытого города желают отсюда выехать. Там институты, университет, больше работы, да и свободнее ж, чем у нас. Очень у многих дети учатся в ВУЗах, мотаются в это опасное время по автобусам вечерами. Нам оформлять сделки из нашего закрытого города в областной очень не просто. Часто приходится сделки отдавать тамошним коллегам. «Посылай туда кого-нибудь из своих самых проворных, ищите помещение. Откроем», - выслушав жену, сказал Антон. А Лена продолжила:

- Ещё бы нам не мешало договориться с какой-нибудь хорошей фирмой или бригадой по ремонту квартир. Часто люди, прежде чем въехать в купленную квартиру, хотят, чтобы там был сделан ремонт. Это прибавит клиентов. Проще ж ремонтировать квартиру, когда она пустая. А свою квартиру, часто надо освободить в считанные дни. Если бы у нас был такой договор с какой-нибудь фирмой или даже бригадой, и они могли сразу после освобождения квартиры делать ремонт, было бы очень хорошо. Ещё лучше было бы иметь и свои подменные квартиры. Квартира нашего клиента ремонтируется, а он это время живёт в нашей подменной.

- Понял, - ответил Антон, - идея прекрасная. Пока у нас мало денег, создадим небольшую бригадку. Пусть пока работают с тобой. Со временем будем её увеличивать, расширять сферу деятельности. Строительный бизнес это не то, что контора паяльщиков Сергея. Строители будут нужны всегда. Этот бизнес должен только расширяться. Сейчас у нас в городе, в областном центре, да и везде в России строительство в большом развале.

В отношении подменных – ищи пару двушек и однокомнатных пока здесь в нашем городе. Со временем купим и в областном.

Нашел Антон мастера участка бывшего отделочного СМУ, которого очень хорошо знал раньше. Поговорил с опытным отделочником, нарисовал перспективу и через недельку в составе ООО уже работала бригада отделочников, которая быстро увеличивалась численно, стала выполнять всё более и более сложные заказы по ремонту и даже мелкому строительству. Все её члены числились пока частными предпринимателями.

Приобрел Антон на промплощадке земельный участок, была построена и быстро развивалась небольшая база для строителей. Так у Антона появился и строительный бизнес, который с первых месяцев позволял хорошо зарабатывать.

Обзавелось ООО и своей конторой, а в ней появились и новые сотрудники.

Как-то вечером неожиданно позвонил Борьщёв. Расспросивши чем занят Антон, предложил выйти погулять. А когда встретились у входа в городской парк, поздоровавшись, Володя извинился что побеспокоил и сказал, что есть нетелефонный разговор. Надо без спешки и без посторонних ушей кое-что обсудить. Антон не успел ответить согласием поговорить, как Володя начал:

- Ну, ты хорошо знаешь, что денег сегодня у города нет. Все планы на этот год летят к чёрту. Ту вашу бывшую столовую хотели взять на баланс города и организовать там столовку для бездомных, одиноких стариков, многодетных и прочее. Не получилось. Гнём сейчас владельцев кафе и ресторанов, чтобы взяли на себя эту работу – заботу. А столовка стоит, на её ремонт и охрану денег тоже нет. Купить по дешевке её сможешь?

- Смотря сколько заломите, ответил Антон, - даже если найдём деньги выкупить, то надо ж в десять раз больше на её ремонт и переоборудование, на закупку мебели и всего необходимого для работы.

- Понял. Тогда давай сделаем так. Ты берешь её в аренду с последующим выкупом. Заключим договор и работай. Прикинь за сколько лет ты сможешь её выкупить и сколько ежемесячно

сможешь вносить в счёт оплаты. Такой договор городу будет выгодным и пред его одобрит. Выгоден такой договор будет и тебе. Ты же с первого месяца будешь городу платить не только арендную плату, а и выкупную. Перехватить её у тебя ни кто не сможет. Да и стоимость вашей столовки копеечная. Вы же строили её хапспособом солдатами. Я глянул её балансовую стоимость и хотел даже сам прикупить, но предгориспокома остановил меня, сказавши, что если возьмёшь то уходи с работы.

Антон немного помолчал, потом остановился, развернувшись к собеседнику неожиданно для себя сказал:

- Если хотите, чтобы заплатил больше и быстрее рассчитался, а может взял выгодно для города что ни-будь ещё, что вам непосильно содержать, дайте мне землицы, я там поставлю объекты, например заправочки. Под них банки дают любой кредит. Я их быстро построю и буду гарантированно гасить долги перед вами. Правда, свободной, удобной земли у вас, практически, нет, но её полно в области. Мне там взять трудно, а вам пустяки.

- Вот паразит! Не знал тебя таким! Не знал! – сказал Володя.

- Жисть ещё и не тому научит, - спокойно на шутку ответил Антон. Я и сам порой удивляюсь тому, как я втюхался во все эти дела. Ни чего ж не соображал в бизнесе, а занялся и кое чему научился. Дела заставляют включать думалку с утра до ночи.

Теперь задумался Володя. А Антон продолжил:

- Я понимаю, что эти вопросы тебе надо обдумать, обговорить, убеждая, с председателем. Пока обдумывай, а я проработаю все нюансы со своей стороны. Подкину тебе готовые предложения.

- Договорились, - сказал Володя, - только имей в виду, что и нам скромным работягам городской управы трудно жить только на зарплату. Кое-что я намечу и для моих коллег, так будет спокойнее и легче решать эти дела.

- Понял, - ответил Антон.

С наступлением лета возникла проблема, чем занять детей. Пионерские лагеря по всей стране «приказали долго жить». И Антон предложил Лене взять отпуск и поехать с детьми на море. Отвёз Антон своё семейство на юг, пожил там несколько дней и поехал домой. По причине того, что, как ему казалось, из-за него прервалась переписка с Иваном Васильевичем, решил он сделать остановку и навестить старика.

Прибыл он в уже знакомый городок вечером. Домашний адрес Ивана Васильевича у него был, но искать в незнакомом городе улицу и дом не стал. Решил остановиться в гостинице, позвонить на квартиру, где сейчас жил сын Ивана Васильевича Володя и найти старика через него.

Володя от отца знал про существование Антона и когда тот ему по телефону представился, предложил тут же приехать и отвезти гостя к отцу. «Если можешь приехать и свезти меня к отцу, давай лучше сделаем это завтра утречком» - сказал Антон. Так и порешили.

На следующий день в восемь утра в дверь его номера и постучал Володя. Когда вышли на улицу, Володя направился к подержанному Фольксвагену на стоянке.

- Я приехал за вами на своей кормилице. Приходится подрабатывать извозом. Пенсию хоть и заслужил, но её на прожитуху не хватает, - проговорил Володя.

Когда мужчины уселись в салон автомобиля, Антон с интересом рассматривая иномарку, в салоне которой оказался впервые, спросил:

- И как этот немец бегают?

- Не хуже наших новых, хоть ему уже больше десяти лет. Все мы, уезжая из Германии, брали кто, что мог. Что позволяли деньги. Здесь в России я где только не дослуживал до пенсии. Была эта

машина и на Кавказе, и в Сибири. Всюду перегонял своим ходом!
– с гордостью за своё авто поведал Володя.

- Не подводит? - спросил Антон.

- Я за неё слежу, не позволяю подводить. Ремонтирую если что. Трудновато с запчастями, а так ни чего.

- И получается что-то на ней зарабатывать?

- Получается когда густо, а когда и пусто, но деваться некуда. Стою в очереди на квартиру. Вот когда получу, перееду в область, найду работу, тогда это занятие, конечно, брошу. А сейчас надо хоть сколько, но зарабатывать любым способом. Работал в здешнем ДОСААФе механиком. Но он развалился. До сих пор военкомат не выплатил зарплату за три месяца. Помещения передали городу, а кто будет платить нам долг по зарплате, ни как не решат. Арендую тут у одного мужика гараж, свою машину ставлю, занимаюсь ремонтом машин по мелочи. А когда нет клиентов, мотаюсь по городу, ищу клиентов пассажиров. Вот так и живём, - закончил свой грустный рассказ Володя.

- А заняться только ремонтом машин по крупному сможешь? - продолжил Антон.

- Мог бы конечно, но для этого много надо хотя бы деревянных. А где их взять? В нашем городке и настоящая-то СТО только одна. По гаражам, да по своим подворьям ремонтом занимаются многие. Но это всё мелочи. Для серьёзной работы, даже по ходовой, нужен подъёмник, инструмент, хотя бы один помощник.

- А если я вам с отцом на каких-то хороших условиях необходимую сумму подкину, свою СТО организовать сможешь? – вдруг спросил Антон, пристально уставившись на Володю.

- Имея деньги, сегодня у нас можно сделать всё, что угодно. Даже собрать самолёт или танк, не говоря уже о машине. А организовать мастерскую – пара пустяков. Главное, иметь своё помещение, - ответил, поёрзав на сидении, и почему-то краснея, Володя.

- Тогда ищи помещение. Лучше на покупку и оформляйте на отца. Он участник войны, полковник и прочее. На него же зарегистрируй и СТО. Найдёшь помещение - сообщай сколько нужно на него и на самое необходимое, а я постараюсь деньги найти и прислать. Только если покупать, то берите где-то в центре, с хорошим подъездом, чтобы было напряжение триста восемьдесят, водопровод и всё прочее. Пусть будет дороже, но такое. Его в случае чего легко будет продать или сдавать в аренду.

Когда подъехали к домику, где проживал Иван Васильевич, Антон, прерывая деловой разговор, сказал:

- Мне сегодня надо ещё и уехать в аэропорт. Мы тут с отцом маленько пообщаемся и в путь. А ты этот вопрос проработывай.

- Так я вас и отвезу в аэропорт, - оживившись, сказал Володя.

- Тогда приезжай часам к двум, а по дороге поговорим ещё.

4

Как и год назад встреча была неподдельно радостной. Иван Васильевич выглядел ещё молодцом. Его чисто выбритое лицо отдавало живым румянцем. Глаза, хоть и были окружены морщинами лет, были чисты, как у тридцатилетнего немного уставшего мужчины.

Иван Васильевич провёл Антона в небольшую обставленную простой мебелью переднюю, а сам вернулся в кухню и принялся заливать чайник. Антон вернулся в кухню и попросил Ивана Васильевича не беспокоиться. «А я и не беспокоюсь. Не беспокоюсь. Нечего тут беспокоиться. Вот только поставлю на газ чайник, а всё остальное к чаю у нас готовое. Сейчас вот посидим, поговорим, а там и хозяйка с ребятами придут», - тараторил Иван Васильевич. У ребят отработка в школе, а Амина что-то там обустраивает в своём кабинете.

На столе появились солёные огурчики, помидоры и бутылка с вином без этикетки, из кастрюли на газовой плите потянуло вкусными щами.

- Иван Васильевич, - извиняйте, но на этот раз только до двух. Володя отвезёт меня в аэропорт. Мне очень некогда, - сказал Антон.

- Ну, некогда так некогда. Откроем вот нашу домашнюю наливочку, побеседуем и поедешь, раз надо.

Когда выпили по одной, закусили и Антон похвалил наливку, Иван Васильевич сказал:

- Значит, говоришь, занялся бизнесом. Стал, как говорили мы когда-то, капиталистом?

- Капиталист из меня пока очень малюсенький. Толком пока не раскрутились. Так. Подобрали кое-что валявшееся, пустили с приятелем в дело и на заработанные деньги пытаемся работать. Оказывается, что надо быть очень ленивым или в доску бестолковым, чтобы в это, хоть и бандитское, неустроенное время не заработать. Вот, например, у нас там один бывший бульдозерист из УМР долго таскал на своём УАЗике металл на приёмный пункт. Осенью прошлого года в своём гараже стал принимать металлолом сам. Его ж у нас на стройке, на предприятиях, в оврагах, в лесах везде горы. Сами ж помните, как мы с вами сдавали в своё время. А сейчас уже у того мужичка свой вагончик, стоит козловой кран, поставил весы для взвешивания машин и загребаёт денежки. А мы что ж, хуже него? Я вот и не заметил, не знаю и сам, честное слово, не знаю, как втянулся в эти дела. Начали одно, а там, подворачивается другое выгодное и простое, потом третье, а для третьего нужно четвёртое и пошло – поехало. Только успевай крутиться. Со стороны, может, кажется, что всё очень легко и просто, но это не так. Крутиться приходится круглые сутки. Как учатся дети, чем занимается жена, толком и не знаю. Недавно вспомнил, как недосыпал после женитьбы. Так то, оказывается, были мелочи. Сейчас спать не приходится из-за того, что голова лопаётся от

того, что думаешь, думаешь и думаешь: как быть, что делать, где взять, с кем решить и прочее и прочее. Набегаешься за день, устанешь, а не спится.

- Тогда были дни твоей молодости, медовый месяц, а теперича вся держава на дыбы встала. Пришли её медовые месяцы и годы, - заключил хозяин.

- Ну, а как вы тут поживаете, - спросил Антон.

- Мы с Аминой работаем, мальчишки учатся. У нас всё есть, живём дружно, спокойно. Моя дочь учёбу закончила, вышла замуж. Я, разумеется, на свадьбу не ездил, но помог на все расходы. Наскрёб. Всё нормально. Чего ж ещё надо-то? Избёнку помаленько привели в порядок. Володя мой молодец, во всём помогает. Вот так и живём, - поведал о своей жизни Иван Васильевич.

- Как вы считаете? Ваш Володя сможет организовать свою мастерскую по ремонту машин? – неожиданно спросил Антон.

- Стать бизнесменом? – протянул, нахмутив брови, и на некоторое время замолчав Иван Васильевич, - не знаю. В таком деле не знаю. Как механик, он специалист толковый. Служил ведь многие годы зампотехом и батальона, и полка, и даже был главным инженером в дивизии. А там сам знаешь, сколько разной техники и кто ею управлял и обслуживал. Справлялся. Его ценили, долго не увольняли. В области временно у приятеля прописался, встал на очередь, ждёт квартиру. Там, думаем, найдёт и хорошее место. Подрастают внучата, там и учёба и всё прочее. А сейчас понемногу шабашит, вроде, не бедствуют? А ты чего спрашиваешь-то? Уж не хочешь ли забрать его к себе?

- Нет. К себе забирать мне его некуда. Мы тут с ним поговорили, я предложил ему заняться своим делом здесь. А частное предпринимательство я ему предложил оформить на вас.

- На меня!? Да ты что! Какой из меня, едрёна мать, предприниматель? Ты что Антоша? Нет, нет и ещё раз нет. Я не

смогу. Да мне это и не по нутру, - живо завозражал Иван Васильевич.

- Я же сказал, что на вас будет только оформлено его дело. Вы зарегистрируетесь, а он будет работать. Вы ж понимаете, что Володя прописку имеет только временную и не здесь, поэтому у него могут быть всякого рода трудности в работе. Это раз. А второе - на вас проще оформить СТО, проще приобрести помещение под неё. А работать, предпринимательствовать, это дело другое. Вы спокойно занимайтесь своими делами: работой, огородом, молодой женой и прочим. А Володя мужик ещё молодой, пусть крутится. Вы ж ему только поможете и всё. И мне спокойнее будет. Я ж не один работаю, в компании с приятелями. Деньги у нас пока общие, ответственность будет на мне. А Володя со своими руками и мозгами, опытом может хорошо развернуться. Мы пока будем оформлять и регистрировать это ваше СТО, в составе нашего ООО, а там видно будет. Вы что ж, против всего этого возражаете?

- Вот задал ты мне задачку, - заёрзав на стуле, сказал Иван Васильевич, - вот задал. Обложил меня так, что хоть и не по нутру, а не откажешься.

Высказавшись, Иван Васильевич в напряжении опустил голову, потом резко развернулся, глядя через запотевшее окошко в сад, с минуту помолчав, живо продолжил:

- Это мы с Володей ещё обсудим. Ему я, конечно, что попросит, помогу, но только без каких-то там махинаций. Штобы всё было по честному. И точка! Понял?

- Ну, абсолютно всё по честному сегодня ни у кого не получается. Кто костит налоги, кто платит работягам без бухгалтерской ведомости, нанятым без трудовой. Если сегодня у нас работать по честному, то надо налогов платить больше, чем зарабатываешь. Такое вот у нас сегодня законодательство. Главное, надо делать всё так, чтобы не возникало местное начальство, чтобы не насылали с проверками пожарников, налоговиков, санэпидемстанцию и прочих проверялок. Они за

горло берут крепче бандитов. Те установили свою мзду, и спокойно работай. А у всякого рода комиссий нет ни конца, ни края. Им дай, дай и дай хоть штаны свои продай, как говорит у нас там один предприниматель.

И как же ты выкручиваешься? – спросил Иван Васильевич.

- А по-разному. От бандитов прикрывает Виктор Петрович Рогатенко. Вы должны его помнить, он у нас комсоргом первой роты был. Мы его из полка направляли в милицейскую школу. Сейчас майор, оперативник. А от комиссий защищают бывшие горкомовцы. Все бывшие комсомольцы сейчас хорошо устроились в разных городских организациях.

5

Так и беседовали бывшие однополчане, пока не скрипнула калитка и мимо окна прошел Володя.

- Это за мной, - сказал, поднимаясь Антон.

- Обедать будешь? – спросил Иван Васильевич, когда вошел Володя.

- Нет, я из дома, - ответил сын.

Прибиравший со стола Иван Васильевич повернулся к сыну, держа в руках тарелку, бросил на сына быстрый взгляд и сказал:

- Ты знаешь, что тут этот мой бывший комсомолец затеял?

- Если ты про СТО, то знаю, - присаживаясь на стул, - спокойно сказал Володя.

- А на кого он придумал эту вашу СТО – МТО оформлять знаешь?

- Знаю, и поздравляю без пяти минут бизнесмена, - шуткой ответил Володя.

- Вы вот едрёна мать шутите. Вам всё просто. А дело то сурьёзное! – выпалил, вмиг вскипевший Иван Васильевич.

- Иван, Васильевич, Иван Васильевич, чего это вы так. Успокойтесь. Володя, что происходит с вашим отцом? Я не узнаю его. Когда-то он так здорово, по – отцовски меня успокаивал, вытирал мне сопли. А сегодня с седеющей головой полковника, приходится успокаивать нам с вами. И по какому случаю! – сказал Антон.

- А! Ну вас к чёрту! Шутите тут, издеваетесь над стариком. А мне вот не до шуток, – уже почти спокойно сказал Иван Васильевич и продолжил, - это он вспомнил случай, когда женился и ночи напролёт с молодой женой не спал. Просыпал на службу. Я, сынок, за него однажды даже политинформацию проводил. Помню, как тогда переживал и ревел этот салажонок. А теперича, нада ж. Меня наставляет, успокаивает, - лукаво посматривая на Антона, - ворчливо, но добродушно высказался Иван Васильевич.

- Да. Было дело. Было, - сказал Антон, - тогда был у меня медовый месячишко. Сейчас месяцы не свадебно – медовые, но тоже приходится недосыпать. Погодите, Иван Васильевич, погодите. Раскрутите тут с Володей своё дело, и вы про сон и покой забудете. Хоть вы уже и не молоденький, хоть у вас медовый месяц был и не один, но те ваши золотые деньки ещё вспомните. Счастье, благополучие и покой даются нелегко. Очень не легко. Сейчас у всех нас у всей страны, как вы сегодня сказали, своего рода медовые месяцы и годы. Правда, не семьи нарождаются, а сама новая жизнь, с чем всем нам приходится мириться и крутиться, крутиться и крутиться, сказал Антон и стал прощаться со своим бывшим начальником - наставником.

рассказы

Аргумент

Рассказ

1

Лёгкий тёплый ветерок нежно обдувал белую, без растительности спереди голову коренастого, с виду ещё крепкого мужчины. Из-за далёкого посветлевшего горизонта приготовилось выкатить и залить своим светом всё окружающее пространство солнце. Стоял мужчина на балконе недавно отстроенного стеклянного здания аэропорта небольшого сибирского городка.

В это раннее утро он встречал своего давнего друга, летевшего к нему в гости. Вот на посадочную полосу в полукilометре слева от вокзала с высокого неба свалился и резво побежал к лесу, шумно урча моторами, небольшой самолёт. Мужчина метнулся через небольшой зал ожидания к лестнице, спустился на первый этаж, и стал поближе к двери, через которую впускают прилетающих пассажиров, и стал ждать.

Полная, в чёрной форменной шинели, с уставшим от бессонной ночи лицом работница аэропорта неторопливо открыла дверь и в

её проёме появились первые пассажиры с прилетевшего борта. Через минуту среди голов входивших мелькнула и голова давнего друга. Сергей Владимирович подался вперёд и как только Павел Степанович появился в проёме двери, легонько подхватил его под руку, увлёк в сторонку и крепко обнял.

Эмоционально поздоровавшись, друзья прошли к выдачи багажа, получили небольшой, но тяжеловатый чемодан и направились на стоянку машин. Часа через полтора поездки по асфальту, гравийке, а потом и по лесной дороге «Нива» Сергея Владимировича затормозила у ворот его гаража на тихой деревенской улочке. Широкая неровная улица одним своим концом упиралась в черневший еловый лес, над неровной линией которого уже висело и ярко сияло светило, а вторым своим концом улица плавно спускалась вниз к речке.

Умывшись с дороги, мужчины уселись за стол.

- Вот тут я и проживаю, - сказал Сергей Владимирович.

- Не скучно в этой глуши, да ещё и одному? – спросил Павел Сергеевич.

- Понимаешь Паша, после Нади я не смог оставаться в квартире, где мы с ней столько лет прожили, не тянуло и к людям. Хотелось уединиться. Приехал в эти края, поработал, а с выходом на пенсию забрался сюда. Живу, как видишь, скромно. Сюда из домашнего скарба почти ни чего не взял. Привёз всю нашу библиотеку, многое ж было не прочитано, всё не хватало времени. Привёз и пополнил принадлежности для рыбалки.

- Помню, ты не плохо готовил, поэтому кухня для тебя не проблема, а как другие дела по хозяйству? Без женских-то рук, поди, трудноовато?

- А какие тут у меня хлопоты? Стирка да уборка? Водопровода нет. Поэтому стиралка самая примитивная. В бане воды нагрел, в машину залил, сунул туда тряпьё и все дела. Заготовок ни каких на зиму не делаю. Тут все соседи держат коров, кур, свиней. Молоко, масло, сметану, яйца, мясо бери сколько хошь.

Продают за копейки. На нашу с тобой пенсию здесь можно шиковать. Из коммуналки только электричество. Расходы только на еду, на одежду, да на железную кобылку. Даже картошку не сажаю. Единственная проблема, зимой надо топить печь. Обещают поставить в деревне более мощный трансформатор, так я тогда сделаю электрообогрев. Будет моя хижина комфортнее.

Поведав гостю о своём житье - бытие, Сергей Владимирович принялся расспрашивать своего дорогого гостя о жизни, как он выразился, на материке. Так за разговорами друзья и просидели за столом до полудня. Завтрак и привезенная Павлом Сергеевичем бутылка пятизвездочного притомили друзей, и они решили немного отдохнуть.

Когда часа через три Павел Сергеевич проснулся, кровать Сергея Владимировича была уже аккуратно заправлена, а его самого в доме не было. Павел Сергеевич быстро поднялся и вышел во двор.

Переместившееся к западу, ещё высокое солнце уже не пекло, но безветрие ещё сохраняло духоту. Вышедший из-под навеса, что располагался справа за домом, хозяин предложил Павлу Сергеевичу пройти в баню умыться: «А можешь холодненькой у колодца, если сохранил наши с тобой холодные обливания», - сказал Сергей Владимирович, указывая гостю на полотенце на бельевой верёвке.

- Пожалуй, пойду к колодцу, - ответил Павел Сергеевич, - пошли, плеснёшь на спину.

- Давай вытирайся, а я пойду собирать обед, - сказал Сергей Владимирович, выливши на спину гостя ведро студёной воды.

Серёж, давай повременим с обедом, а? Что-то ещё не хочется. Пошли лучше погуляем, смотри какая погодушка. Побродим, нагуляем аппетит, а потом и за стол.

- Как хочешь. Я, признаться, завтрака, обеда и ужина строго по времени не придерживаюсь. Когда захотел, тогда и ем.

Закрыв на крючок входную дверь дома, - других запоров на домах у нас не делают, пояснил Сергей Владимирович, друзья направились вниз по улице к голубевшей ленте неширокой речки. Когда мужчины миновали несколько открытых широких дворов, путь им преградила свернувшая с дороги и остановившаяся у добротного дома телега. С сидения спереди спрыгнул правивший лошадью стройный красивый юноша. С задка телеги с большой корзиной ловко спрыгнула небольшого росточка, в белой кофточке и длинной тёмной юбке неопределенного возраста женщина. Её спина и грудь были изуродованы горбинами. На спине горб был смещён ближе к правому, а спереди к левому плечу. Женщина окинула мужчин торопливым взглядом, кивнула головой в знак приветствия и шмыгнула в калитку. Юноша открыл ворота и тронул вожжами лошадь. Сергей Владимирович, видя, как пристально рассматривает его друг необычных сельчан, почти шепотом сказал: «Интересные у нас жители? Я тебе потом о них расскажу».

Метрах в ста от крайних дворов речка сделала плавный разворот влево и устремилась прямой лентой, ускоряя, при этом, свой бег, в смешанный лес. Когда мужчины ступили на широкую тропу вдоль её невысокого поросшего муравой песчаного берега, Павел Сергеевич потребовал рассказа о жителях деревни, где бросил свой якорь его друг.

2

Деревенька наша необычная, начал свой рассказ Сергей Владимирович. Из кого были первые поселенцы, тебе ни кто не скажет, но возникла деревня в двадцатые годы столетия прошлого. Сейчас тут всего сорок три подворья. Заметь, ни одного заброшенного дома нет. То есть, люди отсюда не уезжают, как теперь повелось во всех деревнях и сёлах России.

Наоборот, медленно, но новые подворья прирастают. Дома ушедших в мир иной одиноких жителей, тут же скупаются приезжими. Вольно здесь, тишина, покой. Хоть от райцентра и не далеко, но глуховато, потому что деревенька не проезжая, крайняя. Там за речкой тайга на сотни километров. Ниже нас по речке есть ещё несколько небольших деревень. А выше по речке райцентр, мы его с тобой проезжали. Вот и вся округа. Мы с тобой в конце улицы свернули влево, а если свернуть вправо, там на пригорке стоит дом одиноко проживающей не молодой женщины. Тебе б, Фоме неверующему полезно было поближе познакомиться с нею, но для этого надо здесь долго пожить. С первым встречным - поперечным женщина разговаривать не будет, не терпит и расспросов о своей судьбинушке. Кто только и как не пытался узнать о её жизни – бесполезно. Я живу здесь не первый год, потому кое-что от местных жителей уже о ней знаю.

Здесь жили её отец и мать. Отец и старший его сын воевали. Сын погиб, а отец пришел без ноги. Мужик был очень строгий и скрытный. Ни кто не знает откуда он тут после Гражданской войны с молодой женой появился. После войны у них родилась дочь. Школы здесь ни когда не было, а отец решил и добивался того, чтобы дочь получила хорошее образование. С первого класса и до окончания десятилетки девочка жила в интернате в райцентре. Потом в областном центре поступила в медицинский. После третьего или четвёртого курса забеременела, учёбу забросила. Рожала где-то у повитухи. Роды оказались сложными и необразованная женщина ребёнка изуродовала. Где, как жила молодуха с ребёнком уродой не известно. Приехала сюда только когда умер отец. Лет через несколько умерла и мать.

Здесьние старики про мамашу девочки инвалида рассказывают, что с малых лет за нею замечали необыкновенные её способности. Если она что-то требовала от ребят, даже на много старше неё, те безропотно всё исполняли. С появлением её здесь с ребёнком ни кто в деревне, ни одного худого слова в её адрес не сказал. Жила тихо, мирно. Заболела как-то тут одна женщина. Сейчас она уже в годах, живёт не далеко от меня. Так вот. К каким только докторам и знахарям не возил её мужик, чем

только не лечилась, ни чего не помогало. И вот однажды приходит Елизавета, так зовут эту необычную женщину, попросила всех из дому выйти. Осмотрела она больную и произвела лечение. Как лечила, что делала, больная и по сей день не знает. Говорит, выключилась я и всё. Очнулась, когда Елизаветы уже не было. На второй день женщина с кровати поднялась и про болезнь свою забыла. Здорова по сей день. Стали после того случая к Елизавете с разными болячками обращаться и другие жители нашей деревеньки. Вскоре о нашей знахарке молва пошла по всей округе, народ стал приезжать не только из нашего района и области.

3

«И всем помогает?» - спросил Павел Сергеевич. Наша знахарка женщина необычная. Берётся лечить только того, кому может помочь. Иным советует попить какой-нибудь травки, если конечно заболевание пустяшное, кому-то советует соблюдать диету и не переедать. Некоторым говорит, чтобы ехали в город к докторам. В общем, женщина толковая и не какая-нибудь хапуга. Поступает не так, как некоторые – помогут, не помогут, а лечат.

И вот однажды к нашей Елизавете приезжают женщина с сыном. Парень, как потом через много лет тутошние жители прознали, служил в части, которая обслуживала мощный радар. Парень, очевидно, хватил лишку облучения и у него возникли проблемы с половыми органами. Мать забеспокоилась тем, что сын не гуляет и не водится с девками, не тянется к ним. Долго она вразумляла сына, наконец, поведал он мамке о своей беде. Возила она сына, возила по разным больницам и врачам, всё бесполезно. Так и объявилась она однажды с сыном красавцем у нашей Елизаветы.

Дочери Елизаветы, той, которую ты сегодня видел, было уже за двадцать. Расспросила Елизавета парня обстоятельно о его жизни, поведении и самочувствии с самых ранних лет и велела выйти из комнаты и позвать мать. Когда мама несчастного юноши вошла, Елизавета и повела с нею разговор. Сказала женщине о причине и характере болезни её сына и, что она может вернуть её сыну его мужское здоровье, если он женится на её изуродованной телом дочери. Сказала, что если поженятся, жить будут долго и счастливо, что у них будут нормальные здоровые дети. А если сын после выздоровления бросит её дочь, то болезнь возобновится и уже после этого он навсегда останется неспособным на близость с женщинами. «Расскажите это вашему сыну. Если решит и захочет быть счастливым, пускай приезжает», - сказала Елизавета и позвала дочь. Знамо дело за тем, чтобы девушку увидела мать и сидевший в соседней комнате её сын.

Представляешь, в каком состоянии ехала отсюда мать? Как разговаривала с сыном, что передумал молодой красавец? Я, Паша, себе представить не могу. Но месяца через полтора разнесчастный парень в наше село приехал. После регистрации брака молодых в деревне объявилась бригада мужиков, засновали машины со строительным материалом. Быстренько мужики возвели Елизавете новый дом на берегу речки, а молодые остались жить в её доме. Через год у них родился сын. Ты его видел. Красавец юноша учится в университете. На каникулы постоянно приезжает к родителям. Счастливый его отец Сергей работает в райцентре. Жены своей он абсолютно не стесняется. Постоянно ходят с нею к друзьям и соседям в гости, часто принимают гостей и сами. Вот так-то вот. Чем ты закоренелый атеист объяснишь это? Как могла подействовать на парня наша Елизавета?

Тем временем друзья вышли на ровную, как стол поляну с чистым от мелких зарослей берегом. «Пойдём вон туда, - сказал

Сергей Владимирович, - там у меня оборудовано местечко. Посидим, полюбуемся закатом. В том месте, кстати, почти нет комаров.

«Что я тебе могу сказать по поводу твоего необычного повествования?» - сказал Павел Сергеевич, усаживаясь на гладкий, толстый ствол завалившейся сосны под небольшим обрывом метрах в полутора от быстрой воды. Я сам, да и кто-то другой вряд ли смог бы жить семейной жизнью с той бедной женщиной. Тут, безусловно, оказано внешнее воздействие на психику Сергея. И, конечно же, твой сидящий на небесах старичок боженька, как многие столетия изображали бога наши церковники, тут ни при чём. Воздействовала на Сергея, конечно же, Елизавета во имя счастья своей дочери. Такими способностями обладают многие. Есть люди, которые взглядом передвигают предметы, некоторые словно магнит поднимают и удерживают не лёгкие предметы. Возьми гипнотизёров. Перед своими сеансами массового гипноза, некоторых людей они просят из зала удалиться. Это ж факт?

- Согласен, - ответил Сергей Владимирович.

- А как он определяет этих людей? – продолжил Павел Сергеевич, - сеанс же, во время которого гипнотизёр устанавливает связь с нервной системой публики через слово, он же ещё не начинается. Во время сеанса он использует простой, лёгкий путь к психике собравшихся в зале через слово. Слово используется как проводник воздействия на психику людей. Так воздействовать сегодня могут обучиться очень многие. Но перед сеансом то, как гипнотизёр узнаёт людей, чья нервная система не поддастся его воздействию? Только через энергетику своего головного мозга. Только! Головной мозг живого существа это ж сильнейший энергетический источник. У одного человека он сильнее, у другого слабее, а у некоторых, как у вашей Елизаветы, он, очевидно, очень силен. Вот и всё. Биополе, а вернее было бы сказать электромагнитное излучение мозга живых существ, сегодня уже известный науке факт. Его учёные измеряют, через него на человека могут влиять. С использованием биополя

человека специалисты даже лечат некоторые заболевания. Так ведь?

- Да. Тут ты прав, - казал Сергей Владимирович. Но, согласись, не так тут всё просто. Тут ещё столько не познанного, столько неразгаданного, наука будет открывать тайны свойств биополя ещё столетия и столетия и вряд ли когда разгадает их все. Ты назвал меня верующим в бога. Да, я верю в бога и какие бы аргументы не приводили вы атеисты доказать, что нет бога вам не удалось и ни когда не удастся. Вон появились первые звёзды. Сколько их? Сколько галактик нас окружает, какие миры? Где начало и где конец вселенной и каков он? А что за концом мироздания, в чём вся наша вселенная помещена? Как это всё можно себе представить, вообразить, как объяснить своему сознанию, откуда это всё взялось, как образовалось?

- Насчёт формы твоего религиозного сознания я, Серёжа, конечно же, пошутил. Я же знаю и видел сегодня, какой ты верующий. В твоём доме нет ни одной иконы. Уверен, не ездешь ты и в церковь. Не замечен ты был в церкви и в нашем гарнизоне. Но природа, материя во всём её многообразии всё-таки не бог. Тут богом, скорее всего, является наука, которая в разгадке тайн природы сегодня уже достигла громадных результатов и которая сегодня говорит нам, что о природе мироздания мы ещё почти ни чего не знаем. Тут ты прав, говоря, что многие тайны природы долго, а возможно и никогда не будут разгаданы. Сегодня наукой признаны многие явления имеющими место быть, а объяснить их, возможно ни когда не удастся. Вот, к примеру, вещие сны и провидения. Ты, я уверен, в них веришь. Это так?

- А как тут можно не верить, коли это факт, - ответил Сергей Владимирович.

- Хорошо. А я вот тебе изложу тебе свою гипотезу этого явления. И ты в эту мою гипотезу можешь поверить, а можешь и не поверить, но ни подтвердить научно, ни отвергнуть её также научно, ни кто сегодня не сможет. Но это не значит, что это явление связано как-то с богом.

- Ладно, давай, вали свою гипотезу. Мне уже интересно, - сказал Сергей Владимирович и в пол оборота повернулся к своему другу, готовый внимательно слушать.

- Ну, вот смотри. Эйнштейн много лет назад сказал, что если взять двух близнецов и одного из них посадить в аппарат и отправить в космос со скоростью большей скорости света, то когда космический путешественник через много лет вернётся на землю, окажется, что он в том же возрасте, в каком был до полёта, а его оставшийся на земле брат, будет глубоким старцем. По - моему, как-то так. Путешественник преодолевая скорость света, преодолевает и время. То есть, он окажется в будущем времени. Не так ли, не таким ли путём видят события будущего предсказатели и видящие вещие сны? Только так с точностью до дня и минуты можно предсказать события, которые произойдут за день, за два, за десятилетия и даже столетия вперёд. Ведь жизнь так сложна и многолика, у каждого из нас столько явлений и событий, что если пытаться просто угадывать явления будущего, это будут только догадки, которые могут подтвердиться, а могут и не подтвердиться. В любой день и час могут произойти события, которые в корне меняют нашу жизнь, течение жизни и до предсказанного явления или события всё может сто раз измениться. Разве возможно предугадать всё многообразие этих событий и обстоятельств? Но ведь очень многие предсказатели, или как их сейчас называют экстрасенсы, предсказывают события очень даже точно. Примеров этого сколько угодно. А предсказатели эти, я тебе скажу, на сверхсветовом аппарате не летают. Так как же можно с такой точностью события видеть, знать? Тут, я думаю, учитывая слова Эйнштейна, происходит вот что. В нашей солнечной системе скорость света, как и электричества в сетях, примерно равняется трёмстам тысячам километрам в секунду. И зависит она от массы нашего светила, от мощности его энергетики. Но во вселенной есть планеты во много раз по своей массе, а значит и энергии больше нашего солнца. И они ведь тоже излучают заряженные частицы, как и наше светило. Там ведь тоже идут термоядерные реакции. Уже давно ученые улавливают на нашей планете

частицы, летящие к нам из далёкого космоса с разной скоростью. На Кавказе есть лаборатория в пещере под толщей горы. Заряженные частицы из космоса свободно пробивают толщу горы, теряют часть своей энергии на поэтому и становятся уловимыми. Некоторые частицы пронизывают всю нашу землю. Их движение и наличие учёные фиксируют, но чтобы поймать и изучать ещё не придумали такие приборы. Некоторые частицы учёные улавливали, используя толщу воды озера Байкал, погружая на его дно свои приборы. В любой воде, как известно, есть трёхвалентный водород, из-за которого тяжелая вода является идеальной защитой от радиации. Так вот, толща пресной воды, из – за этого, тоже является хорошим тормозом для летящих из космоса заряженных частиц. Частицы, испускаемые нашим светилом, мы все улавливаем потому, что мы зарождаемся и живём в окружении его энергетике. А головушки некоторых людей способны улавливать, а может замечать, реагировать на частицы большей энергии. Мозг этих людей, улавливая частицы сверхсветовой скорости, вполне возможно взаимодействует с ними, перенося сознание человека вперед, опережая наше земное время. Другими словами, происходит явление сродни преодолению скорости света этими людьми даже без сверхсветового корабля. Улавливая частицы с энергией и скоростью большей, чем скорость света в солнечной системе, они и оказываются в завтрашнем дне и, как бы, видят события, которые произойдут в нашей среде через какое-то время. Чем больше развита энергетика мозга этих людей, тем большей скорости частицы они улавливают и дальше видят предстоящие события. Вещие сны, в которые мы с тобой верим, и которые свойственны очень многим людям, явление такого же порядка. Кстати, старики, чей мозг проходит более долгий путь своего развития, видят вещие сны чаще. Ну, что? Логично я рассуждаю?

- Да, логики в твоих околонуточных суждениях через край. Но ни доказать, ни опровергнуть всё это твой бог наука не может и не сможет ни когда. А значит, не сможете и отвергнуть божественную составляющую этого явления.

- Серёжа, а сколько фантастических, самых невероятных гипотез в разные годы фантастами выдвигалось. И многие их гипотезы сегодня простая реальность. Мои суждения сегодня гипотеза, а кто его знает, что откроют учёные уже завтра, - сказал Сергей Владимирович и умолк.

Несколько минут мужчины сидели молча. Павел Сергеевич ни о чём не думая, неотрывно уставился на уже мерцавшие на неровной поверхности воды звёзды. Но вот, словно проснувшись, тихо подал голос Сергей Владимирович.

- Паш, а ведь уже поздно, а мы ещё не то, что не ужинали, мы ж ещё и не обедали. Пошли?

- Да, да. Пошли, - глубоко вздохнув, произнёс Павел Сергеевич, поднимаясь.

Домой мужчины шли молча, каждый погружившись в думы о жизни, о сути окружающего мира, о вселенной, наглядно представляемой густым месивом ярких звёзд висевшем над их убелёнными сединами головами. И только за нехитрым ужином, после стопки вкусной медовухи, купленной Сергеем Владимировичем у кого-то из селян, к ним вернулось желание говорить.

- Серёж, ты мне Сергея, мужа этой горбатенькой женщины как-нибудь покажи. А?

- Увидим, покажу.

- А что, он эту свою жену так ни разу и не оставлял? А может заводил подружек?

- Насчёт любовниц не знаю. В деревне разговоров не было. Но сказывали, что после рождения сына Мария, сказала Сергею, что отпускает его. Что не будет иметь на него зла после его ухода. Она, мол, благодарна ему за прожитые годы, любит его и хочет, чтобы он был счастлив с нормальной, красивой женой. После этих её слов Сергей подхватил жену на руки, поднял высоко над головой и сказал: «Ни когда, ни куда я от тебя не уйду. Я, - говорит, - был бы более счастлив, если бы ты нарожала мне ещё ребятишек». Но больше детей у них пока нет, да теперь уже, наверное, и не будет. Видел же ты, как она состарилась. С такими увечьями, сказывают, люди долго не живут.

Да-а-а. Протянул Павел Сергеевич. Тут у вас не всякий атеист устоит, чтобы не обратиться в верующего. Этот твой аргумент в споре о боге, очень даже веский. Но в основе всего этого всё же сложное явление природы.

После этого мужчины замолчали окончательно. Буркнули только друг - другу пожелания спокойной ночи, когда ложились спать.

Коммунисты

рассказ

Владимир Андреев в начале тридцатых годов поступил и окончил ветеринарный институт. Работать вернулся в свою родную деревню. В их три года от роду колхозе, в колхозах соседних деревень живности было не много: сотни по полторы крупного рогатого скота, десятка по два, от силы три, лошадей, по сотне - другой свиней. С первых дней работы в хозяйстве молодой ветеринарный врач обладатель диплома с отличием с головой погрузился в работу. До Андреева в колхозе, ясное дело, ветеринара не было. Молодому специалисту пришлось с первых дней заводить учёт о прививках животным хозяйства и результатах анализов крови, заболеваемости скота, падежа от заболеваний и прочем и прочем. Как ухаживать за животными колхозников учить надобности не было, а вот внедрять по научному селекцию, уход за коровами и свинопоголовьем, чтобы повышалась продуктивность животных, пришлось. Разумеется, пришлось для этого ломать и веками сложившиеся у сельчан некоторые ненаучные правила содержания животных. Дело это оказалось не простым, но когда внедряемые ветеринаром методы кормления и ухода за животными стали давать первые положительные результаты и колхозники убедились в правильности его требований, работать стало легче. Через пару лет о молодом специалисте заговорили во всём Ояшском районе, а парторг колхоза поставил вопрос о приёме его в члены ВКП(б).

Перед самой войной Владимира Ивановича перевели на работу в свиноводческий совхоз района. Контора хозяйства находилась в райцентре, а свиней выращивал совхоз в нескольких соседних деревнях.

С началом Великой Отечественной войны из области в район пришло распоряжение о резком увеличении поставок государству мяса. На экстренном совещании в райкоме партии

было принято решение об увеличении в хозяйствах района поголовья свиней. Хозяйствам, где имелись пойменные луга, приказали увеличить количество крупного рогатого скота. От всех колхозов потребовали как можно больше заводить лошадей. Лошади требовались для работы в хозяйствах, а райвоенкомат требовал сотни и сотни лошадей для отправки в Красную армию. После того памятного совещания секретарь райкома партии попросил Андреева задержаться. А когда кабинет опустел, сказал ему: «Военком срочно рассылает всем мужикам с образованием повестки. Таковых у нас в районе единицы. Списки мы с ним согласовали, на тебя направили ходатайство о наложении брони. Твоя война будет в коровниках, свинарниках и конюшнях. Это вопрос политический. Без харчей армия воевать не сможет. К тому же, в нашу область уже идут эшелоны с эвакуированными из Западных областей страны заводами. С ними едут сотни рабочих и инженеров. Госпоставки продуктов увеличивают и увеличивают. Срочно разрабатывай мероприятия по увеличению поголовья свиней и представишь их нам на утверждение».

Так и «воевал» Владимир Иванович до сорок третьего года. Только свиней под его надзором было более десяти тысяч голов. Днём и ночью колесил в кошеве ветврач по деревням, в которых располагались свинарники совхоза. Он строго контролировал уход и кормление животных, лечил заболевших, проводил профилактику заболеваемости, учил колхозных баб и пацанов давать лекарства заболевшим животным и делать уколы. Не было в деревнях, да и в райцентре достаточного количества врачей для жителей. Приходилось лечить и заболевших колхозников. В райцентре, а стало быть и дома, появлялся Владимир Иванович только если вызывали на совещания в райком или проездом через райцентр.

Осенью сорок третьего года к Владимиру Ивановичу подошла работница райисполкома и попросила на целых два дня лошадь и кошеву. В соседнем районе жила её сестра и ей нужно было срочно её навестить. Андреев женщину выслушал, но в просьбе вежливо отказал, заявив, что, во-первых, у него в разных

деревнях куча неотложных дел, а во-вторых, за это его могут здорово наказать.

Недели через две Владимира Ивановича вызвали к оперуполномоченному НКВД по району. Как только промокший, давно не бритый Андреев появился в кабинете уполномоченного, тот, не здороваясь, не предложив садиться, сразу задал ему вопрос:

- Свиньи в хозяйстведохнут?

- По несколько голов от недоедания, от болезней, из-за недостатка лекарств и отсутствия ветеринаров в нужном количестве,дохнут постоянно. Несколько голов для такого поголовья в наших условиях, это ещё хорошо, - ответил насторожившийся Владимир Иванович.

- Значит полученный нами сигнал правильный! Ты враг народа! Вместо того, чтобы лечить свиней, ты им делаешь специальные уколы и онидохнут. Ты арестован! – подвёл итог краткому разговору энкэвэдэшник.

2

Так Владимир Иванович Андреев оказался в следственной тюрьме областного центра. Какими только изуверствами не пытались выбить из бывшего члена ВКП(б) признание в подрывной деятельности ретивые особисты. Андреев из последних сил держался, все наветы отрицал.

. Однажды поздно вечером на допрос Андреева вызвали к другому следователю. Лысый маленького росточка, в очках с толстенными линзами старикашка, сначала, не открывая лежавшее на столе дело подследственного, долго расспрашивал Владимира Ивановича о его прежней, дотюремной жизни. Расспрашивал про учёбу в институте, про работу в колхозе и свиноводческом совхозе, о родственниках и друзьях, о его отношении к политике партии и прочем, и прочем. После этих расспросов, следователь развязал тесёмочки личного дела

подследственного, говоря при этом: «Вы, конечно, знаете, что наша партия осудила имевшие у нас место перегибы в борьбе с контрреволюционными элементами. Партия требует от нас по каждому советскому человеку, обвиняемому в измене Родине, тщательно разбираться, чтобы не допускать больше ошибок. Вот мне и поручено ещё раз изучить ваше дело, проверить, не допустил ли наш следователь в отношении вас ошибки. Открывши дело, старикашка низко склонился над столом, навёл бинокли своих очков на страницы дела и стал читать. В это самое время в тюрьме погас свет. Несколько минут следователь и подследственный сидели молча в кромешной темноте. Но вот открылась дверь, и молодая женщина внесла в кабинет и поставила на стол следователя керосиновый фонарь. Следователь при слабом свете фонаря наклонился над столом ещё ниже. С трудом читая бумаги, он медленно водил костлявым пальцем по строчкам бумаг, не обращая ни какого внимания на подследственного. Владимир Иванович, тоже уставился в бумаги своего дела. Чёткий текст, напечатанный на пишущей машинке и подписанный секретарём райкома партии, он прочёл в одно мгновение. Некогда расхваливавший лучшего специалиста района секретарь писал о том, что враг народа Андреев исключен из партии, райком партии требует покарать его по всей строгости советского закона... Ещё один лист в его деле был написан аккуратным каллиграфическим почерком партийной активисткой из числа эвакуированных, работавшей в райисполкоме уполномоченной по госпоставкам и всегда пламенно выступавшей на партийных собраниях. Бумага была написана той самой женщиной, которой Владимир Иванович не дал попользоваться своей служебной лошадью. Это был донос о смертельных уколах свиньям.

А допросы, пытки и разные издевательства продолжались. Только на испуг расстрелом его из камеры выводили трижды. Делалось это всякий раз так. В ходе допроса особист говорил ему: «Сознаёшься в подрывной работе в пользу Гитлера, будешь жить. Отправим тебя в шрафники, или в трудармию, будешь там искупать свою вину. Не признаёшься - сейчас же выведем и

расстреляем». Их, таких как Андреев, выводили на испуг расстрелом по семь человек. Семь стрелков заряжали по команде винтовки, целились и стреляли холостыми патронами или мимо. Некоторые бедолаги такую пытку не выдерживали, сходили с ума, а иные ещё до команды «пли» мёртвыми падали от разрыва сердца.

Несговорчивых, таких как Андреев, выдержавших даже угрозу расстрела, часто помещали в камеры к блатным. Последним, по всем признакам, разрешалось творить с политическими всё, что угодно. Конец этой придумке тюремщиков положил один случай.

3

Как-то под утро в камеру, где находился Андреев, охранники впихнули здорового, ростом в два метра, прилично одетого мужчину с небольшим чемоданом. Блатные сразу поинтересовались кто он, за что арестован и что у него в чемодане. Новенький без испуга перед наглой братвой ответил, что он заслуженный геолог орденоносец. Орден получил за открытие важных для страны полезных ископаемых, коммунист, арестован по недоразумению.

- Ясно, - процедил главарь рецидивист, - тут все такие, как ты по недоразумению. А что в чемодане?

- В чемодане у меня только шелковые майки и трусы. Я привык носить только такое, вот и взял с собой, как самое необходимое.

- А нам тоже шелковые ма-е-ч-ки и тру-си-ки подойдут, - с ухмылкой протянул бандит, - открывай чемодан, посмотрим.

- Это ещё зачем? Не буду я вам ни чего показывать. Оставьте меня в покое, - сказал гордый геолог.

Главарь кивнул своей шестёрке и тот, кривляясь, с наглой ухмылкой на помеченной шрамами морде, направляясь к геологу сказал: «Щас, братва, я его сделаю сговорчивым». На что геолог невозмутимо сказал, чтобы его оставили в покое, иначе он ни за что не отвечает. И только подошедший бандюга замахнулся

на геолога кулаком, как тот долбанул его по морде так, что тот с окровавленным лицом отлетел метра на два и недвижимо улёгся головой к узкому оконцу камеры, широко раскинув в стороны руки. Как по команде все блатные попрыгали с нар и кинулись к великану. А тот ловким движением руки вырвал с рядом стоявших деревянных нар доску и начал нею по головам и спинам их лупить. Двоих он забил до смерти, остальным наломал костей рук, ног и рёбер. Оставшиеся в живых уркаганы, расползаясь по своим нарам, из окровавленных ртов выплёвывали зубы, зажимали обильно кровоточившие раны на стриженных головах, стонали, матерясь последними словами.

Открылась дверь камеры и вошел начальник караула в сопровождении нескольких вооруженных охранников. Начальник караула осмотревшись, спокойно сказал: «Он же вас предупреждал, зачем полезли? - а после короткой паузы добавил, - пожалуй, новенькому и политическому у вас будет не очень удобно. Мы заберём их в другую камеру».

За ноги охранники выволокли из камеры убиенных, а геолога и Андреева перевели в камеры, где содержались только политические.

4

После суда тройки в трюме старого скрипучего парохода по широкой и быстрой Оби Андреев отбыл в лагерь на лесоповал. В день прибытия в лагерь Владимира Ивановича отвели в кабинет к начальнику. Поздоровавшись с новичком за руку, седовласый начальник лагеря велел Андрееву снять свой добротный пиджак, повесить его в шкаф, стоявший тут же в кабинете. Там взять и одеть другой.

- Будешь у меня прорабом, - ошарашил полковник Андреева.

- Но я же могу только коровам хвосты крутить, - возразил Владимир Иванович.

- Живности у нас в лагере нет никакой, поэтому нет и ветеринарной должности, а грамотный человек, к тому же бывший член нашей партии, на прораба подойдёт.

5

Отсидев от звонка до звонка свою десятку, Андреев вернулся домой. Узнавший о возвращении Андреева секретарь райкома партии, пригласил его к себе на беседу.

Поздоровавшись кивком головы начал секретарь разговор о делах, а увидав, как вскипел и набычился пару минут назад казавшийся мертвецом, сгорбившийся, с желтым в морщинах лицом его собеседник, заговорил о том, что он помнит Владимира Ивановича как прекрасного специалиста, без которого району все эти годы, особенно в войну, было очень тяжело. А когда секретарь сказал, что Владимира Ивановича решили назначить на должность главного ветеринарного врача района, и что незамедлительно ему дадут хорошую квартиру, Андреев, не помня себя, подскочил к секретарю, обеими руками схватил его за горло и, весь дрожа, сквозь стиснутые до боли зубы прохрипел: «Ты сука тогда за меня не заступился, поддакнул той дешевой бабёнке. Теперь я урка, если я ещё раз тебя увижу, загрызу зубами, порву на куски этими руками. Мне уже терять нечего. В лагере туберкулёз съел мои лёгкие».

Переведя дыхание, Владимир Иванович швырнул хозяина района на стул и, сильно хлопнув дверью, вышел.

Через неделю секретарь из района куда-то исчез. Новый секретарь райкома партии фронтовик орденосец тоже пригласил Андреева на беседу. Почти до конца своей недолгой жизни Андреев отвечал за здоровье и благополучие всей живности района. Его полностью реабилитировали, восстановили в партии, как и раньше его уважало районное начальство и жители всех деревень района. Вот только пожил он после лагеря очень мало. Арест, допросы и лагерь подорвали здоровье некогда крепкого сибиряка.

На братских могилах не ставят крестов

И жёны на них не рыдают...

В.С. Высоцкий

Братская могила

Очерк

В деревне Турчаново Воловского района Липецкой области есть братская могила бойцов Красной армии, погибших в годы ВОВ. В ней покоятся останки более 400 защитников Отечества. Сорок семь из них безымянны. До недавнего времени безымянных бойцов в этой могиле значилось 48.

В 2013 году в списки там захороненных, решением областного военного Комиссариата Липецкой области и администрации Воловского района занесено имя моего отца – Перепелятникова Николая Дмитриевича и на одного неизвестного покоящегося в этой могиле стало меньше.

Долго был мой путь к этой дорогой для меня братской могиле. В похоронке, полученной моей мамой в марте 1943 года, место захоронения отца значилась деревня Воронцовка Вишнедолговского района Орловской области. В годы войны в Орловской области был Вышнедолговский район, переименованный в послевоенное время в Должанский. К Вышнедолговскому району в годы войны относилась и деревня Воронцовка Замарайского сельского поселения Воловского района. В 1954 году при образовании Липецкой области эти земли в неё и были переданы. Деревня Воронцовка находится

примерно в 300 метрах от нынешней границы с Орловской областью.

В Орловской области в Краснозоренском районе в годы войны была деревня Воронцовка. Туда недобросовестные работники Орловского областного военного Комиссариата многие годы меня и ориентировали. В селе Орево этого района, а оно расположено рядом с бывшей деревней Воронцовкой, есть и братская могила. В эту-то братскую могилу по версии орловского военного Комиссара, якобы и были перезахоронены останки моего отца, в виду того, что в бывшей деревне графа Воронцова не осталось жителей, и захоронения из неё перенесли в братскую могилу села Орево. Трижды с сыновьями, дочерью и внуком ездил я в с. Орево. Возлагали мы венки и цветы на братскую могилу. Но через местных жителей села Орево, при помощи председателя Совета ветеранов села Красные Зори и местных жителей мы установили, что в Воронцовке Краснозоревского района ни каких захоронений, ни когда не было. Ни какие перезахоронения, естественно, оттуда и не производились. В братской могиле села Орево покоятся останки четырёх наших разведчиков, которые осенью 1941 года у с. Орево напоролись на засаду немцев и в бою погибли. Проживавшая рядом с местом гибели разведчиков женщина перетащила тела погибших в рядом находившуюся яму, где сельчане для своих нужд брали глину и прикопала несчастных. Там и покоились те разведчики долгие годы, пока в 1986 году их не перезахоронили со всеми почестями в братскую могилу у сельского кладбища Орево. Директор Оревской школы нашел нам и бывшую школьную пионервожатую, участвовавшую в перезахоронении разведчиков. Больше в ту могилу, поведали нам свидетели перезахоронения, ни кого, ни когда не хоронили. Я написал об этом орловскому военному комиссару, а он мне в ответ пишет, что тех разведчиков хоронили в уже существовавшую братскую могилу. Тогда бывшая пионервожатая поведала, что прежде чем хоронить разведчиков, они с тогдашними директором школы и председателем сельского совета долго подбирали место, где

рыть ту самую братскую могилу. Выбрали место на совершенно чистом месте.

С председателем Совета ветеранов Юрием Викторовичем Федосовым, руководством Оревской средней школы и жителями села, мы установили место ещё трёх не обозначенных и не облагоустроенных захоронений в районе их села. На сегодня одно захоронение уже эксгумировано, имена похороненных там пяти красноармейцев установлены, перезахоронение произвели со всеми почестями, над могилой установлен памятник.

Дальнейшие поиски повели меня в Воловский район Липецкой области. Приехали мы с младшим сыном в Волово поздно вечером. Глава района Багров Сергей Петрович был на работе и принял нас. Главе Замарайского сельского поселения Селищеву Сергею Дмитриевичу он тут же приказал свозить нас на братскую могилу в Турчаново, оказать нам всяческую помощь в ночёвке, во встречах с местными жителями. Преклонных лет мужчина житель Воронцовки, которому в 1943 году было семь лет от роду, показал нам место, где были захоронены наши солдаты, погибшие при освобождении их деревни в январе 1943 года. В виду запустения деревни в 1975 году захоронение перенесли в братскую могилу села Турчаново. Он всему этому свидетель. Глава района позвонил и своему заместителю, который был в отпуске, попросил его выйти на следующий день на работу, чтобы помочь нам в поисках.

Так с помощью Воловчан я узнал, что именно в день смерти моего отца 29 января 1943 года воинская часть, в которой воевал отец (519 сп, 81 сд, 13 армии) находилась в деревне Воронцовка Замарайского сельского поселения Воловского района нынешней Липецкой области.

Имена многих бойцов похороненных в деревне Воронцовка и на высотах у реки Кишень, на горе Огурец, за которую шли ожесточённые бои и где наши дивизии понесли очень большие потери, остались неизвестными по одной простой причине – при погибших не было ни документов, ни медальонов. Даже те солдаты, которые изготавливали медальоны из стреляной

гильзы патрона и хранили их в карманах одежды, в ходе боя могли запросто их потерять.

Жители деревень Воронцовка и Замарайка рассказывали, что после того, как наши войска отогнали немцев подальше от их поселений, по полю боя быстро пробежали несколько военных. У погибших наших бойцов они собрали документы и побежали догонять своих... Когда женщины, старики и подростки хоронили наших солдат, то у кого из погибших находили в карманах медальоны из патронов, письма или какие-то другие записи с именем погибших, записывали фамилии и отдавали списки начальству. У многих солдат в карманах ни чего не было...

Документально известно, что все захоронения времён Великой отечественной, находившиеся в лесах окрест деревень Воронцовка, Замарайка, Турчаново и некоторых других, были перенесены в братскую могилу села Турчаново. Во время войны в Турчаново дислоцировался военный госпиталь. Умерших в нём красноармейцев хоронили рядом. Так и образовалась та братская могила.

Собранная нами информация не оставила у меня сомнений где покоятся останки моего отца. С моим заключением согласились военный Комиссар Липецкой области и администрация Воловского района. Почему-то до последнего возражал только военный Комиссар Орловщины. Ознакомившись с собранным мною материалом, он даже послал письмо в центральный архив МО в г. Подольска с утверждением, что останки моего отца всё - таки покоятся в селе Орево. Пришлось мне письмом в МО и в центральный военный архив попросить ответственных работников этих учреждений объяснить орловскому военному Комиссару, что в ходе боёв во время ВОВ хоронить погибших солдат за двести с лишним километров не возили... Кстати, сведения о названии районов Орловской области в годы войны и послевоенных их переименованиях от военного Комиссара Орловской области я получил только после обращения в МО. Сколько времени было потеряно, сколько информации я мог бы

получить от местных жителей Воловского района в семидесятые и восьмидесятые годы... Но бог им судья орловчанам.

И вот, отмечая в январе 2013 года семидесятилетие освобождения Воловского района от немецко-фашистских захватчиков, военный Комиссариат Липецкой области совместно с администрацией Воловского района в списки захороненных в братской могиле села Турчаново внесли и имя моего отца. 9 мая того же года с сыном мы в первый раз возложили на могилу моего отца цветы и венок. Не могли не посетить то дорогое для нас место и 9 мая 2015-го.

На сей раз, в Турчаново была ещё одна подобная нам семья. Надолго склонилась над надгробием могилы женщина моих лет. Рыдая, молясь и причитая, она тихо говорила: «Как же нам тяжело без тебя жилось после войны. Как мы надеялись, что раз ты пропал без вести, то рано или поздно придёшь домой. Не дожидаясь до этого дня мама, старшие брат и сестра, сколько лет мы тебя искали...» Не мог я не побеседовать с той женщиной. И вот что она мне поведала.

Несколько лет назад поисковики - энтузиасты на бывшем поле брани нашли останки солдата, при котором был нехитрый солдатский медальон. Криминалистам удалось прочесть фамилию, имя и отчество рядового Токарева М.С. отца той женщины. Владимир Семёнович Высоцкий написал, что «на братских могилах не ставят крестов, и жены на них не рыдают...» Как точны эти слова для дня сегодняшнего. Подавляющего числа жен погибших солдат и покоящихся в братских могилах уже нет в живых. А тем, кто дожил до дня сегодняшнего, уже за девяносто. Но братские могилы не остаются в забвении, их посещают дети фронтовиков, внуки и правнуки.

Районные власти Воловского района к семидесятилетию Победы привели в надлежащий порядок все захоронения Великой Отечественной на территории их района. Восьмого мая власти сельских поселений провели митинги общественности на братских могилах с возложением венков и живых цветов. В селе Турчаново преклонил колено и склонил голову над могилой

своих павших боевых товарищей сияющий свежей позолотой бронзовый солдат красноармеец с ППШ.

Около часа пробыли мы с сыном на братской могиле, и всё это время туда подъезжали и подъезжали автомобили, дети и внуки похороненных в братской могиле. Они внимательно просматривали списки погибших, возлагали цветы, подолгу молча стояли, изредка вытирая промокшие глаза...

Освобождение

очерк

Тридцатого декабря 1942 года к городу Элиста вплотную подошли наши части. Немцы в спешке отступали. Город был полон немецких солдат, многие из которых напевали: «Ком цю рик...», что в переводе на русский означает – иди домой. Солдаты, как вспоминает моя тётя Софья Ильинична, поражением под Сталинградом и отступлением их частей ни сколько не были огорчены.

В тот день с раннего утра в большой, просторный дом, в котором на время войны остались только семнадцатилетняя Соня и её мама, ввалилось много солдат. Но вот на пороге дома появился важный генерал и кто-то из немцев крикнул: «Ахтунг!» Все вскочили и вытянулись, приветствуя высокого начальника. Сверкнув из под козырька фуражки стеклышками моногля, генерал следом за своим ординарцем молча проследовал через кухню и спальню в переднюю. Солдаты тут же кинулись вон из дома. Генерал, войдя в комнату, сбросил накидку из лисьего меха, которую лихо подхватил ординарец, и присел на кушетку возле которой стояла плохонькая тумбочка. Опершись локтем правой руки на тумбочку, генерал подпёр ладонью голову и застыл в таком положении.

Ординарец с большим портфелем прошел на кухню. Там он открыл портфель, достал из него и поставил на стол спиртовку. Зажигалкой зажег её, из портфеля вынул и поставил на

спиртовку маленькую сковородочку. С минуту подождав, вынул из портфеля маленькую бутылочку и плеснул из неё на сковородочку немного растительного масла. Потом вынул из портфеля небольшую жестяную коробку, открыл её, взял и положил на сковородку небольшую колбаску, из пакета насыпал на сковородочку яичного порошка. Кружкой из стоявшего рядом ведра набрал и плеснул на сковородочку немного воды и, несколько минут перемешивая, готовил еду. Когда вкусно пахнувшая еда была готова, немец загасил спиртовку. Из портфеля вынул большой термос и маленькую чашечку. Из термоса он налил чашечку плохо пахнувшего кофе. Потом вынул из портфеля большую красивую бутылку и стакан. Из бутылки налил в стакан вина. После этого из бездонного портфеля извлёк небольшой поднос, из продолговатой железной коробки вынул и положил на поднос нож и вилку, на поднос поставил сковородку, вино и кофе. Лихо подхватив поднос, понёс его в комнату, где сидел генерал. Войдя в комнату, он молча поставил поднос на тумбочку, сделал шаг назад, с поклоном что-то пробормотал и вышел.

Моя юная любопытная тётя внимательно за всем происходящим наблюдала через не закрытую дверь в кухни и через щель неплотно закрытой двери передней, где был генерал. Минут двадцать генерал неподвижно сидел в прежней позе. К своему завтраку он так и не притронулся...

По моим данным это был генерал лейтенант Герхард Граф фон Шверин, командир усиленной 16 мотопехотной дивизии из группы армий «А», которая действовала на левом фланге группировки войск, рвавшейся через Северный Кавказ к бакинской нефти. Задачей дивизии было обеспечение левого фланга группировки, а по возможности и выхода к Волге, взятия Астрахани, чтобы перерезать важную артерию снабжения СССР нефтью из Баку.

Барон фон Шеин происходил из старинной военно-аристократической семьи, участвовал в первой мировой войне, закончил ее в звании старшего лейтенанта. Накануне второй

мировой войны был переведен из Генштаба в дивизию «Великая Германия», участвовал в боях в Бельгии и на Сомме. В апреле 1941 года фон Шверина, как грамотного штабного офицера, обладающего опытом руководства маневренными частями, перевели в северную Африку. Там подразделение Шверина отличилось в боях при штурме оазиса Мехели, взяв в плен 2000 британских военнослужащих, в том числе двух генералов. После этого фон Шверина перевели на Восточный фронт, где он командовал войсками в районе Ленинграда. 17 января 1942 года полковник получил Рыцарский Крест. С переводом на южное направление фон Шверину было присвоено звание генерал-лейтенанта. Приняв 13 ноября под командование 16 мотопехотную дивизию, Шверин использовал весь свой богатый опыт ведения маневренной войны. Он искусно оборонялся и выводил от окружения свои части, наносил неожиданные мощные удары по флангам и тылам частей 28 армии. Даже окружение нашими войсками армии Паулюса, усложнившее в связи с этим обстановку в полосе действия его дивизии практически ни как не сказалось на боеспособности частей Шверина. И, тем не менее, ему пришлось спешно бежать на запад.

Так чем же был в то раннее морозное утро обескуражен этот опытный вояка? О чём он думал в доме моей бабушки, куда зашел позавтракать, но так и не притронулся к еде? Почему? Может в те минуты в его не глупой голове уже созрело понимание наступившего перелома в войне, конец, крах военной авантюры против русских? Этого мы, к сожалению, уже ни когда не узнаем. Но факт остаётся фактом, что уже в то время, когда немецкие дивизии сделали самые первые шаги отступления, в головах их воинства, даже высшего руководства, что-то стало переворачиваться. До самопускания в эти головы девяти граммов свинца в висок ещё дело не дошло, но что-то уже крепенько туда проникло.

...Очнувшись словно от глубокого сна, немец решительно встал. Быстро вошедший ординарец накинул на него меховую накидку, и генерал направился из дома. Ординарец схватил с тумбочки поднос, вбежал на кухню, спиртовку и всё содержимое подноса быстро упаковал в портфель и побежал за генералом. Обогнав босса, он открыл ему дверку автомобиля, захлопнул её,

когда уселся на сидение генерал, обежал автомобиль с другой стороны, сел рядом с генералом и автомобиль, обгоняя медленно двигавшиеся тяжело груженные машины, укатил на запад.

Рано утром первого января в город вошли наши.

Мне в те дни исполнилось всего три года, и тем не менее, детское сознание сохранило некоторые эпизоды нашего бытия тех дней. Во время боёв за город, Вознесеновку и Троицкое (Сёла расположены в десятке километров одно севернее Элисты, другое - юго-восточнее) я помню темноту погреба, где на лавке укутанные какими-то одеждами сидели мы с двоюродной сестрой Лидой. Помню сильный «бу-у-у-х». Это в нескольких десятках метров на нашем огороде, как потом мне рассказывали взрослые, взорвалась наша авиабомба.

Проходя службу в городе Северске Томской области, мне посчастливилось пожать руку Русакову Василию Герасимовичу, который пилотом ИЛ-2 в составе группы наших самолётов из 289-го ШАД бомбил в тот день город Элисту. Рано утром первого января я проснулся от суеты в доме. Мама, тётя, бабушка и дедушка метались по дому на всякий случай, готовясь покинуть дом. В доме было светло от огромного пожарища. Страшные, кроваво красные перемешанные с чернотой языки пламени занимали всё пространство окон нашего дома. Горела запаленная немцами школа, которая стоит метрах в ста от нашего дома через улицу, где во время пребывания в городе немцев был их госпиталь.

Ветеран «хулиган»

Рассказ

Матвей Гаврилович Гермашев родился и вырос в Калмыкии. Его отец погиб в пятнадцатом в Германскую.

Семья бедствовала. С тринадцати лет парнишке пришлось зарабатывать на жизнь, помогать матери растить двух младших сестренок. Ездил на заработки на Кубань - и даже в Донбасс - на шахту. В шахтёры его из-за малолетства и худобы не взяли. Трудился разнорабочим наверху.

Шла-тянулась уже советская жизнь. После семилетки Матвея, очень хотевшего учиться, колхоз направил в Ростовский сельскохозяйственный техникум. После учебы призвали в армию. Отслужил три года на Дальнем Востоке, а тут и новая война с немцем подоспела....

В августе сорок первого военкомат Элисты мобилизовал тысячи голов лошадей и сотни военнообязанных. Лошадей и мужиков направили в спешно формировавшийся артиллерийский корпус. Жарким летом сорок второго корпус доставили в Сталинградскую область, и своим ходом он двинулся на запад навстречу стремительно наступавшему врагу.

Шли двумя колоннами днём и ночью. Высоко в небо поднимались тучи пыли - тягачи и конные упряжки тащили орудия, снаряды и другое имущество артиллеристов.

Как только колонны переправились через Дон, в небе появилась «рама». А через полчаса над правой колонной появились и стервятники с чёрными крестами на крыльях...

Бывалые солдаты левой колонны, в которой на бричке ехал ветеринар Матвей Гаврилович, видя столбы черного дыма над соседней колонной, заговорили о том, что им надо бы срочно рассредоточиться по степи, укрыться в балочках и оврагах, поросших кустарником. Но brave командиры и политруки гнали и гнали колонну вперёд. А самолёты немцев, разделавшись с правой колонной корпуса, вскоре появились и над левой. Шли они на малой высоте плотными группами одна за другой.

Команда «Рассредоточиться!» явно запоздала. В считанные минуты от колонны осталось кровавое месиво и горы исковерканных орудий, машин, тягачей, телег и разного рода

имущества, догоравшего в огромных кострищах. Степь была усеяна трупами людей и лошадей. Самолёты, выполнив свою кровавую миссию, улетели, а остатки колонны уже окружала доставленная автомашинами немецкая пехота.

Матвей Гаврилович и два его чудом выживших товарища подбежали к раненному, пересыпанному землёй своему командиру. Тот глянул на них печальным взглядом и на вопрос что делать произнес: «Спасайтесь ребята, как можете».

Целый месяц Матвей Гаврилович шел на восток за линией фронта. Придя домой, немного отдохнул и устроился на работу к табунщику подальше от города. Пас лошадей. Недели через две в степи появились разведчики наступавшей Красной армии. Вредный старший табунщик калмык приказал срочно грузить на телегу имущество и гнать лошадей на запад в направлении Дивного. Но Матвей Гаврилович и два его товарища калмыки, вынув чеки из колёс нагруженной телеги, развернули табун и погнали лошадей на восток в сторону Астрахани, оставив на слетевшей с колёс телеге табунщика...

Вернувшийся в город из эвакуации военкомат после короткой проверки вторично призвал Матвея Гавриловича в действующую армию - и опять направил в артиллерийские части ветеринаром. Снова потянулись тяжелые военные будни.

Воевал в лесах Белоруссии, прошел всю Польшу. На передовой он, практически, не был, в атаки не хаживал, но под артобстрелами и бомбёжками приходилось бывать много раз.

Старший сержант Гермашев, ветврач артиллерийской дивизии, закончил войну в поверженной Германии. На его груди красовались медали и два ордена.

2

В послевоенные годы в СССР большинство кинофильмов были про войну. Матвей Гаврилович смотреть их не мог. Во-первых, большинство кинолент войну рисовали, как он говорил, не настоящей. Во-вторых, немногие правдивые кадры

кинофильмов вызывали у него до боли сердца тяжкие переживания.

Но вот на экраны страны вышел фильм Александра Столпера «Живы и мёртвые». Газеты, радио и, главное, многие фронтовики заговорили о том, что этот фильм правдиво рисует минувшую войну.

Мы с мамой ещё до моего поступления в военное училище жили в семье Матвея Гавриловича. Я к тому времени лейтенант Советской армии, приехал домой в отпуск.

По телевизору у нас в Зеленогорске Красноярского края показывали нашумевший фильм Столпера. Удалось мне, почти круглосуточно занятому на службе, видеть некоторые куски той ленты. Когда я появился в доме Матвея Гавриловича, он в первый же день стал спрашивать меня про фильм. Но я ни чего толком рассказать не мог. И тут в Элисте появились афиши «Живых и мёртвых». Дядя и послал меня в билетную кассу кинотеатра.

Билетов я достал только два и на последний сеанс. Фильм снят двумя сериями, каждая серия состоит из двух частей. В кинотеатре Родина демонстрировались сразу обе серии с перерывом меж ними в двадцать минут.

После просмотра первой серии сильно расстроенный Матвей Гаврилович быстро вышел на улицу и юркнул за угол. Уже прозвучал второй звонок, когда он появился у входа в кинотеатр в подпитии. Началась вторая серия. Матвей Гаврилович вынул из-за пазухи чекушку водочки и два плавленых сырка. Один сырок он сунул мне, быстро открыл четвертинку и протянул её сначала мне со словами: «Давай за выживших и погибших. Я вот выжил, а твой же батька погиб... На фронте только этим и спасались от увиденного и пережитого». Я отхлебнул из горлышка пару глотков, проглотил сырок. Матвей Гаврилович в несколько приёмов четвертинку опустошил и через несколько минут, успокоившись, уснул, положив голову на моё плечо.

Когда закончился фильм и в зале зажегся свет, Матвей Гаврилович мигом проснулся. Был он бодр и спокоен.

В тот поздний час домой нам пришлось топтать пешком. Как это и бывает, я, полный впечатлений от увиденного, заговорил о просмотренном кино. Матвей Гаврилович остановился, повернулся в мою сторону и тихо попросил: «Давай не будем об этом...?»

В свете полной луны, лицо его было посуровевшим, напряженным. Несколько минут в тихой ночи мы шагали молча. Потом Матвей Гаврилович начал рассказывать анекдоты. Обычно, он не то чтобы смеяться после рассказанного им смешного оригинального анекдота, даже не улыбался, подчёркнуто изображая на лице лукавую мудрость знатока жизни. Но в тот раз после очередного рассказанного анекдота он почему-то смеялся не меньше меня. При чём, от души насмеявшись, он вопрошал ко мне примерно так: «А что ты думаешь, в жизни так не бывает? Всё это вымысел?» И, не дождавшись моего ответа, начинал рассказывать какую-нибудь историю из жизни, с аналогичным сюжетом, потом лил и лил смешные остроумные анекдоты дальше.

Под конец нашего долгого пути из грустного, погруженного в себя, Матвей Гаврилович превратился в бодрого, живого, энергичного человека. Казалось, что в нём что-то проснулось до толе спавшее в глубинах души, что в нём сейчас кипит энергия молодого задорного человека и ему сейчас не за пятьдесят, а каких ни - будь тридцать с маленьким хвостиком.

Это его настроение незамедлительно передалось и мне. И когда мы подходили к нашему дому, мне очень не хотелось заканчивать наш путь. Усталость дня куда-то исчезла, спать ни сколечки не хотелось. Я готов был раскинув в стороны руки, кружить по ровному недавно проложенному тротуару, птицей взмыть в глубины низкого в свете луны блеклого неба.

В таком прекрасном настроении мы и вошли в калитку нашего дома.

Я постучал в окно спальни и через минуту за окном послышался голос тёти: «Матвей, это вы»? Только я хотел ответить, как Матвей Гаврилович метнулся ко мне, ладошкой плотно зажал мне рот и, приложив указательный палец к своим губам, тихо произнёс: «Тшшш». Я промолчал. Тётя снова, уже строже спросила: «Кто там»? А Матвей Гаврилович, увлекающая меня за собой, прижался к стене дома, чтобы нас не было видно из окна, молчал. Молчал и я. Тётя принялась зажигать керосиновую лампу (Электричество, вырабатываемое в Элисте в то время дизелями, на частный сектор подавали только до одиннадцати ночи). В это время Матвей Гаврилович постучал в окно ещё раз. Тётя с зажженной лампой подошла к окну, в которое мы стучали и произнесла: «Кто там хулиганит? А ну уходи пока я не подняла мужиков! Они тебе сейчас бока наломают! Уходи с богом!» Мы, притаившись, молчали. Тогда тетя прошла в дальнюю комнату и разбудила мою маму. Пока тетя ходила за мамой, Матвей Гаврилович громко и настойчиво стучал ещё несколько раз. Проходя через кухню, где была сложена русская печь для выпечки хлеба, мама вооружилась увесистой кочергой, а тетя Соня прихватила ухват. С зажженной лампой женщины ходили от окна к окну, пытаясь увидеть «непрошенного гостя». Но мы таились надёжно.

Пока мама и тетя ходили от окна к окну, Матвей Гаврилович стучал и стучал в разные окна дома. Твёрдость в голосах перепуганных женщин быстро пропала, и свои угрозы «хулигану» они уже произносили чуть ли не сквозь слёзы. Я, чувствуя, что с нашим розыгрышем мы зашли уже далеко, шепотом предложил Матвею Гавриловичу откликнуться. Но он свой розыгрыш продолжал. Наконец моя мама не на шутку вскипела, подошла к входной двери и говорит тете: «А чёрт с ним! Открывай дверь, я его проклятого сейчас этой кочергой!» Тихим голосом тетя стала возражать, но мама громко и настойчиво просьбу повторила. И в это самое время Матвей Гаврилович, постучавши во входную дверь громко произнёс: «Выдчиняй

двери, бо завэртку отгэпаю!» (Открывай дверь, а то вышибу запор двери.)

Тут же за дверью раздалось: «Ах ты чёрт!» В один момент дверь широко распахнулась, и из её чрева вылетели, разъярённые женщины. Мы тут же метнулись через двор в огород. Двор от огорода отделяла с метр высотой изгородь с высокой калиткой, запиравшейся как со двора, так и с огорода. Я, хоть и занимался спортом, в высоту прыгал только на уроках физкультуры в школе. Но в той ситуации сходу перемахнул через загородку. Бежавший следом Матвей Гаврилович крикнул мне: «Калитку, открой мне калитку!» Я мигом открыл калитку, сорвав крючок, запиравший её со двора и когда влетел Матвей Гаврилович захлопнул её, зажав между калиткой и столбиком тётينو оружие. Калитка от этого не запиралась и мы, получая кулаками мамы и тёти по спинам, надёжно её удерживали от напиравших. Наконец пыл женщин стал стихать. «Ветеран войны! Орденоносец! Как человек пошел смотреть про войну! А на деле самый настоящий хулиган! Надо было бы чёрту старому для полной картины ещё б и медали нацепить!» - ворчала отходившая от перепуга тётя. Ругаясь, женщины отошли от калитки. Мы вынули зажатый ухват и заперли калитку на крючок. «Ни чего, ни чего! Долго в саду не просидите. Придёте как миленькие. Мы вам ещё покажем», - неслоь в наш адрес со двора. Наконец, выговорившись вволю, сёстры ушли в дом, заперев входную дверь.

Матвей Гаврилович до самого рассвета просидел на пеньке под пышной кроной абрикосы. А я по доскам сеновала, примыкавшего к изгороди, забрался в него через вентиляционное окно. Остаток ночи я провёл на душистом сене...

Уже припекало солнце, когда во дворе послышался голос тёти: «Ну ладно! Хватит прятаться. Идите, завтракайте. Сегодня лупить вас не будем. Но знайте, что за вами должок. Будете окаянные отрабатывать».

Хромая за затёкших ногах, отпер калитку, и смело вошёл во двор Матвей Гаврилович, а за ним и я.

Мы помалкивали, уплетая завтрак. А женщины ходили вокруг стола, и все выговаривали и выговаривали нам за нашу проделку. Правда, ворчали они уже не очень зло.

Ни какой работой нас наши женщины особо и не нагрузили, но долгое время к Матвею Гавриловичу тётя обращалась не иначе как хулиган. «Андрей, - иди, позови нашего хулигана ужинать» - говорила, например, она. Или: «Я пошла на работу, а ты хулиган, когда поедешь в ветлабораторию, заедь на станцию, выпиши уголь». И такое обращение к бедному ветерану продолжалось не день и не два. Добрая душа Матвей Гаврилович на это только добродушно ухмылялся и безропотно исполнял все указания.

Первый учебник

Рассказ-быль

Родился я в 1939 году. Осенью 1947 года должен был пойти в первый класс. Но. Время то было послевоенное. К тому же у нас в Калмыкии, как и во всём Среднем и Нижнем Поволжье случилась сильная засуха, свирепствовал голод. Мой папа с войны не вернулся, погиб. У меня, у стареньких бабушки Ульяны и дедушки Дмитрия Ивановича единственным кормильцем осталась моя мама, работавшая в колхозе.

В колхозе работало много женщин, мужья которых не вернулись с фронта. Чтобы облегчить участь вдов и детей погибших на фронте солдат в предстоящую голодную зиму, председатель нашего колхоза Иван Трофимович Гончаров, прошедший нелёгкими дорогами войны, осенью того года отправил вдов фронтовиков с детьми на Чёрные земли со скотом.

Чёрными называются земли, прилегающие к Каспийскому морю потому, что даже снежными зимами холмы и целые участки степи там бывают не покрыты снегом – чернеют на фоне в целом покрытой снегом степи. С давних пор скотоводы

Калмыкии и даже восточных районов Ставропольского края, перегоняли туда стада коров и овец на зимний подножный прокорм. Ведь степи Калмыкии засушливы, сенокосных угодий, практически нет, негде косить сено скоту на зиму. Травы в степи едва хватает на прокорм скота с весны до осени.

«Нет у нас в этом году хлеба, но возле отар овец и гуртов крупного рогатого скота как-нибудь перезимуете», - сказал Иван Трофимович, отправляя нас в дальний путь.

На точке у артезианской скважины (Ныне посёлок Артезиан), возле гурта коров нас ребят и девочек от пяти до четырнадцати лет зимовало человек восемь. Среди нас была девочка Тоня Пастернакова, окончившая к тому времени четвёртый класс. Когда наши мамы уходили пасти стадо, или работать в кошару мы в хорошую погоду катались на льду возле артезианской скважины. (Из неё вода постоянно фонтанирует, а над высоко поднятой над землёй трубой постоянно горит факел газа) В дни, когда бывала плохая погода, все мы сидели в нашей тесной саманной избе. Часто играли в школу. Тоня была нашей очень строгой учительницей. Как могла она учила нас считать, читать и писать. Писали мы одним единственным на всех карандашом на обрывках газет, которые где-то доставал для своих самокруток одорукий гуртоправ добродушный дедушка Онуфрий. А единственным чтивом у нас был журнал Мурзилка, который мне перед отъездом на Чёрные земли подарила сестра моей мамы тётя Ефросинья.

Тоня и ребята уже посещавшие школу, на наших уроках читали нам малышам тот номер Мурзилки. Я не знаю года выпуска и номера того журнала, но до сих пор запомнил рассказ о маленьком чёрном бедном мальчике, который зарабатывал себе на пропитание продажей питьевой воды. Большой кувшин воды он носил по улице своего города на курчавой голове и кричал: «А! Гу –а! Холодная вода!».

Через месяц наших уроков чтения все мы знали тот журнал наизусть, но читали и слушали читавших очень внимательно. Однажды со мной приключилась такая история.

Как-то перед новым годом, когда я ещё не умел толком читать, на нашу точку приехало несколько человек из правления колхоза. Гости, гуртоправ и наши мамы расположились за нашим учебным дощатым столом в центре комнаты, решали какие-то производственные вопросы. На улице дул сильный холодный ветер. Гулять нас мамы не отпустили, не было и наших уроков. Забились мы по разным углам и занимались кто чем. Скучая, я слазил под нашу кровать, вынул из маминого чемодана мою Мурзилку, уселся на кровати, стоявшей в дальнем углу, и принялся тихонько читать. Наша учительница Тоня строго глянула в мою сторону, и я стал читать так, как она всегда требовала на своих уроках – громко и с выражением.

Когда закончилось совещание, какой-то приезжий дяденька, изумившись моим хорошим чтением, подошел ко мне, желая высказать похвалу, и увидел, что журнал я держу верхом вниз. Смеясь, он громогласно объявил о моём чтении. В комнате раздался дружный смех, а я закрыл журнал, отвернулся к стене и с горя заплакал...

Смех, смехом, но читать то я за ту зиму научился отлично. И когда на следующий год я пошел в первый класс, моим одноклассникам, изучавшим только буквы, на уроках чтения я читал рассказ Л.Н.Толстого Филипок. Тут со мной опять приключилась история.

В рассказе Л.Н. Толстого Филипок есть такое предложение: «Филипок так и замер...» Слово Филипок в учебнике «Родная речь» было напечатано в конце строки. Учебник был новенький, а его страницы крепко прошиты. Из-за сильного изгиба мне было видно только начало слова, а оно было напечатано с переносом. Буквы «Фили» были напечатаны на одной странице, а буквы «пок» на другой. Читая предложение, и не видя всего слова, я читал: «Филипок пок так и замер...» Учитель остановил меня и попросил прочесть это предложение ещё раз. Я снова прочёл его точно так же. После этого учитель подошел ко мне и расправил изогнутую страницу учебника. Понявши свою оплошность, я сел, положил руки на парту, на них голову и заплакал. Зашумели, ни

чего не понявшие мои одноклассники, а учитель несколько минут стоял возле меня, гладил меня ладошкой по голове, успокаивал, расхваливая моё чтение.

Пятёрки от нашего учителя, уволенного в запас офицера фронтовика, я получал не только по чтению, но и по арифметике. До окончания начальной школы оценки мне снижали только за правописание (тогда была такая дисциплина в начальной школе) - у меня был и остался на всю жизнь очень плохой почерк. А это потому, что и в первом и во втором классе, как и на Чёрных землях, мы писали на газетах, из которых мастерили себе тетрадки. Тетрадки в клеточку, в линию, и для правописания в наших элистинских школах появились, когда я уже окончил четвёртый класс.

Я успешно окончил среднюю школу, военное училище, на отлично окончил исторический факультет Университета, но всегда помню мои первые уроки и ту Мурзилку, которая была моим самым первым, самым дорогим и главным учебником.

Двое

рассказ

Тихо продвигавшийся по ровной лесной дорожке автомобиль тупо качнулся и остановился. Двое, уже не молодых в нерешительности повернули головы в сторону друг - друга и несколько, казалось очень долгих секунд, смотрели на сидящего рядом робким, каким-то недоуменным взглядом. Она вопрошала: "Что происходит? Как это я тут оказалась: в лесу, в автомобиле, наедине с человеком, которого вижу впервые? Что со мною? Не сон ли всё это...?" А он в свою очередь: «В моём автомобиле, в этом чудном осеннем лесу, приятной внешности дама. А может это сон? Как это я так вдруг? Поговорил десять минут по телефону с женщиной, которая ошиблась номером и вот это создание здесь со мной наедине. Она полностью доверилась мне, поверила в мою порядочность в это страшное

время! Она поехала со мной, зачем? Почему? Она страшно одинока? А может несчастна?...»

Те секунды, пока они молча рассматривали друг - друга обоим показались вечностью. Надо было что-то говорить. Но что? С чего начать разговор?...

Он первым нарушил молчание. Сухим, ватным языком, каким-то чужим голосом начал монолог о прекрасной погоде и чудесной картине природы за окном. Потом немного осмелел, но всё равно словно куда-то опаздывая, в какой-то спешке, скороговоркой предложил своей пассажирке выйти прогуляться. Та молча сразу начала перебирать ручки на двери автомобиля, пытаясь открыть её. Дверь не открывалась, и он пулей метнулся вон из автомобиля, обежал его спереди. И уже хотел было потянуть за ручку дверь, но она открылась. Привезенное им в лес чудо птичкой выпорхнуло наружу, а выпрямившись, оказалось своим перепуганным личиком у самого его лица. На мгновение их вопрошающе широко распахнутые своей глубиной глаза встретились в упор. Ни он, ни она решительно не отвернули глаз. Продолжали смотреть в глаза друг - другу даже тогда, когда он решительно взял ее руки в свои и, осторожно увлекая за собой, направился к краю высокого берега широкой спокойной в этот вечерний предзакатный час реки. Когда остановились у края обрыва, замерли очарованные увиденным.

Внизу широкой, величаво спокойной гладью разливалась свои воды широкая река. Только в нескольких местах водная гладь была потревожена небольшими порывами легкого осторожного ветерка. А на высоком берегу ветер не ощущался вовсе. Солнце огромным, красновато желтым диском величавое зависло над самым горизонтом, обозначенным на противоположном берегу пиками елового леса, готовое наколоться на острые верхушки ёлок, а потом скрыться в непроглядную тьму леса. Но пока оно, отражаясь в спокойной воде, словно тысячи прожекторов слепило лица этих двоих очарованных увиденным, и нежно согревало своим последним теплом их лица.

Широко открытыми глазами жадно всматриваясь в мельчайшие детали представшего их взору действия угасания дня, они смотрели и ни чего не видели, ни о чём не думали. Они пребывали в сказочном сне.

- Господи, а как же я попаду домой! - со страхом в голосе сказала она, когда за лесом скрылось солнце и быстро стали густеть сумерки, - я выбежала из дома без ничего. У меня нет даже на автобус.

- Зачем автобус. А машина? Она что, Вас не устраивает или не внушает доверия своею ветхостью?

- Вы меня отвезёте домой?

- Если позволите.

- Тогда скорее, ради бога, скорее...

Видавший виды автомобиль заурчал мотором и проворно побежал по лесной дороге, ярко освещая стоявшие у обочин величавые с коричневыми боками сосны - колонны огромного лесного дворца.

Когда автомобиль покатыл по ровному асфальту городской улицы, он спросил:

- Куда вас доставить?

- Здесь везде прямо, а где повернуть я скажу.

В её голосе, при этом, появилась какая-то тревожная нотка. Из-за этого его охватило волнение, он сник, радостное настроение погасло. Она почувствовала это и тоже сникла. После нескольких томительных минут пребывания в таком состоянии, пытаясь разрядить тягостную атмосферу, она, уже прежним ласковым, исходящим из каких-то тёплых уголков её души голосом, произнесла:

-Всё хорошо. Всё очень хорошо...

Очнувшись, он произнёс:

- Вам правда было хорошо?

- Конечно! Конечно! Очень! – выпалила она

И его грудь мгновенно наполнилась жаром, а лицо озарила радостная улыбка. Он крепко сжал баранку и повеселевший мотор легко, словно на крыльях понёс автомобиль сквозь городские сумерки.

- Ой! Я приехала. Остановите мне, пожалуйста, здесь.

- Автомобиль тонко подсвистнул тормозами и замер, прижавшись к обочине.

- Вон мой дом. Мои, кажется, на кухне, готовят ужин. Я укатила, ни чего не приготовила. Ладно. Я побежала. Она открыла дверь, вышла из автомобиля и замерла, не решаясь уйти.

- Мячиком, перепрыгнув через рычаги управления, он выскочил из автомобиля, а оказавшись перед её личиком, уверенным, спокойным голосом, не позволявшим не ответить, спросил: «Мы ещё увидимся?»

Она сначала утвердительно кивнула головой, а потом решительно и твёрдо сказала:

- Почему не встретиться, что тут плохого?

- Вы правы. Кто нам указ? Кто может нам запретить делать то, чего мы хотим? Мы разумные взрослые люди.

Она повернулась, чтобы уйти, а он почти выкрикнул:

- Извините, простите! Как Вас зовут!?

Она резко развернулась и они дружно расхохотались.

Успокаиваясь от смеха, она тихо пропела своё имя. Суховато, по форме представился и он.

Проворным движением руки он вынул из нагрудного кармана визитку, протянул ей. Потом из внутреннего кармана куртки достал маленькую записную книжечку и карандаш, записал её телефоны.

- Ну, теперь всё. До свидания, обронила она и перебежала на тротуар.

Он медленно обошел автомобиль, неотрывно глядя на таявшие в темноте очертания её фигуры, медленно сел на своё водительское место, завёл мотор, и уехал.

Добежавши до угла дома, она остановилась, неожиданно крепко обняла тёплый ствол молодой рябины и замерла, широко открытыми глазами провожая красные огни его автомобиля. Потом оттолкнула рябину, порылась в сумочке, нашла и подальше спрятала жесткую атласную бумажку, вынула ключи и пошла в подъезд дома.

Куколка

Рассказ-быль

В город на Волге волею судьбы офицера я приехал в начале восьмидесятых. При знакомстве с полусонным областным центром многое мне, прослужившим почти четверть века в Сибири, казалось странным, интересным, привлекательным, а кое-что и удивляло. К примеру, еду я однажды на своём жигулёнке по одной из главных, очень широких улиц. На дороге начертано четыре полосы движения в каждом направлении. Неожиданно нагоняет меня автомобиль ГАИ с включенными проблесковыми маяками на крыше. В громкоговоритель инспектор приказывает мне принять вправо и остановиться. Я тут же выполнил его команду, готовясь к проверке документов, но гаишники поехали дальше, не остановившись. Я в недоумении что происходит, стал озираться по сторонам. Заметил, что на ближайшем и на перекрёстках впереди и сзади меня стоят милиционеры в парадной форме, перекрывая движение. Через минуту показался кортеж из чёрных волг спереди и сзади сопровождаемых автомобилями ГАИ. Кортеж пронёсся мимо на большой скорости, и на улице возобновилось движение. Подумавши, что в город приехал как минимум член политбюро, я подъехал ко всё ещё стоявшему на перекрёстке милиционеру и

спросил: «Кто приехал?». Выряженный в парадную форму страж порядка с гордостью в голосе поведал мне, что это первый секретарь ОК КПСС поехал в район... Меня, несколько дней назад приехавшего из Томской области это поразило.

Первый секретарь томского ОК КПСС Егор Кузьмич Лигачёв везде ездил один, без сопровождающих его лиц и без милицейской охраны. Мне не единожды приходилось видеть, как приехавши на строящийся ТНХК, он выходил из своей служебной волги, подходил к багажнику, открывал его, вынимал из его чрева резиновые сапоги, снимал туфли, обувал сапоги. Туфли аккуратно ставил в багажник машины и отправлялся по стройке. Водитель, при этом, оставался на своём месте. А тут такая помпезность...

Второе, что меня удивило, так это то, что многие водители старались не ездить в центр города. А если очень надо было, старались не ехать по центральной улице мимо ЦУМа. Меня тоже предупредили, чтобы лишний раз я туда не совался. Как оказалось, дело было в том, что там часто несла службу стройная, красивая и очень строгая инспектор ГАИ. Мало кто знал её настоящее имя, но все знали кто такая «куколка». Так прозвали ту стройную и красивую девушку инспектора ГАИ водители. Меня поразило то, что водители боятся только одного инспектора. «Неужели в этом городе есть только один настоящий инспектор?» - рассуждал я тогда.

Лет через пятнадцать, на уже изрядно потрёпанном том же жигулёнке, ехал я узкой улочкой правобережья. Вдруг на дорогу выходит полная женщина в милицейской форме и взмахом руки велит мне остановиться. Я принял вправо, остановился. Женщина открыла правую переднюю дверь машины, грузно плюхнулась на сидение и потребовала подвезти её до ГАИ. Я очень торопился по делам службы, и ехать по запруженной автомобилями улице к ГАИ времени не имел. «Тогда доведите меня до своей работы, а там уже не далеко. Поехали», - сказала женщина.

Но трогать автомобиль с места я не спешил. Женщина резко повернула голову в мою сторону, спрашивая взглядом, в чём

дело. Я тихо произнёс: «Ремень». «Что!?» – рыкнула правоохранительша. «Ремень», - спокойно повторил я. Взбешенная женщина рванула ручку отпирания двери автомобиля, пулей вылетела вон и трахнула дверь так, что машина качнулась. С минуту я неподвижно сидел пораженный произошедшим. А всё дело в том, что в той полной женщине я узнал инспектора ГАИ, которую когда-то звали куколкой...

- Был в городе один настоящий инспектор и того не стало, - размышлял я в те минуты.

«И виновато в том не только время, - изменившее наших правоохранителей и внешность «Куклки», - говорю я себе сегодня, вспоминая тот случай, - а что-то другое, в борьбе с коим что только не предпринимали наши власти. Ни чего не помогает. Даже переименование дорожной инспекции, на что выкинули не один миллион денег российских налогоплательщиков.

Земляки

Рассказ-быль

Родился я и жил до окончания средней школы в небольшом городке, столице Калмыкии Элиста, что стоит среди бескрайних степей Прикаспия. После окончания военного училища очень много пришлось мне попутешествовать по просторам тогдашнего СССР. В начале восьмидесятых я был переведен на службу начальником отдела политработы Управления войск на берега могучей Волги.

Рядом со штабом Управления дислоцировался один из подчинённых нам полков. Недели через две после вступления в новую должность собрался я куда-то ехать по своим делам. Вызвав служебную автомашину, прохаживался в её ожидании у КПП полка. В сторонке за

территорией полка я заметил человек пять солдат калмыков, окруживших молоденькую девушку нашу с ними землячку. Ребята весело разговаривали кто на русском, кто на калмыцком языке, шутили, смеялись. Из обрывков доносившихся фраз я понял, что девушка приехала проведать служившего у нас своего младшего брата. А в очередной раз проходя мимо весёлой компании я неожиданно услышал, как кто-то из моих земляков приглушенно заговорил на калмыцком, а все остальные умолкли и в знак согласия закивали головами. Моего запаса знания калмыцких слов хватило, чтобы понять, о чём пошла речь.

В речи солдата я расслышал слова: «Мельгун, ашать, рака...» Мельгун по-калмыцки деньги. Рака – спиртное. Ашать – кушать, пить. Услыхав эти слова, я расстроился, а подойдя к землякам, сказал: «Рака ашать?» Мгновенно мои земляки бросились в приоткрытые ворота воинской части и скрылись из виду. А девушка, держа в руках небольшую холщёвую сумку, засемила через дорогу в улочку частного сектора, поминутно с опаской оглядываясь на меня.

Скрипнул тормозами подъехавший мой изрядно потрёпанный уазик и я уехал по своим делам, попросив командира комендантского отделения полка, присмотреть за шмыгнувшими в часть ребятами, чтобы они чего-нибудь не сотворили.

Недели через две зашел я в полковую столовую соседнего же полка проверить, как выполняется изданный по моему предложению приказ о совершенствовании организации приёма пищи личным составом в солдатских столовых частей. Суть вводимого

новшества заключалась в том, чтобы командиры отделений за столами садились с краю от прохода, а первые и вторые блюда раскладывал в миски солдат отделения, который сидит напротив командира отделения. В случае нечестного раздела пищи командир отделения в этом случае не заявит, что ни чего не видел и ни чего не знает. Весь спрос будет именно с него.

Проходя в тот раз вдоль солдатских столов, за одним из них я и увидел младшего сержанта моего земляка. Он был в группе своих земляков у КПП полка, решившей послать девушку за спиртным. Сержант, ловко орудуя ложкой, быстро доедал суп. Я медленно подошел к нему, наклонился к самому его уху и тихонько сказал: «Махан уга (Мяса нет?)»? – и пошел дальше. Парень нервно бросил на стол ложку, встал, вышел из-за стола, подошел ко мне и попросил разрешения обратиться.

- Обращайтесь, - ответил я.

- Товарищ патпальковник, скажи, откуда ты нашенький язык знаешь? – Спросил коренастый крепыш.

- Ты откуда призывался? – Вопросом на вопрос ответил я.

- Кальмикия. Элиста, - ответил земляк.

- А где живёшь в Элисте? - Продолжил я расспрашивать.

- На улица Красная.

- От моста через Элистинку далеко?

- Третий дом справа.

- А я жил на Ленина 176, это метров сто пятьдесят от вашего моста.

- Ясна. Разрешите идти? – Просиявши, сказал сержант.

-Сян ашать (Хорошо кушать, приятно кушать) – сказал я ему и пошел дальше.

В отчётах командования полка ни один мой земляк не значился в списках лиц, допустивших грубые нарушения воинской дисциплины, до самого окончания ими службы. А служило их у нас всего-то десять человек.

Переполох холостяка

рассказ

Дружбе Максима и Сергея почти два десятка лет. Вместе учились в школе с первого класса и до получения аттестатов зрелости, вместе посещали кружки спортивные и художественной самодеятельности, часами в школьном дворе гоняли футбол. После окончания школы их жизненные пути-дороги разошлись. Сергей поступил в Московский институт и по его окончании уехал работать на Урал. Максим остался учиться, работать и жить в своём городе. Но крепкая дружба парней по-прежнему продолжалась: они регулярно перезванивались, переписывались в социальных сетях мировой паутины, были неразлучны, когда приезжал в отпуска Сергей.

Сергей ещё в институте женился. Максим же с женитьбой не спешил. Когда жена Сергея забеременела, будучи человеком немного суеверным, об этом он особо не распространялся. Не сообщил этого даже Максиму.

В тот памятный день с раннего утра Сергей мотался по делам работы весь день. Где-то, как он выразился, посеял свой сотовый телефон. По пути домой заехал в магазин «Евросеть» и купил новый аппарат. Приехавши домой поужинал, часок поваялся на диване у телека и приготовился, было, ложиться спать, как жена вдруг сказала: «Скорее одевайся, поехали. Мне пришел срок». Быстро одевшись, Сергей осторожно вывел жену во двор дома, усадил в стоявший под окном автомобиль и осторожно повёз в

родильный дом. Поскучавши в опустевшей квартире минут сорок, перед тем, как отойти ко сну, он позвонил в роддом узнать о самочувствии жены и получил от медсестры известие о том, что у него родилась дочь.

Счастью и радости молодого папаши не было предела. Он тут же схватил сотовый телефон, написал СМС сообщение и послал его родителям своим, жены и самым близким друзьям.

Чутко спавший в ту ночь Максим услышал два коротких сигнала своего сотового. Рукой он нашарил на прикроватной тумбочке телефон, открыл СМС сообщение. А прочитавши его, вскочил, как ошпаренный, сел в кровати и стал лихорадочно думать. А подумать было о чём. Ведь незнакомый абонент написал: «У нас родилась девочка...»

-Которая ж это родила? - думал разнесчастный парень, - Ленка, так я же с ней познакомился всего месяца четыре назад. Вика? Но мы с нею расстались года полтора назад. У неё давно есть парень и ребята говорили, что она уже собирается за него замуж. Но тогда кто?

Неожиданно встревоженную голову парня осенила мысль. Он включил в комнате свет, снял со стены у компьютерного стола календарь и стал лихорадочно считать дни и месяцы. Отсчитал девять месяцев назад, но в то время подружки у него не было. Бывает, что рожают в восемь и даже в семь месяцев, но чтобы в четыре? Для верности своих выводов он открыл проклятое им СМС, записал на клочок бумаги номер телефона, с которого оно было отправлено, и начал листать имена всех своих абонентов, сверяя номера телефонов с записанным. Этого номера в памяти его телефона не было. «Или кто-то меня разыграл, или перепутали номер», - твёрдо решил Максим и успокоился. Он выключил в комнате свет и лёг в кровать. Но только он закрыл глаза, как тут же подскочил. Встревоженный, он несколько минут молча шагал по комнате, потом сел на кровать, подпер голову руками и задумался: «Чёрт возьми, неужели это случилось тогда на рыбалке? Но с кем? Тогда нас парней было трое, а девочек четверо. С кем же я тогда был? Вот дурак, набрался тогда так, что ни чего не помню. Неужели залетел? Но с кем, которая из тех

четверых? Так. Тут узнать просто. Завтра же позвоню ребятам, кто-то из них должен помнить».

Перепуг снова прошёл, сильно захотелось спать, а за окном от малинового зари востока уже светлело небо. Максим лёг в кровать и уснул. А через час зазвонил его сотовый. Максим тут же проснулся, с тревогой взял с тумбочки аппарат. Не нажимая клавишу ответа на звонок, он сравнил незнакомый номер телефона звонившего сейчас с записанным на бумажке ночью. Номер совпал. От этого у бедолаги задрожали руки, моментально пересохло в горле, на лице появились испарины пота. Телефон звонил, а Максим всё не решался отвечать на звонок. Наконец решив, что лучше ответить и сейчас же узнать, кто такая, нажал зелёную клавишу телефона. В трубке он услышал голос ликующего Сергея: «Ало, Макс! Ты прости, что рано звоню. Я тебе послал...» В эту самую секунду речь Сергея оборвал грозный рёв Максима:

- Ах ты паразит! Ты что наделал?! Ты что мне написал! Почему с чужого телефона, почему не написал понятнее, что к чему? Ты ж чуть не отправил меня в пси-ху-шку!

- Макс прости! – робко сказал, теперь уже испугавшийся Сергей, - понимаешь, я так волновался, такое ж событие! Я написал СМС нашим родителям. Заодно решил порадовать и тебя, моего лучшего друга. По моему, СМС самое обычное, простое и понятное. Ты приезжай обмывать ножки, или на крещение. Мы планировали тебя крёстным отцом..., - лепетал, уже начавший обмывать ножки дочери Сергей.

Чёрт

рассказ

На тихой деревенской улочке соседствуют: одинокий пенсионер Николаич, преклонных лет, сгорбленная, тщедушная старушонка Андреевна, а промеж их дворов немалою росту средних лет мужик Юра.

У Николаича из домашней живности водится здоровенный рыжий пёс Пыж, да крохотных размеров, лохматая, вся в белых и чёрных пятнах кошка. На её мордочке красуется белое пятно, похожее на кляксу в тетрадке двоечника, потому и наречена она Кляксой. Родилась Клякса на чердаке дома своего хозяина. Пока Клякса была маленькой, мать кормила её своим молочком, а вот когда подросла, мамаша на чердак наведываться перестала и чтобы не помереть с голоду, Клякса стала добывать себе пищу самостоятельно. Ловила на чердаке мышей и воробышек. Когда и этого провианта на чердаке не стало, она спустилась на землю и продолжила охотничать в саду и на кучах перегноя и пищевых отходов у себя и соседей, где много мышей и промышляют провиантом воробышки. Часто тёмными ночами в дальнем углу сада можно видеть две горящие точки. Это Клякса сидит в засаде, выслеживая добычу.

Завелась в доме у Юры мышка. Звал он, звал Кляксу в свой дом, но та к жизни в доме не привыкла, и интереса к охоте у соседа в доме не проявила. Тогда купил Юра в магазине специального клея, взял небольшой обрывок обоев, клеем очертил на нём круг, положил в центр приманку для мышки.

Приезжает он дня через два на свою дачку и видит, что в его ловушке на клею сидит крепко приклеенная мышка. На улице быстро темнело. В спешке Юра вынес ловушку с пойманной мышкой на улицу и выбросил у входа в баню. Рядом за забором в это самое время заканчивала работу на своих аккуратных грядках Андреевна. Юра поздоровался с приветливой соседкой и поспешил разгружать и запирать на ночь машину.

Запер Юра машину, посидел под домом на лавочке, потягивая сигарету, и направился в дом. Когда он вышел из-за угла дома, увидел вращающийся с шумом клубок. С трудом в сгущавшихся сумерках рассмотрел он, что это Клякса, позарившаяся на лёгкую добычу, приклеилась к листу обоев и ни как не может освободиться. Бросился он на помощь бедной кошке, но та, изловчившись с шумом нырнула в дыру забора в огород

Андреевны. Оказавшись по другую сторону забора, Клякса продолжила борьбу с клеем, энергично пытаясь освободиться.

Вращающийся с шумом лохматый клубок со сверкающими страшными глазами увидела Андреевна. Не долго думая, старушка бросила мотыгу и рванула в избу напрямую через грядки, да так, что в скорости её бега с препятствиями позавидовал бы любой олимпийский чемпион по бегу на дистанции с препятствиями. Увидав перепуганную старушку, быстро ретировался в свой дом и Юра. Он испугался, что Андреевна может в темноте споткнуться и рассыпаться, а ему за всё это, как бы не пришлось ещё и отвечать. Но преклонных лет спринтерша все препятствия в темноте преодолела благополучно. Влетевши в сени, с шумом захлопнула и заперла на засов дверь.

Минут через двадцать любопытство старушки взяло верх и Юра услышал лёгкий скрип её двери. Осторожно выглянув из-за угла бани, он увидел приоткрытую дверь дома Андреевны, а из темноты сеней сверкнули стёклами её очки.

Утром следующего дня, как только Юра появился на крылечке своего дома, у забора возникла Андреевна и крестясь, стала рассказывать ему о вчерашнем посещении её огорода самим чёртом. Юра, едва сдерживая смех, «очень» внимательно слушал старушку, разглядывая обрывки обоев на её грядках...

Буланый

рассказ

Толина мама работала дояркой на молочно-товарной ферме колхоза, которая располагалась километрах в двадцати от города в бескрайней степи Калмыкии. Жили колхозники в небольших саманных домиках рядом с фермой. Ребята школьники, чьи мамы работали на ферме, жили в городе и приезжали к своим мамам только в каникулы.

На ферме, кроме коров и телят было две лошади. Один среднего роста, вороной красавец. Второй конь был масти буланой, высокого роста, с большим животом, ленивый до невозможности, как говорили о нём ребята. Звали лошадей работники фермы по их масти – Вороной и Буланый.

Вороным, очень резвым и строптивым конём пользовались гуртоправ Сидор Леонтьевич и его помощник здоровенный, бросивший учиться после пятого класса, Витька. На Вороном гуртоправ с помощником пасли стадо. Буланый работал в основном по хозяйству. На нём доярки в большой деревянной бочке возили для кухни воду из колодца, ездили в правление колхоза и по своим делам в город. А когда наступали каникулы у школьников, Буланому приходилось ещё и пасти скотину. Ведь своего вороного Сидор Леонтьевич давал ребятам, помогавшим ему пасти стадо, опасался.

Запряжет в телегу или оседлает Буланого какая ни-будь тётенька и плетётся этот ленивец, едва переставляя ноги, горизонтально вытянув свою длинную шею, словно корова. А если стегнут его кнутом, чтобы передвигался быстрее, пробежится минут пять лёгонькой рысцой и снова переходит на медленный с протяжкой ног шаг.

Так Буланый работал от каникул до каникул. Но когда приезжали на ферму школьники, вольница у него прерывалась. Передвигаться, словно корова, ребята ему не позволяли. К стаду и обратно приходилось только скакать. Заворачивать коров от колхозных пшеничных полей во время пастьбы, приходилось тоже не вразвалочку. Даже телегу с бочкой приходилось таскать бегом. Эти сорванцы не позволяли Буланому и вытягивать шею. Натянет мальчуган уздечку или вожжи, хлестанёт кнутом по крупу и приходится бежать с круто изогнутой шеей, словно резвый до невозможности скакун. Им же хочется ездить так, как гуртоправ с помощником на Вороном.

Как-то в конце мая на ферме появился раньше всех сдавший переводные экзамены в школе Толька. (В те послевоенные времена все школьники, начиная с четвёртого класса, за каждый

учебный год сдавали экзамены, и только по их результатам переводились в следующий класс).

Время было обеденное. В высоком голубом небе сияло палящее солнце. Все работники фермы в балке из колодца поили стадо. Приехавший с молоковозом Толька, уставший и потный, кинул на мамину кровать свою дорожную сумочку и пошел к колодцу. Когда он со всеми поздоровался и доложил, как сдал экзамены, его мама сказала: «Там на пригорке пасётся спутанный Буланый. Сходи, приведи и напои его». Толька вскарабкался по крутому обрыву балки, быстро пошагал по широкому в золотистых ковылях полю. Встреча с мамой, красота ещё не выгоревшей от зноя степи, предстоящая встреча с Буланым, подняли у мальчишки настроение. Шагал он радостный и счастливый. Подойдя к Буланому, первым делом достал из кармана штанов приготовленный для друга ломоть пахучего, испеченного бабушкой в русской печи хлеба и подал угощение. Своими большими мягкими губами Буланый ловко взял из протянутой ладошки хлеб. А Толька, прильнув к пахнущей степным разнотравьем голове лошади, обнимая друга после долгой разлуки, несколько минут чесал лошади подбородок и вокруг ушей, что очень любил Буланый. Потом мальчик развязал верёвку на передних ногах коня, привязал верёвку к недоуздку (Изделие из кожи, как и уздечка только без удили и поводков.) и повёл лошадь к водопою. А придя к колодцу, не стал поить его из общего большого деревянного корыта, откуда пили коровы, напуская в воду слюну. Мальчик взял ведро и таскал Буланому свеженькую, чистую, прохладную воду из колодца пока тот не наполнил свой здоровенный живот.

Напоив коня, Толька подвёл его к лужайке с зелёной свежей травкой. Буланый стал щипать траву, а Толька, держа коня за верёвку от недоуздка, повернулся к Сидору Леонтьевичу и спросил, кто погонит на пастбище коров после водопоя. И в это самое время у своего левого уха он услышал жаркий выдох лошади. Машинально приседая, мальчик повернул голову влево и увидел широко раскрытую пасть Буланого, изготовившегося укусить его за левое плечо. Увернуться от укуса он не успел.

Куснул его Буланый не сильно. Но своими огромными зубищами сильно ударил по лбу выше глаза. Отскочивший в сторону Толька вскрикнул: «Ах ты, паразит! Значит так, да?...» В ту же секунду он сильно дёрнул верёвку и свисавшим из рук её концом приготовился стегануть предателя по морде. Но произошедшее видели доярки и Сидор Леонтьевич. Толькина мама вскрикнув: «Ой боже!», - в одно мгновение подбежала к сыну и вырвала из его рук верёвку. «Вот вам и смирный! Такого с ним ещё ни когда не было! Вот оказывается, какой он этот Буланый!» - слышалось со всех сторон. А подошедший к Тольке Сидор Леонтьевич, поправляя желтыми от табака пальцами свои седые усы, громко сказал: «Что ж вы думаете? Скотина глупая? Ни чего не понимает? Ан не-е-т! Всё этот наш лодырь понимает. Всё! Он же знает, что с сегодняшнего дня придётся ему получать кнутом и скакать, скакать и скакать. Так-то вот. Веди его Толя в конюшню. Пообедаешь, оседлай этого своего друга и приезжай во-он за тот пригорок. Сменишь меня». Гуртоправ указал плетью, где после водопоя будет пасти коров. А приунувший Толька, бросив Буланому: «Ну! Пошли!», - потянул за верёвку и медленно повёл коня по крутому склону балки. Когда вышли из балки и отошли подальше, Толька остановился и повернулся к Буланому со словами: «Вот ты оказывается какой! А я тебе хлебушка... Хотел даже сахару у мамы взять, хорошо что его у нас нет, а то слопал бы и кусаться...». Толька с укором отчитывал коня, а тот не обращая ни какого внимания на упрёки в свой адрес, легонько потягивая ноздрями воздух, тыкал мордой о карман Толькиных штанов, откуда ещё пахло вкусным хлебом. Но вот Буланый, не обнаружив в карманах мальчугана пахучего хлеба, медленно поднял голову и глянул своими большими карими глазищами прямо, как показалось Тольке, в самую его душу. Мальчик не выдержал этого взгляда, резко отвернулся и медленно пошагал, волоча ноги по пыльной в коровьих лепёшках дороге. Ему показалось, что Буланый, выслушав его упрёки, сказал ему: «Меня упрекаешь в недружеском поведении, а сам! Сегодня же будешь больно стегать меня, и гонять галопом в эту жуткую жарницу...». «Точно! Так и есть! Сидор Леонтьевич сказал же, что он всё понимает, не может говорить, потому так на меня и

посмотрел», - размышлял устыдившийся Толька. Больше в тот день он ни разу не глянул в глаза Буланому: ни когда закрывал его в конюшне, ни когда седлал, ни когда до самого темна пас коров в зелёной густо пахнувшей разнотравьем широкой долине.

Умные соседи

Рассказ

Свою скромную деревенскую дачку я больше всего люблю за тишину. Покинешь городскую квартиру в девятиэтажном железобетонном бараке, откроешь калитку дачного участка на тихой улочке деревни и сразу погружаешься в тишину и покой. Целыми днями слышишь только шелест листвы деревьев при ласковом свежем ветерке, пение птиц, да горластого петуха с соседней улицы. Бывают звуки и не очень приятные и даже надоедливые, это писклявое твякание малюсенькой белой собачонки, что живёт на нашей улице через дорогу. Своим скрипуче-писклявым лаем меня она особо не беспокоит, потому как до её дома не менее ста метров. Иногда на появление на улице чужих собак бывает расстроен соседский рыжий волкодав Пыж. Лая на чужаков, вторгшихся на его, как очевидно он полагает, территорию, Пыж беспокойно лает и лает, донимая своего хозяина бобыля. А меня и этот его лай не донимает. Лают писклявка и Пыж не каждодневно, да и ненадолго – от силы десять – двадцать минут. Не более. Одним словом, тишины и покоя на даче, обычно, ни кто и ни что не нарушает.

Так было всегда из года в год. Но вот в том году дважды по несколько дней лишали меня покоя другие наши желанные и добрые соседи – птицы. А дело было так.

На нашем участке два скворечника. Один я много лет назад водрузил на старой древовидной высокой вишне, а второй на яблоне. Выйдешь по весне поутру во двор и наслаждаешься чудными трелями скворушек. В начале мая эти славные певчие свои концерты заканчивают, в скорости из скворечни вылетает их потомство, и покидают они нас до следующей весны. Но в тот

год, кроме наслаждения чудными трелями пришлось мне почти целую неделю с утренней зари и до темна побегать с дубиной. В скворечне на вишне вылупилось не в меру большое количество скворчат. По моим прикидкам не менее шести голов. Весна в том году затянулась. Вылет майского жука не совпал с нарождением скворцового потомства. Пока скворцы высиживали своё потомство, с гулом, сравнимым с немецкими бомбовозами сорок первого, большие стаи жука отлетали и успокоились. Вылупились скворчата, а чем их кормить? В скворечне, что на яблоне вылупилось всего-то два, или три птенца, не более. И их родители прокормом обеспечивали, а вот тем, что народились на вишне, еды явно не хватало. Особенно, когда стали они подрастать. С недоедания эти стали всё больше и больше пищать, высунувшись из скворечника, требуя пищи. Их беспокойный писк и выглядывание из скворечника не могло не привлечь деревенских кошек.

Иду, значит, я однажды по участку и вижу, как по вишне мечется стая скворцов. Птицы, издавая устрашающее шипение, громко хлопая крыльями, быстро перелетали с ветки на ветку. Присмотревшись внимательнее к необычному поведению птиц, я заметил на суку под скворечником большую серую кошку. Мои попытки прогнать охотника окриком успехом не увенчались. Пришлось взять в руки длинную палку. Только тогда кошка ретировалась. Скворцы успокоились и разлетелись. Естественно, разлетелась прибывшая по тревоге подмога, я насчитал их больше десяти голов.

Какие только кошки не появлялись на нашем участке в те тревожные дни. Отметился здоровенный рыжий котяра с соседней улицы. Не единожды бывала хитрющая чёрно-белая. Бывал даже старый, облезлый подсеповатый чёрный. Естественно, целыми днями на нашем участке вертелась Клякса. Её хозяин, наш добрый сосед Николаич выдрессировал её так, что два раза запрет на то или иное действие ей повторять не надо. Встревожила она в первый день скворцов, прогнал я её палкой от вишни и больше она к скворечне ни шагу. Однажды даже, когда я гнал палкой серую бестию, она выскочила из кустов малины,

нагнала нарушителя и давай драть ей шеньон. Чужачка раза в два больше Кляксы и, естественно, сильнее, но следом же с дубиной бежит помощник, как тут не отметить.

Не могли не смекнуть, кто враг, а кто их защитник и скворцы. Однажды, когда под вечер я поливал помидоры, с вишни спикировал скворец папа, пронёсся над самой моей головой, потом резко взмыл вверх и уселся на трубу газопровода в двух метрах от меня. Такое поведение скворца меня удивило, но свою работу я продолжил. Через несколько минут скворец с трубы газопровода снова спикировал у самой моей головы и уселся рядом на загородку малины. Тогда я поставил на землю лейку и стал оглядываться по сторонам. И что ж вы думаете? Вижу, а через узкую щель забора пролазит рыжий паразит. Я метнул в него небольшой камушек, кот быстро нырнул обратно, а скворец, перестав кричать и хлопать крыльями, продолжал ещё несколько минут мирно восседать возле меня, зорко посматривая по сторонам.

Вскоре скворчата с вишни подросли и улетели, а на нашем участке опять воцарилась тишина и покой, но не на долго.

Под крышей пристроя к домику при его возведении мы с сыном забыли заделать небольшую дыру рядом с входной дверью. Каждый год в той дырочке устраивали себе гнездо и выводили птенцов семейство Трясогузок. Но в тот год наши привычные постояльцы почему-то к нам на лето не пожаловали. Но ведь свято место пусто ж не бывает. И поселилась в той дырочке другая семейка. Что это за птахи мы с женой не знаем. Звал я на консультацию знатока птиц соседа Николаича. Почесал он, почесал свой седой затылок и заявил, что имени этих птах он не знает.

Птичка размером с воробья. Самочка стройная, чисто серая, внешне похожа на Трясогузку. Глава семейства чуть покрупнее, на грудке ярко-чёрное пятно, крылышки и холка отдают краснотой. Сосед высказал предположение, что это соловьи, но не уверен.

Впрочем, в прежние годы в зарослях вишни и малины возле туалета жили у нас соловьи. Рассмотреть тамошних жильцов мне возможности не представилось, но трели-то оттуда по весне звенели постоянно. Тамошнее жилище соловьёв, по-моему, было для птиц небезопасным. Крыша туалетного строения низка, рядом навозная куча, где на мышей каждодневно не без успеха охотится Клякса. Охотник она сноровистый и опасный. Зевни и окажешься в её цепких лапах. Так что вполне возможно, что увидев освободившееся более безопасное место, обитатели зарослей и переселились в пристрой к дому. А в зарослях у туалета ни кого в том году видно не было.

Ну, так вот. Жила у нашей двери эта приятная парочка тихо и мирно, но случилась у них беда – выпал из гнезда их наследник. Обратил я как-то внимание на суету этих птиц. Сидят на ветках груши, или на проводе освещения двора, а то и на трубе газопровода и тревожно пищат. Сначала громко произносят «кха», а затем протяжное пи-и-и. Час беспокоятся, два, три. Такие издаваемые ими звуки стали надоедать. И вот иду я утром по дорожке у дома и вижу, как из роскошного куста пионов выскочил и побежал к стене дома птенец. Вот, оказывается в чём причина такого беспокойства наших новых соседей! Изловил я малого, держу в руках размышляя, что делать, а кроха в руке трепыхается, угрожающе на меня шипит, норовит ударить не по росту большим клювиком. Позвал я жену, хотел попросить поддержать птенца пока я сбегая за стремянкой, чтобы посадить бедолагу обратно в гнездо, но он в очередной раз трепыхнулся и вырвался. Крепко ж его не зажёшь, этим он глупый и воспользовался. Упав на бетонную дорожку, птенец тут же юркнул в большие кусты цветов. Искал я его, искал, но безуспешно. А Клякса от навозной кучи уже переместилась к домику, да и другие разбойники опять по огороду забегали. Вот и пришлось мне опять до самого темна с дубиной прохаживаться вдоль домика и цветника. Проснулся наутро чуть свет и на улицу. Вижу, родители несчастного малыша всё ещё суетятся, перелетают с места на место, зависая то в одном, то в другом месте, словно жаворонок в метре над землёй.

Пытался искать птенца там, где они зависают – бесполезно. Уже было подумал, что оплакивают бедняги потерю детёныша. «Они не люди» - рассуждаю, - не то чтобы бросить или отдать в детский дом. Пропавшего оплакивают, потерявши покой. Может, потому так и пекутся о дитяти, что нет у них детских домов? Брось потомка на произвол судьбы, как это делают некоторые из рода человеческого – оно и пропадёт. Надеяться ж не на кого».

А после обеда обходя в очередной раз место, где сбежал от меня птенец, увидел, таки, я его. Стал ловить. К его ловле тут же подключилась и жена. Не сразу, но поймали мы проворный серый комочек. Жена заключила его в ладоши, где он сидел притихший. Я быстро притащил стремянку и посадил птенца в гнездо. Всё это происходило на глазах его родителей. И что ж вы думаете? Видя, что мы поймали их дитяти, держим в руках, они перестали суетиться и издавать тревожные крики – пiski! До конца дня птахи непрерывно таскали в гнездо пучки червей, не обращая на нас ни какого внимания.

Остановился я зачем-то у стены дома и увидел в полутора метрах от себя мирно сидевшую на водостоке мамашу посаженного мною её дитя. Почистив о железо свой красивый длинный клювик, птаха полетела добывать корм своему потомству, а я долго стоял на месте и думал о том, что вся окружающая нас живая природа разумна. «Всё живое, что что-то делает, в трудах набирается опыта действий, а усложнение этого опыта, очевидно, и превращается в разум!» - сделал я для себя неожиданный вывод, - всё окружающее нас живое разумно! И весьма! Но только в том, что живому существу нужно. Вон по стволу яблони вверх и вниз снуют не хуже нас людей социально организованные муравьи. Какую сноровку и хитрость проявляют животные охотники волки, лисы, медведи, да и те же наши кошки! Даже растения и те по-своему, в пределах им необходимого мыслят. Всем же известно их враждебное отношение к одним растениям и желаемость проживания, простите, произрастания рядом других. Как сложна, как многообразна, и красива породившая и нас самих матушка

природа! И по достоинству ли мы с нею обращаемся, то есть, ещё раз извините за оговорку, соседствуем?

«В отношении птиц, чудного явления природы я поступил правильно, а не настроил ли я против себя кошек?» - подумалось мне в конце моих размышлизмов.

Изменщица

Рассказ

Большой двор нашего дома в незапамятные советские времена, параллельно со строительством, был засажен белоствольными берёзками, клёнами, липами и тополями. Много лет стоит наш панельный дом, к самому поднебесью вытянулись и деревья. Под самым нашим окном во все стороны раскинул свои ветви красавец клён. Его коробочки с семенами каждый год, когда наступают не лёгкие времена бескормицы, привлекают целые стаи самых разных пернатых. К наступлению тёплых дней газон под нашим окном бывает устлан ковром из скорлупы от этих коробочек. И каждый год, когда на клёне появлялись красавцы снегири, мы с женой буквально прилипали к окну, любуясь дружной, умелой работой этих красавцев.

Однажды наше внимание больше привлекли птицы другие. А дело в том, что в ветвях высокого молодого тополя в двадцатых числах марта парочка молодых ворон развернула работы по сооружению гнезда. Дня за четыре до начала активной фазы строительства птицы с утра появлялись на тополе. Минут по сорок они перелетали с ветки на ветку, громко меж собой перекликаясь. Мы с первого дня заметили необычное поведение этих ворон, но особого значения их активности сначала не придали. Но вот однажды жена заметила, как одна из этих ворон ни с того, ни с сего стала таскать по крыше трансформаторной подстанции, что напротив нашего подъезда, не малых размеров и толщины хворостину. Сначала птица, ловко орудуя клювом, обломала на хворостине мелкие сучки, потом, придерживая

палку лапами, стала её переламывать. Сначала в том месте, где ворона наметила сломать палку, она долго её долбила своим крепким клювом. Потом обеими лапами села на палку, клювом взяла другой её конец, и начала водить его из стороны в сторону пока палка не переломилась окончательно. Когда ворона взяла в лапы палку и взлетела с нею в сторону тополя, мы разглядели, что из хворостины ворона сделала почти идеальную рогатину, какие мальчишки делают для известного своего оружия, только черенок рогатины получился длинноват.

Со своим изделием ворона уселась на сук не очень толстого ствола тополя. Рогатиной палки она обняла сучок потолще, а длинный её конец втиснула меж двух других сучков. Пристроив палку, ворона отлетела в сторону, уселась метрах в полутора на другом суку, очевидно, немного передохнуть. В это время прилетела и принесла сучковатую хворостину другая ворона, как мы уже догадались, будущая мама, она немного поменьше ростом, а сучки всё время таскала маленькие. Пока «жена» пристраивала принесенную ветку, её избранник восседал в сторонке, покручивал головой, зорко наблюдая за работой своей избранницы. Когда вторая ветка оказалась пристроенной, обе птицы дружно снялись и улетели.

Дня через два на тополе образовалось строение из хвороста в диаметре 35-40 сантиметров. К тому времени резко изменилась погода - подул сильный, холодный северо-восточный ветер. Наш тополь ветер трепал так, что его ветви порой резко раскачивались из стороны в сторону не менее чем на полтора-два метра. Ни одна веточка из вороньего сооружения, при этом, не сорвалась.

Потом мы наблюдали, как пару дней в своё сооружение птицы таскали сухую траву, обрывки какой-то ткани. Будущая мамаша, после каждой укладки мягкой растительности залезала в гнездо, подолгу в нём копошилась, усаживаясь и так, и эдак. Когда она выбиралась из гнезда, на его край садился будущий папаша и по несколько минут клювом работал в гнезде – устранял недостатки в сооружении, сообщали мы.

Видно было, что работы по сооружению гнезда заканчиваются. «Теперь будут отложены яйца и начнётся на них сидение» - решили мы и наш интерес к наблюдению ослаб. Но тут случилось не предвиденное – у гнезда появилась ещё одна ворона, более крупных размеров. Птица пришелец бесцеремонно лезла в построенное гнездо и прогоняла трудягу «мужа». Хозяйка, при этом, сидела в сторонке, спокойно наблюдая за дракой. Понятно нам стало, что на готовенькое гнездо и на молодуху позарился «мужик» постарше и посильней. Я уверен, что вдвоём парочка того пришельца запросто б одолела. Но произошла измена. Изменщица спокойно со стороны наблюдала, как пришелец избивал её недавнего избранника, пока окончательно не изгнал его...

«И чем же птицы отличаются от нас людей? – подумалось мне, -разве только тем, что измена у них происходит не тайно, по честному,? Дама честно и открыто выбирает сильнейшего? Значит птицы мудрее и честнее нас, как мы о себе говорим, цивилизованных? Похоже да».

Молодой строитель семьи больше в нашем дворе не показывался. Его избранница отложила в гнезде яйца, и с новым своим «мужем» поочерёдно восседали на них положенное время.

Содержание:

произведения	стр.
Роман «Медовый месяц».....	
Рассказы и очерки:	
Аргумент.....	
Братская могила.....	
Коммунисты.....	
Двое.....	

Ветеран «хувлиган».....

Куколка.....

Первый учебник.....

Освобождение.....

Земляки.....

Переполох холостяка.....

Чёрт.....

Умные соседи.....

Изменщица.....